

Игорь Сотников

Палиндром

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

КНИГА ВТОРАЯ.

18+

Игорь Сотников
Палиндром. Книга вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Сотников И.

Палиндром. Книга вторая / И. Сотников — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Продолжение книги «Люди \$лова». Где показана внутренняя изнанка политики, как её видит человек, ничего в ней не сведущий. Но раз всё это вокруг разыгрывается для него, то не настолько он и не сведущ. В общем, где-то в заоблачном граде на холму, на тридесятом, или пятом авеню, жил был, пока не избрался, а как избрался, то тут-то и понеслось... А если серьёзно, то... не получается. Автор обложки: Дарья Левчук. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Коррупционная составляющая, то есть основанная на разумном подходе к делу, не обнаружена

Вот только представьте себе, а часто по-другому и не осуществляются все эти ваши задумки, что у вас выдался свободный от всех обязательств вечер, а это по своей сути значит, что у вас за долгое время всё идёт как надо и всё вовремя получается, – не нужно даже брать работу на дом, всё обмозговано там, на рабочем месте, – и вы, отключив всю связь с внешним миром, в самом благодушном расположении своего духа, – о физике тела вы уже заранее побеспокоились, устроившись с вытянутыми вперёд ногами на вашем любимом кресле, под пледом и с пультом от телевизора в руках, – дабы ещё слегка приподнять своё настроение (что поделать, такова уж натура человека, не может он в полной мере удовлетвориться настоящим положением и вечно стремится вперёд), протягиваете свою руку в сторону стоящего рядом с креслом журнального столика, с которого так на вас призывно смотрит полнёхонький графин с бодрящим сознание напитком, и в тот самый момент, когда вы уже практически достигли своей цели, графина, – пальцы ваших рук даже ощутили на себе холодком отдающую, волнуемую игристость этого бодрящего напитка, – вдруг, и не пойми откуда (а дома кроме вас нет никого), до вас доносится требовательный голос:

– А ну стоять! Куда руки тянешь?!

Ну а так как всё это так для вас неожиданно случилось, да и к тому же вы находились в более чем расслабленном состоянии духа, то первой вашей реакцией на это вмешательство будет, ваше рефлекторное одёргивание рук. Вслед за этим, вы, громко вопросив: «Кто это?!», – с крайне испуганным лицом начнёте озираться по сторонам, в поисках источника этого голоса. Но как бы вы не приглядывались к окружающим вас сторонам и даже прислушивались к ним, вам так и не удаётся обнаружить этот, что уж скрывать, так напугавший вас источник звуков. И тогда вы, храбрясь, опять призываете к ответу этого незнакомца, посмеявшегося вас перепугать, и уже становится понятно, что и испортить весь вечер. – Я ещё раз спрашиваю. – Заглушая свой страх своим голосом, громко вопрошаете вы. – Кто это сейчас со мной говорил?! – И начинаете прислушиваться ко всем шумам и шорохам, какие всё больше присутствуют там, за окном, где людям всё не сидится на одном месте, и они всё не могут наездиться на своих автомобилях.

И вот когда уже казалось, что всё то, что сейчас случилось, было плодом воображения господина Шиллинга – он был тем человеком, так решившим отдохнуть от окружающих его забот, – как до него вновь доносится этот голос. – Ты сам прекрасно знаешь, кто это. – И опять господин Шиллинг ведёт себя предсказуемо – он при звуке этого голоса мертвеет лицом, вздрагивает и начинает крутить головой по сторонам. Но там всё по-прежнему никого не видно. И Шиллинг со страшным лицом нервно вопрошает окружающее. – Не ври, ничего я не знаю! И что это за игры в прятки такие. Покажись, если ты не трус. – И последнее, наверное, было лишним, как тут же про себя подумал Шиллинг, испугавшись, что сам провоцирует этого неизвестного на небезопасные для него действия.

Но ответный смешок неизвестного, и не поймёшь с какой стороны (что как раз больше всего и пугает), говорит о том, что он не воспринимает всерьёз все эти угрозы Шиллинга. После чего следует ответ неизвестного. – Ты меня только тогда сможешь увидеть, когда поймёшь, кто на самом деле я есть. – И понятно, что такой ответ неизвестного, ещё больше нагнал тумана на Шиллинга и без того мало что понимающего. И единственное, что мог ответить на это Шиллинг, так это вопросить себя. – Что за херня? – Ну а так как на подобного рода вопросы, ответы, как правило, не предусмотрены, то они и не были даны. При этом всё вокруг опять затихло, и как бы Шиллинг не провоцировал окружающее своими пронзающими пространство взглядами, это ни к чему не привело. Но разве Шиллинг, да и кто другой на его месте, на этом может

успокоиться. Конечно, нет. И он, выждав ещё какое-то время, опять вопрошает это тёмное пространство вокруг. – И что, на этом всё?

Ну а то, что ответа на его вопрос не последовало, то тут, либо неизвестный решил своим молчанием спровоцировать Шиллинга на неизвестность своих намерений на его счёт, что позволяло ему держать в постоянном страхе Шиллинга, либо же этот неизвестный всё оставил на ответственность разума Шиллинга – пусть помучается над загадкой появления этого голоса. Впрочем, в любом случае Шиллингу есть о чём подумать. И он подумал, но только не так, как этого хотел этот некто неизвестный.

А Шиллинг после достаточно долгого выжидания ответа от этого неизвестного и той слуховой внимательности, которую он проявлял ко всему окружающему, – а у меня как оказывается интересные соседи, сделал вывод Шиллинг, услышав немало интересного о жизни, всю в похождениях проведённую его соседом сверху (понятно, что это только со слов недовольной соседки, которую никогда не берут с собой во все эти похождения, вот она и злится, разбивая посуду, то об пол, то об голову своего гуляющего супруга), – ещё раз спросил темноту. – Я ещё раз спрашиваю. Это всё? – И не получив ответа, задумался над тем, что ему теперь делать. А как задумался, то его взгляд плавно переместился в сторону ожидающего его решения полнёхонького графина.

– А вот сейчас глоток другой, мне точно не будет лишним. – И только это взболтнул длинный на язык Шиллинг, как ему вспомнилось, что этот голос возник как раз в тот момент, когда он потянулся рукой к графину. А этого, пожалуй, игнорировать нельзя. И Шиллинг, посмотрев в глубину зала изнутри себя, громко заявил. – А я вот сейчас возьму графин и налью себе. И посмотрим, как ты на это отреагируешь. – Далее Шиллинг с готовностью ломиться, куда глаза глядят, выжидает ответа на свои провокационные действия от неизвестного. Но вокруг одна тишина, и он с язвительной ухмылкой поворачивается к графину, при этом не забывая держать под контролем пространство вокруг, и уже было собирается протянуть к нему свою руку, как его осеняет догадкой. – А может это голос моего лечащего врача, доктора Диди?

И казалось бы, причём здесь этот некто доктор Диди, когда сложившаяся обстановка неизвестности, со своей долей опасности, – кто знает, что там задумал этот неизвестный, – просто требует, чтобы Шиллинг, даже несмотря на то, что его ноги оцепенели от страха, а он сам как-то весь ослаб в нерешительности, не пренебрегал собой, а подскочил с места и бросился бежать прочь отсюда. Но тут дело такое, что когда Шиллинг не дождался ответа от неизвестного на свои требовательные вопросы, то по мере удалённости по времени этого голосового события, в него постепенно начали закрадываться сомнения насчёт этого голоса. – А был ли он вообще, или же это всё плод фантазий расшатанных нервов, которые вечно не дают покоя. – И как бы Шиллинг себя не уверял: «Я же собственными ушами слышал», – то чем больше времени проходит, а вокруг всё по-прежнему тихо, то тем меньше остаётся у него уверенности в этом.

И получается так, что человек, если он находится в единственном лице, то он не достаточно основателен для того, чтобы делать какие-либо утверждения насчёт происходящего даже на его глазах (и эту есть своё объяснение – человек социален и по большому счёту не может единолично принимать решения). А вот если бы этому, по его словам, реально свершившемуся факту, был любого рода свидетель (даже подкупленный), то тогда можно аргументировано сказать, что да, всё то, что тогда Шиллинг услышал, – правда так и осталось невыясненным, откуда и где звучал этот голос (может в его голове), – есть несомненный факт реальности, а не его выдумки на ночь глядя.

Вот почему Шиллинг повёл себя столь необычно для испуганного человека – он был слишком здравомыслящим человеком, которого чтобы убедить в чём-то, то нужно очень постараться. Ну а как только его посетила мысль о том, что причиной появления этого голоса мог стать психологический фактор, то он тут же принялся выискивать в своей памяти те крайне

важные для себя события, или людей стоящих за этими событиями, которые видимо ещё недопереживались им, и таким образом ему о себя напомнили (причиной возникновения снов могут стать дневные переживания, а если вы слишком чувствительный, склонный к паранойе человек, в чём, конечно, вы никогда не признаетесь, то чем это не причина для того, чтобы слышать несколько больше чем обычный человек).

И вот тут-то, а на это про всё размышление Шиллинга ушло то самое мгновение, пондобившееся ему, чтобы протянуть свою руку к графину, ему и вспоминается этот доктор Диди. Почему именно доктор Диди, когда на его первом месте мог бы оказаться любой другой, – в чём-чём, а недостатка в таких знакомых, которых лучше не видеть в своих знакомых, Шиллинг никогда не испытывал, – то тут все вопросы к образу мышления Шиллинга – он подходил к любому делу не с самой трудной стороны. И видимо доктор Диди показался ему вполне устраивающим его вариантом, вот он о нём и вспомнил.

Ну а как только Шиллинг подумал о докторе Диди, так сразу же представил перед собой его такое улыбочное и одновременно совсем не простое лицо. А ведь его ему рекомендовал сам Мистер президент: «Господин вице-президент, в последнее время вы устало, и между нами, слишком потрёпано выглядите. Вы, надеюсь, там в одного не налагаете. Сами знаете на что». Ну а Шиллинг, что за закон Мерфи, как раз вчера слегка налёг, и в своей задумчивости и не заметил, как опустошил весь домашний бар пана Паника, нахождение у которого для него было полной загадкой. И Шиллинг в какое другое время не стал бы так себя открыто выдавать президенту, но тот сейчас так принципиально смотрит и вдыхает от него, что приходится признаться в том, что его к этому иногда вынуждают обстоятельства его нервной работы. – Господин Мистер президент, сами знаете, с кем приходится иметь дело, вот и приходится сглаживать этот мир приёмом внутрь средств оптимизма.

Ну и Мистер президент всё отлично понял, и рекомендовал ему своего личного врача, доктора Диди. От услуг которого, Шиллинг никак не мог отказаться, – Шиллинг далеко не дурак, и знает о прямой связи между доктором Диди и президентом, всё, падла, ему расскажет, – и поэтому был вынужден предоставить всего себя в его распоряжение на одном из приёмов.

Ну а доктор Диди даже и не собирается скрывать свои истинные намерения по отношению к Шиллингу, и только он занял свой стул у него в кабинете, как он сразу напрямую говорит. – Давайте оставим все формальности за дверьми кабинета. Для меня вы прежде всего человек со своим здоровьем, а я для вас человек, кто будет защищать это ваше здоровье от болезней. Ну а врач это не просто человек, обученный в университетах медицинскому мастерству, а это такой человек, которому можно и нужно доверить самое драгоценное, свою жизнь и здоровье. Ну а рецепт для продления вашей жизни один, быть полностью откровенным со мной; ну и заодно, вы должны во всём слушаться меня.

– А вот это ты видел! – рявкнув про себя, Шиллинг в ярости скрутил пальцы одной из рук, той, что была в кармане, в фигушку, при этом не забывая в ответ улыбаться доктору Диди.

Ну а первое что спросил Шиллинга доктор Диди после этого своего вступления, то тут даже и гадать не нужно. – На что, а вернее, как прочёл его вопрос Шиллинг, на кого вы жалуетесь?

– Ясно на кого. Тут без вариантов. – Бросив косо взгляд на портрет Мистера президента, наверное, ожидал услышать от Шиллинга такой ответ доктор Диди. Ну а дальше уже без своих вариантов. И не успевает Шиллинг понять, откуда его затылок сквозняком обдало, как он уже придавлен осознанием своего бессилия перед физической силой людей в штатском, которые скрепив его руки сзади, а ноги каким-то хитрым способом к ножкам стула, таким образом добившись от него устойчивости на этом месте, теперь требовательно на него смотрели – они пускали ему в лицо дым из раскуренных сигар, и ждали, когда он придёт в сознание после профилактических встречных ударов ему грудь.

Когда же Шиллинг пришёл в себя и готов был возмущаться, – я уже сколько борюсь с этой пагубной привычкой, а вы меня склоняете, – как вперёд выходит доктор Диди, в чьих руках находится молоточек, и своим заявлением приводит Шиллинга в ужас. – Господин вице-президент, у вас, как я погляжу, нервы ни к чёрту. Так что я настаиваю на том, чтобы их проверить.

– Но как?! – из самой глубины себя, из бездн отчаяния орёт Шиллинг, не сводя своего взгляда с этого страшного молоточка, который приобрёл разбег через размах доктора Диди и с мгновения на мгновение должен был обрушиваться в точку скопления всех нервов Шиллинга, коленку.

– Да какой к чёрту он доктор, если не знает, что нервы у человека скапливаются совсем в другом месте. – Глядя на доктора Диди, поглаживая себя за живот, здраво рассудил про себя Шиллинг, сумев избежать такого для себя страшного варианта развития событий – он не стал жаловаться на президента.

Между тем доктор Диди не отпускает Шиллинга из своего цепкого взгляда и с понимающим видом, как бы поддакивает ему. – Да-да господин Шиллинг, я всё понимаю, сложно вот так, без видимых пока причин, всё рассказать первому встречному. Ну а то, что на нём медицинский халат и он вроде как занимает собой медицинский кабинет, так это ещё не основание считать его за врача. Ведь вы в лицо доктора Диди ни разу не видели, и вполне это возможно, что какой-нибудь самозванец, взял и решил воспользоваться этим вашим не знанием и выдать себя за всеми уважаемого доктора Диди. А как только он, этот самозванец, с помощью специальных техник – своего обаяния, знания психологии человека и методики манипуляцией его сознания, – убедит вас во всём вам довериться, то вы, господин вице-президент, как дурак всё ему расскажите и тем самым дадите нашему самому вероятному противнику, чьим представителем будет этот самозванец, сильнейшие рычаги давления на всю структуру государственной власти, чьим представителем вы являетесь.

И тут говорить не надо, что всё это неимоверно возмутило Шиллинга, особенно то, что доктор Диди или самозванец, в общем, чёрт его знает кто из них, так неприкрыто записал его в дураки, – а меня, доктор Самозванец, если хотите знать, возмутился про себя Шиллинг, ещё никто не смел так называть; придурком бывало, но не дураком же. А как возмутило, то он не сдержался и всё, что накопело и надумалось, тут же высказал в лицо этому неоднозначному доктору, то ли Диди, то ли Самозванцеву. – Не на что мне жаловаться. Я сам со своими проблемами справляюсь. – Вот так неприкрыто грубо прохрипел Шиллинг.

Но и доктор Диди не собирался вот так просто сдаваться, – повидал он на своём веку достаточно не сговорчивых, занимающихся самолечением господ, которые когда он им говорил о важности слушать его рекомендации, не слушали его, а сейчас в гробу уже и слов не нужно, кроме самых правдивых и уже вслед ему, – и он многозначительно так в ответ смотрит на Шиллинга, и говорит ему. – По вам и видно, как и какими средствами вы справляетесь со своими проблема.

И хотя это была немыслимая бестактность со стороны доктора Диди, – как он смеет в лицо говорить этому лицу, что оно олицетворяет собой всё самое плохое, что есть внутри этого лица, – всё же Шиллинг ничего не может ему в ответ противопоставить. Он отлично знает, откуда этот ветер знаний доктора Диди дует. – Вот же Мистер президент трепло. Я с ним поделился сокровенным, а он всё разболтал. – Шиллинг перенаправил всю свою злость на не умеющего держать рот на замке президента.

– И я скажу вам, что это не выход. – Сказал доктор Диди, продолжая смотреть на Шиллинга. С чем Шиллинг не может не согласиться, и он понуро пожимает плечами, мол, я всего лишь жертва и меня нужно понять. И доктор Диди не только его понимает, но он как будто умеет читать его мысли. – Хотя в разумных пределах, под наблюдением врача, чтобы так сказать, успокоить нервы, на сон грядущий можно немного себе позволить. – Сказал доктор

Диди и, наклонившись вниз, полез в ящик своего стола. Откуда вскоре достаётся полнёхонькая бутылка виски и пару стаканов. Всё это ставится на стол перед ним. После чего он опять ныряет куда-то там вниз, откуда вскоре достаётся тарелка с различной нарезкой и банка маринованных огурцов, которые занимают приличествующие им на столе места. И доктор Диди, с лукавой улыбкой посмотрев на нимало удивлённого Шиллинга через призму накрытого стола, даже не спрашивает, а убеждает его. – Ну что, по одной.

– Я не знаю. – Сглотнув набежавшую слюну, растерянно сказал Шиллинг.

– Что не знаю, – качает головой доктор Диди, – все оговоренные мною условия имеют своё место, так что ещё не ясно. Хотя может быть вам нужна побудительная для этого причина. Что ж, я её назову. – Доктор Диди, выбив из бутылки крышку, наливает в предназначенный для Шиллинга стакан будоражащего сознание напитка и, пододвинув стакан в сторону Шиллинга, говорит. – За здоровье, как по мне, то самая подходящая причина, чтобы не отказываться от этого предложения. – Но в Шиллинге при виде того, что доктор Диди налил только ему, уже закралось сомнение насчёт тех настоящих мотивов, которые двигали доктором Диди в этом его предложении. – Что-то здесь не чисто. – Рассудил про себя Шиллинг. – Он определённо что-то задумал. – И не успевает Шиллинг додуматься до того, что доктор Диди хочет его как минимум отравить, как сам берёт слово.

– Я не настолько здоров, чтобы пить за здоровье. – Контраргументировал Шиллинг.

– А за здоровье Мистера президента? – хитро уставившись на Шиллинга, спросил доктор Диди. И тут Шиллинг и не успел сообразить, что происходит, как его рука уже сама потянулась к стакану. А затем он не успел уже понять, как стакан уже оказался приставленным к его рту, да так сильно, что у него никакой возможности не было его отвести обратно от себя. Что заставляет Шиллинга с испуганным взглядом броситься за помощью в сторону доктора Диди. Но как видит по целенаправленному на него взору доктора Диди Шиллинг, то это доктор Диди стоит на всем тем давлением, оказываемым на него через дно стакана, который не просто давит ему на ротовую область лица, а раздвигает ему его зубы и начинает вливать ему в рот эту огненную смесь неизвестного состава.

Ну а эта горячая смесь такого обжигающего состава, что у Шиллинга в один момент перехватывает дыхание и он, искривившись в лице, принялся отдыхать. Чему совсем не способствует доктор Диди, который не просто со своим заявлением: «Теперь понятно, какого здоровья вы желаете Мистеру президенту», – лезет под руку Шиллинга, а он не даёт возможности Шиллингу продохнуть – как заметил Шиллинг, скрюченный в узел и отправленный головой вниз, к ногам, происходящим в его желудке, то там, перед его лицом появились тяжёлого вида ботинки, и это так сказать, не способствует его передышки. А стоило ему только приподнять вверх глаза, как вот оно, опять началось.

И он, не успев сообразить, как так может быть, опять оказался придавлен всё теми же своими соображениями о безысходности своего положения в руках физически крепких людей в штатском. Правда на этот раз его мысль на одном дыме в лицо не остановилась, а он успел задаться так заинтриговавшим его в этот момент вопросом. – А почему именно люди в штатском, так действуют пугающе? Ведь люди не в штатском, будучи ближе к оружию, по своей военной сути, куда опасней, чем люди в штатском. Наверное, потому, что никогда не знаешь, что от них ожидать. Тогда как люди военные, так предсказуемы. – Шиллинг, увидев приближающегося к нему доктора Диди с молоточком в руках, быстро переключился на более отвечающие моменту мысли, и с криком: «Не надо!», – возвращается к тому, с чего начали, с вопроса к нему со стороны доктора Диди.

– Ну так что, скажите? – не дождавшись ответа от Шиллинга, спросил его доктор Диди.

– Я полностью полагаюсь на мнение Мистера президента. Ему со стороны виднее, что со мной не так происходит. – Не желая больше испытывать судьбу, которая сегодня такая к нему

покладистая со своим предложениями выбора его встречи с людьми в штатском, так любящими пускать ему дым в лицо, Шиллинг сделал для себя окончательный выбор.

Правда недооценивать своего противника тоже не стоит, тем более, когда на той стороне стола находится доктор, которому и результатов МРТ и флюорографии в руки не надо, чтобы насквозь увидеть, что вы есть на самом деле за человек – всё как всегда, самый обычный, до смерти желающий жить человек, со своими страхами и болячками, где первые отвечают за вторые, а вторые являются отражением его бесстрашности перед последствиями.

И доктор Диди отлично видит, что скрывается под этими словами Шиллинга – хочет всю ответственность за своё здоровье переложить на плечи президента, они как будто безразмерные и всё на себе перенесут. – Вот значит как. Вы будете всю, через безрассудный и много пьющий образ жизни подрывать своё здоровье, а Мистер президент будет за это своим здоровьем восполнять недостаток вашего разума. – Возмутился про себя доктор Диди. – Нет уж, господин вице-президент, не выйдет. И на этот раз вам не удастся спрятаться за широкими плечами Мистера президента, и вам за своё здоровье лично придётся отвечать. – И доктор Диди в решимости оградить Мистера президента от всех этих безответственных типов, лезет в тумбочку своего стола и достаёт оттуда то, что ни за что не угадает Шиллинг, а всё по тому, что он уже знает – бутылку с лучезарным с виду и огненным внутри напитком, и к нему стаканы.

И Шиллинг в ожидании неизбежного, людей в штатском, внутренне мобилизовался и приготовился если что, сигануть в окно с десятого этажа. И сначала всё к этому и шло. Так доктор Диди обстоятельно ему объяснил, в каких пропорциях и при каких условиях он может полечить свои нервы, после чего он наполнил один из стаканов и, держа его в руке, спрашивает Шиллинга. – Вы всё поняли?

Ну а так как Шиллинг давно уже понял, к чему ведётся весь этот разговор, он не стал ссылаться на глухоту или непонимание, – в этом случае ему грозил карандаш в уши, для прочистки его ушей и заодно мозгов, и шапка с проводами на голову, для налаживания взаимопонимания, – и согласно кивнул в ответ.

– Ну а теперь посмотрите внимательно на этот полный стакан. – Сказал доктор Диди. И Шиллинг, не видя в этом ничего для себя сложного, смотрит на этот стакан (но не так, как его попросил доктор Диди, внимательно, а так, рассеянно). – А теперь запомните его. – А вот это предложение доктора Диди, звучит довольно странно и не может не вызвать вопросов у Шиллинга. – И зачем запомнить? – удивился Шиллинг. – И если так уж и быть, я решу запомнить, то, как спрашивается, я это могу сделать? Он же ничем не отличим от других наполненных этим напитком стаканов. – Но как дальше выясняется, то все эти неровности мышления Шиллинга, со своим волнением, были несколько преждевременными. Ему, как оказывается, нужно было волноваться по другому поводу.

– Это был последний наполненный стакан, который вам удалось увидеть со столь близкого расстояния. – Сказал доктор Диди, пронзая взглядом Шиллинга. И вот теперь у Шиллинга действительно появился повод для волнения. А всё опять из-за той неизвестности, которую несли все эти слова доктора Диди. Ведь первое, что в голову спрашивается после этого его заявления, то это как понимать эти его слова. Он (Шиллинг) что, завтра или через час ослепнет и поэтому больше не сможет увидеть наполненный стакан. Или же это всё прозвучало в фигуральном значении. И Шиллинг не сможет увидеть наполненный доктором Диди стакан. – А может мною? – а вот этот альтернативный вариант наполнения стакана, чрезвычайно испугал Шиллинга, только сейчас осознавшего, что на самом деле означало это предупреждение доктора Диди.

– Он, гад, меня закодировал! – горлом прокричал Шиллинг, как только осознал всю вероломность этого доктора. – Так вот кто мне всё это под руку говорил. И теперь стоит только мне протянуть руку к графину, чтобы наполнить стакан, то его внедрённый в меня голос, будет ставить мне запреты. – От этих мыслей внутри Шиллинга всё похолодело. Но это длится одно

мгновение, и как только Шиллинг осознал, что его, как представителя самого свободолюбивого и просвещённого общества, не испросив его желания, таким изуверским способом ограничили в своих правах, – хочу быть свиньёй, буду, и никто не имеет ограничивать моё конституционное право, быть кем мне пожелается (почему-то ход мысли людей свободных в своих желаниях, всегда ведёт в эту сторону), – так он обеими руками потянулся к графину.

И что для Шиллинга было на этот раз неожиданно, так это то, что никто его не остановил. А как только Шиллинга никто не остановил и графин оказался в его руках, то его посетила новая провокационная мысль. – А может это всё мои выдумки? – задумался Шиллинг. – И доктор Диди здесь совсем не причём.

– Какие выдумки. – Возмутился в Шиллинге тот, кто всегда был ему против, и значит противен. – Он же тебе ясно сказал, что разрешает тебе пить только под своим присмотром. А ты нарушаешь его рекомендации, вот он и решил вмешаться.

Но Шиллинг в карман за словом не лезет и ему есть что ответить. – Но как он об этом мог узнать? – кроет своего противника Шиллинг. Но и противник Шиллинга, как и он не так прост, и многое видел и знает. – А разве это сложно предугадать. – Усмехается противник Шиллинга. – Последний рабочий день, канун уик-энда, в какую сторону спрашивается, направлены мысли человека самого себе на уме. Вот то тоже. – Срезает Шиллинга его противник. И хотя Шиллинг крепко зааргументирован своим противником, ему не хочется ещё и здесь оказаться в ограничении. И он из принципа, да хотя бы потому, что он сам себе на уме, как утверждает его противник, не будет с ним соглашаться.

– Уж слишком это легко ... для меня. – И это после многоточие, сумело убедить даже такого зловредного противника Шиллинга, каким был его противник, которого вот ничем не переубедишь, а вот этим упоминанием почему-то можно. Чем Шиллинг и пользуется время от времени, в самых сложных случаях, когда нет полного согласия с собой.

– Но тогда кто? – спросил сам себя Шиллинг через своего противника.

– Надо подумать. – Делая глоток прямо из графина, сказал Шиллинг (пока вопрос с доктором Диди остался в подвешенном состоянии, Шиллинг не решился испытывать судьбу и воспользоваться стаканом – а вот насчёт графина доктор Диди ничего не говорил). После чего в виду сложности вопроса, Шиллинг через глоток другой ещё подумал, затем ещё немного запил, и только тогда, когда он крепко задумался, – для этого ему пришлось ошеломить себя убойным глотком из графина, – то тут ему на выбор явилось сразу несколько и все как один, основательные варианты.

«Друзей держи близко, а врагов ещё ближе», – Шиллингу вдруг почему-то вспомнилась эта поговорка, а вслед за ней вспомнился их приезд с конгрессменом Альцгеймером к адвокату Кримму.

– Прежде чем изложить суть нашего дела, – обратился к Кримму Альцгеймер, – мне хотелось бы найти для себя ответы на интересующие меня вопросы.

– Если они касаются моей адвокатской деятельности, то я к вашим услугам. – Сказал Кримм.

– Я думаю, что имеют отношение. – Сказал Альцгеймер, немного подумал и спросил Кримма. – Скажите, вы только сопровождаете сделку, или же это часть вашего прејскуранта?

– Я не совсем понял ваш вопрос. – Ответил Кримм.

– Что ж, постараюсь на примере объяснить. – Закинув ногу на ногу, сказал Альцгеймер. – Мне нужно, чтобы человек, представляющий наши интересы, в суде бы мог заявить: «Я со всей своей ответственностью заявляю, что всё так, как сказал мой подзащитный». Вы можете взять на себя такую ответственность? – уставившись на Кримма, спросил его Альцгеймер. Что заставляет хоть и сдержанно, но занервничать Кримма, поджилками чувствующего неприятности. Что есть верный признак хороших барышей, а вот это-то его больше всего и волнует. А всё дело в том, что Кримм терпеть не может выражения упущенная выгода, особенно если она

касается его. И тут нет места страху, когда ещё более страшно упустить эту выгоду. И Кримм, понадеявшись на своё отличное знание юридических тонкостей и оговорок, решает, что отказываться вот так сразу от несущего достаток и барыши предложения, не стоит. А нужно для начала всё как следует разведать, а уж потом взвесив все за и против, принимать решение.

– Это ведь всего лишь слова, используемые для того чтобы придать большего значение сказанному. А так они не имеют под собой никаких юридических последствий. – С долей иронией сказал Кримм.

– А я вот привык верить человеку на слово, и если он, таким образом, меня убедил, то и спрашивать я с него буду со всей его ответственностью на свои заявления. – Ну а после этих слов Альцгеймера, Кримму было уже не до иронии. Ну а когда его взяли за живое, за то, что принадлежало ему – украшающую рабочий стол малахитовую чернильницу – и наемкнули на то, куда в одном случае – его не понимания сути вопроса – эта чернильница будет со всего размаха поставлена, то в момент побледневший от таких для себя перспектив Кримм, из головы которого и без чернильницы вылетели те статьи уголовного права, которые регулируют вопросы, связанные с разбитой вдребезги головой, выразил готовность к пониманию нужд господина Альцгеймера.

– Вот так-то будет лучше. – Возвращая чернильницу на новое место, на нерасторопный палец руки Кримма, сказал Альцгеймер, всем своим весом надавливая на чернильницу. И хотя у Кримма, судя по его лицу, склоняющемуся к болеизъявлению, на этот счёт имеется другое мнение, он как гостеприимный хозяин кабинета, что есть силы крепится и не спешит прерывать Альцгеймера на полуслове. Что должно оценено Альцгеймером, и он, слегка снизив давление, говорит ту многочисленную фразу, которая сейчас и заставила Шиллинга вспомнить о нём.

– Пусть то, о чём тебе будет сейчас сообщено, с этого момента не даёт тебе ни минуты покоя. Вот что я называю, со всей своей ответственностью подойти к делу. – Сказал Альцгеймер.

– Нет, это не он. – Сделал вывод Шиллинг, заодно поняв, что совсем не понял, а где тут есть связь между этими двумя событиями. – Наверное, просто вспомнилось. – Решил Шиллинг, когда сделал ещё один впечатливший его глоток из графина. Что в свою очередь перенаправило его мысли на графин, а если более точнее, то в сторону философствования. И он, приподняв его перед собой, сфокусированным взглядом, то есть прищуривав один глаз, изучающе посмотрел на янтарные переливы напитка. – А ведь каждый глоток этого напитка, несмотря на то, что он составляет со всеми глотками единое целое, несёт в себе отдельную, отличимую от всех других мысль. Интересно, а с чем это связано? – задался вопросом Шиллинг, вглядываясь в своё отражение на поверхности графина. – Наверное, со мной. – Решил Шиллинг. И вдохновившись этой мыслью, пустился в дальнейшие размышления:

– И если полный графин представляет собой некую общую и единую в своих составляющих глотках идею под названием графин с напитком, то я в свою очередь, когда пью из него, то дозировано, по глотку свожу к нулю эту общую идею графина с напитком, который по итогу становится воплощением другой идеи – пустого графина или тары. Ну а если к примеру, пойти от обратного, и я начну по стакану наполнять этот графин напитком, где каждая порция по своим качественным, физическим характеристикам ничем не отличается от других, но при этом, как мною на опыте известно, несёт в себе отдельную мысль, то всё равно в итоге опять получится полный графин, или идея полного графина, объединяющего в себе как единое целое, множество дозированных мыслей. А они, что интересно, несмотря на всю свою разность и многоликость, может как раз благодаря этому и создают эту единую общность, под названием полный графин. Прелюбопытно. – Почесав затылок, подумал Шиллинг.

– А если это всё применить к человеку или к идее человека. То можно предположить, что он представляет из себя единое целое из всех этих рождающихся в нём мыслей. И эти его мысли, составляющие единую мысленную общность человека, то есть его идею, при всей своей

бесконечной, как окружающий мир, разновидности, имеют под собой одну общую основу, природу создавшего их человека мыслящего. И получается, что любая, даже самая простая пришедшая в голову человека мысль, на самом деле не такая уж и второстепенная. А она есть один из пазлов общей умственной картины человека, без которой он не будет полон. И значит, не просто так мне всё это надумалось. И если я смогу связать воедино все пришедшие в мою голову мысли, – а каждый мысленный временной период составляет собой свой образный глоток, – то я смогу вначале собрать воедино общую картину происходящего. А затем разобрав общее по частям, я тем самым смогу понять настоящую природу этого прозвучавшего голоса. Если же источником его возникновения была мысль, то значит, надо искать ответы на вопросы о причинах его возникновения в себе. Ежели среди мыслей ему места не найдётся, то тогда это другой вопрос. – Шиллинг умело подвёл эти свои философские размышления под свои жизненные реалии. Правда всё это выглядело всё так громоздко и сложно, что без дополнительного глотка из графина и не разберёшься. К чему и прибегнул Шиллинг, никогда не пасующий перед сложными, на грани головоломки вопросами.

– Если всё так взаимосвязано, то ... – Подумал Шиллинг, памятьвым взглядом обратившись к тем, кто должен был находиться ещё ближе, чем друзья. А именно к своим деловым партнёрам по службе, которые уже по факту своего очень близкого нахождения к вице-президенту Шиллингу, – что тут иногда поделаешь, когда твои служебные обязанности оговаривают эту рычажную необходимость, – должны были, как минимум, зачислены в категорию людей, за которыми не мешает присматривать. Они, находясь в более выигрышной для вице-президент позиции по отношению к его месту, чуть сзади от него, и при этом всегда будучи искушаемы этим более тёплым местом, всегда готовы подменить вице-президента на этом его посту. О чём прекрасно осведомлён вице-президент Шиллинг, и сам испытывающий точно такие же чувства к стоящему перед ним президенту.

Ну а вспомнился Шиллингу советник президента, пан Паника. И этот пан Паника, с лица которого вечно на него смотрит до чего же невыносимо противная ухмылка (как думает Шиллинг, то он ни на кого больше другого так не смотрит), как сейчас помнит Шиллинг, ничего не говоря, протягивает ему газету. На что он сразу не спешит тянуть в ответ свои руки, а непонимающе смотрит на пана Паника, как бы спрашивая его, что это всё значит?

– Прочитаете и всё поймёте. – Говорит в ответ пана Паника. И Шиллинг ничего сказать против – не будет же он в самом деле, ссылаясь на свою необразованность или тем более на тугоумие. И Шиллинг, взяв протянутую паном Панику газету, с несколько недовольным видом раскрывает её перед собой, смотрит на её название, естественно остаётся ещё больше недовольным, – он не привык тратить своё внимание на рупоры пропаганды своих противников, – и с осуждающим видом посмотрев на пана Паника – смотрите пан Паника, вы несёте полную ответственность за бесцельно потраченные мною минуты на чтение этих фейковых новостей – принимается за чтение первой газетной полосы.

Ну а там, как и ожидалось увидеть Шиллингом, одна невероятная ложь, похабщина, кляуза на кляузе, ошибка на ошибка в правописании имени конгрессмена Дэбила, а не дебила, как им вздумается и с маленькой буквы пишется, обличаемого этими ревнителями справедливости под собственным началом, и как итог, одни фейковые и ничтожные выводы о сути происхождения этого ничтожества из ничтожеств (из-за чего даже впадаешь в когнитивный диссонанс непонимания того как такое ничтожество из ничтожеств, способно было потрясти все основы государственного фундамента), и не пойми как оказавшегося на таком высоком посту, пока ещё конгрессмена дебила.

И хотя всё это было возмутительно читать Шиллингу, он в глубине своей души, в свойственной себе манере, всё же немного порадовался за конгрессмена Дэбила, который если быть откровенно честным, то заслужил все эти невыносимо справедливые слова. И Шиллинг мог бы много чего и от себя добавить, подчеркнув, что жизнь на его примере демонстрирует уди-

вительные метаморфозы, нарицая его именем то, что уже получило своё медицинское заключение. Но пока конгрессмен Дэбил политически грамотен, чего не скажешь обо всём другом, и готов голосовать как надо, то он готов отстаивать поправленное этими писаками, оскорблённое достоинство конгрессмена Дэбила.

Шиллинг, прочитав передовицу о второй, как здесь озаглавлено, куда как умной жизни конгрессмена дебила (и с этим Шиллинг был вынужден согласиться – прикидывается дебилом, а на самом деле вон какими делами ворочает), с видом крайнего раздражения и несогласия со всем здесь прочитанным, смотрит на пана Паника. Который в ответ только кивает головой, как бы говоря, читайте дальше, то ли ещё там будет.

– Ладно. – Сжав губы, про себя согласился Шиллинг, возвращаясь к газете. – Какое там было второе откровение по списку? – задался про себя вопросом Шиллинг. – А! От Матфея. – Вспомнил Шиллинг. – Ну а так как все эти откровения знающих людей были об одном жизнеописании, – а самый главный свой секрет, истинной подоплёки всего этого, они никому так и не рассказали, – то и дальше ничего нового я не вижу. Те же жизнеописания, только с другими именами во главе. – Подумал Шиллинг, приступая к дальнейшему чтению.

Ну а там всё ещё паскудно жёстче и откровенно чернее. – Но такова настоящая правда и она не может быть никакой другой, – заявляет автор этой статьи, ведущий колумнист Эрин Бракович. – Она должна колоть, и вызывая сердечную боль и слёзы в глазах, тем самым очищать ваши души от всего скверного и делать нас нравственно чище. И если такой чиновник говно, то к чему все эти эвфемизмы, типа он такой-то экскремент. От этого запашистей не станет.

– И я со всей откровенностью должен заявить, – пугающе начинался новый абзац этого грозы неосмотрительных конгрессменов и чиновников всех мастей, Эрина Браковича, – что и на этот раз от нашего всёвидящего ока не удалось утаить махинации в самых высших эшелонах власти. – Финансовую разведку сумели подключить. – Прочитал между строк Шиллинг, сразу поняв о каком оке идёт речь.

– И как из более чем информированных источников, а именно со слов одного не безызвестного нам чиновника, чьё для многих многозначщее имя в интересах следствия пока держится в тайне, стало известно, то нынешняя администрация отработала и включила в свою коррупционную повестку дня новую коррупционную схему увода денежных средств из под контроля финансовых институтов, для дальнейшего их отмывания. – Дальше Шиллинг не стал читать. Таких статей разоблачений он уже столько наперечитал, что уже на дух их не выносит. И в этом нет ничего мистического. Подобного рода статьи действительно особенно, даже не пахнут, а отдают или разоблачают собой вокруг себя, этой особенно-тяжеловесной, зрительной атмосферой.

И Шиллинг на этом собрался было закончить все эти чтения, как заголовок следующей статьи зацепил его внимание и он приступил к чтению.

«От карточного домика в полный апофеоз некомпетентности», – прочитав заголовок, Шиллинг почувствовал, что его накрыло нехорошее предчувствие. Которое по причине редкости появления, он не имел право игнорировать. Ну а в таких редких случаях, когда ему сама природа подсказывает об опасности, Шиллинг всегда поступает осмотрительно и более чем разумно. И он прежде чем приступить к прочтению так напрягшей его статьи, знакомится с именем его автора – это некая Грейс Келли – и только после того как три раз про себя произносит это имя, – может для того чтобы запомнить, а может и для каких-то других ведических целей, – приступает к чтению.

И если начало статьи не особенно его настраивало на пессимизм – одна только критика со стороны человека, судя по всему, ничего другого и не умеющего творчески делать, как критиковать, – то вот с некоторых нижних абзацев, он начал всё больше настраиваться на нездоровый тон отношений с именем этого автора, которое как выяснилось, он не запомнил и при-

нялся его склонять так, как только ему вздумалось это делать. Ну а так как внутренний цензор, да и редактор находятся всецело на стороне того, кому вздумается себя вести так, как ему вздумалось себя вести, то нет ничего удивительного в том, что Шиллинг слишком уж начал, забываясь забывать имя этой Келли.

– Я тебе бля*ть поумничаю! – хорошо ещё что про себя возмущался Шиллинг, бросая гневные взгляды на уже начавшие расплываться буквы статьи. – Ах ты злобная и однозначно уродливая сучка. – Всё больше закипал Шиллинг, видя на месте этой авторши неимоверно отталкивающую страхолюдину. – Хотя если она страхолюдина, – рассудил Шиллинг, – то она скорей всего стремилась бы к обратному эффекту. – Между тем Шиллинг всегда объективен и справедлив, как к страхолюдинам, так и к красавицам. – Ей бы желалось быть притягательной, чего нет. А вот красавицы, особенно сногшибательные, ведь тоже отталкивающе выглядят, но при этом они также и притягивают к себе. Интересно, почему так? – задался вопросом Шиллинг. – Наверное, потому, что их магнетизм одного, положительного свойства. Что не всегда есть плюс. – Шиллинг сделал этот отвлекающий его от чтения статьи вывод и вновь вернулся к чтению.

«После того как ведущий актёр сериала Пени, игравший президента, был уличён в секс-скандале, – и это после того, как играющий главу госдепартамента, небезызвестный комедийный актёр Керри, ударившись в новую религию, обещающую всю нирвану прямо здесь и сейчас, отбил себе все мозги и тем самым был выведен из сериала (пришлось экстренно проводить перестановки госаппарата), – то ни у кого уже не осталось ни малейших сомнений в том, что дни президента на этом посту сочтены, и стоит ждать появления президентских амбиций со стороны вице-президента Метро – вот почему в последних сериях такое большое место уделяется именно этому чиновнику из числа президентского аппарата. И если кто-то этой связи не видит, то он если не глупец, то ...», – Шиллинг не стал дочитывать, а отстранив от себя газету, с беспокойным видом посмотрел на пана Панику, как бы спрашивая его: Извольте объяснить, что всё это значит?

– Они, таким образом, посылают вам сигнал о том, что они знают, что вы надумали сделать. – Сказал пан Паника, отлично поняв, что от него хочет услышать Шиллинг.

– Но откуда, и кто эти они? – спросил Шиллинг. Что, впрочем, было излишним. Шиллинг знал ответы на оба вопроса – разве здесь, в том месте, где он несёт службу, где все друг к другу прислушиваются, присматриваются и не доверяют, а все стены вокруг напичканы различной спецтехникой, задача у которой одна – всё неявное сделать достоянием специальных служб, а там и до утечек не далеко – что-то можно утаить, даже если это глубоко спрятано в самых тайниках твоей души. Да ни за что. Всё равно ты себя каким-нибудь неловким личным движением, да выдашь. Без должного почтения посмотришь на Мистера президента и всё, ты уловлен на своих президентских амбициях. Так что то, что об этих амбициях Шиллинга узнали, было только делом времени. Ну а что касается тех, кто были этими упомянутыми Шиллингом «они», то тут вопрос не так-то прост, в виду огромного количества претендентов на эту роль.

Так в первую очередь к этим «они», Шиллинг причислил самое первое лицо государственного аппарата, Мистера президента. – Он с первого дня вступления на свою должность, догадывался об этом. – Подумал Шиллинг, вспомнив, как президенту вечно не стоялось на месте и в спине чесалось. – А эти его подколки. «Ты там полегче смотри, да не так как смотришь, а то дырку у меня в спине прожжёшь своим взглядом, – усмехался Мистер президент, – и с тобою ни каких костюмов не напасёшься. А это для бюджета дополнительная ноша. Ну а ты же знаешь, что я взял курс на сокращение бюджетных трат. Так что смотри, не досмотришь до отставки», – С такой невыносимо каверзной улыбкой он ещё это говорит, что сразу хочется поставить все точки над «и», в виде бланшей под глаз, в наших разногласиях. – Представив президента в таком угнетённом своими кулаками состоянии, Шиллинг немного успокоился.

Затем ещё немного от себя добавил президенту. – «Что, ещё хочешь?», – сунув тому кулак под нос, испросил Шиллинг, – и как только президент с понурым видом заверил его, что больше не будет задвигать его собой и выдвигать свою кандидатуру на следующий срок, то Шиллинг, ни слову его не поверив, отпустил его.

– Нет, это не президент. Он хоть и лицо крайне заинтересованное в следующих президентских выборах, но это не его стиль. Он бы напрямую, закрыв меня в кабинете, кивая головой в сторону президентского кресла, спросил: «Что козёл, тоже подумываешь?». И я бы, не увиливая от ответа, не отводя в сторону голову, – правда посмотрев на его президентское кресло, – прямо так бы и сказал: «Не просто подумываю, а решил. Вот так то!». После чего он своим ушам не поверив, схватится за них и начнёт причитать: «Что я слышу?! Кого я, бля*ть, на своей груди пригрел?!». На что я сверху вниз на него посмотрю и многозначительно скажу: «Вашего приемника», – и не дожидаясь ответа, хлопнув двери, выйду. – Шиллинг от этих своих представлений тет-а-тет разговора с президентом, аж раскраснелся и потеплел лицом. Но тут ему на память приходят другие «они», и в нём всё переменяется.

– А может это они? – с придыханием проговорил, помрачившись в мыслях Шиллинг, в одно воспоминание этих, вслух никак кроме «они» неупомянутых людей, а может и не людей вовсе, ёкнув в сердце через горло. А как только он более подробно, с тех позиций, до которых он был допущен к знанию этих людей, – через средства массовой информации, чьи основы знаний питаются из частично подконтрольных ему спецслужб (и выходит, что Шиллинг знает об этих людях ровно столько, сколько сам он них навывдумывал, или точнее сказать, на чём настояла политическая целесообразность), – рассмотрел этих столь к нему предупредительных людей, с которыми его свела его неосторожность и доверчивость к пану Панике, то он и замер в одном положении. И его не трудно понять, зная о том, кто были эти люди, о которых он и в памяти старался не упоминать.

Но разве это возможно, если перед его глазами так и стоит эта холодная даже не встреча, а послевстречие, на котором настояли эти, до чего же грубые люди, от чьей грубости и не продохнуть, когда она так неожиданно, да так резко локтём в бок остановила Шиллинг прямо на самой оживлённой городской улице. А когда он попытался призвать к порядку совсем распоясавшихся хулиганов: «Полиция!», – то не успел он и охнуть, как оказался в подворотне, лицом к лицу с сегодняшней своей неизбежностью, грубым и не только от щетины жёстким лицом человека, с которым его ранее свёл пан Паника и о котором ему было одно известно, он был для него человеком о котором ему ничего неизвестно.

– Прошу прощение за такую нашу оперативность. – Глядя глаза в глаза Шиллингу, проговорил этот неизвестный ему знакомец. – Но как понимаете, без крайней на то необходимости, мы на это не пошли бы. – Уже со злобными огоньками в глазах сказал неизвестный знакомец. – Вы имели неосторожность подставиться. – Неизвестный знакомец делает внимательную паузу к Шиллингу. И как не показалось Шиллингу, а он был в этом уверен, то тот ждал, когда он, Шиллинг, выдаст себя. Но Шиллинг на этот раз не имел никакого представления о том, что вообще всё это значит, и ему можно сказать повезло – в его невиновность поверили. А как поверили, то неизвестный знакомец продолжил холодить сердце Шиллинга.

– О нашей встрече стало известно тому, кому не следовало о ней знать. – Зубодробительными ударами отбил эти слова неизвестный знакомец. – И вы как понимаете, то это не может нас устроить. – И Шиллинг, конечно, это понимает, но вот только он одного не понимает, зачем ему об этом сообщать. Могли бы уже и сами как-то без его участия этот вопрос решить. – Или они хотят меня впутать в эту историю и тем самым разговаривать со мной с позиции силы. – В следующий момент догадался Шиллинг, тут же решив, что они не на того напали. Но то, что ему сказал неизвестный знакомец, в один момент всё самое уверенное и разумное в голове Шиллинга перечеркнуло, поставив его не просто в безвыходную ситуацию, где он сейчас и

стоял, спиной к стене, а он оказался в каком-то тупике безысходности, из которого возможно и выхода не было предусмотрено.

– Имя этому человеку, Ханна Шиллинг. – И как только произнёс это имя неизвестный знакомец, так Шиллинг и потерялся в своей слабости и в ногах, устремившихся вниз. И только благодаря предусмотрительности незнакомого знаконца, ему удалось устоять на месте. Ну а дальше для Шиллинга было всё как в тумане. И единственное, что он вынес из этого предупредительного разговора с грубыми людьми, так это их желание всю ответственность за будущее решение судьбы того человека, кто видел лишнее, то есть за Ханну, перенести на его плечи.

– Вам решать каким способом она должна отойти в сторону, болезненно, но живо, или безболезненно, но по-другому. – Предпоследнее, что сказал ему незнакомый знакомец, провожая Шиллинга на выход из подворотни. – И запомните, всех нас в конце пути ждёт своё одиночество. Так что ради счастья других, можно и пожертвовать собой. – Последнее что сказал незнакомый знакомец, вручив Шиллингу карманного исполнения часы. И как позже, у себя дома Шиллингом выяснилось, то это были не простые часы, а с остановившимся на них временем.

– Что бы это могло значить? – задался вопросом Шиллинг, глядя сейчас на настенные часы, где время, что за невероятное совпадение, через пять минут подходило к тому самому временному отрезку, на который указывали те вручённые ему часы. И у Шиллинга всё внутри обмерло и аж по телу мурашки пробежали от такого удивительного совпадения. Правда до полного временного совпадения оставалось ещё...уже четыре минуты, и Шиллинг, несмотря на огромное желание с толком потратить это время – пригубив из графина – всё же сдерживает себя и, не сводя своего взгляда с часов, а точнее следуя за секундной стрелкой, стараясь не шевелиться, начинает ждать. А вот чего, то он об этом не имеет никакого представления. Единственное в чём он уверен, так это в том, что-то обязательно произойдёт через уже три минуты.

Ну а когда ты так внимательно ко времени ждёшь, – хотя ничего бы так и не изменилось, если бы ты провёл это время как-то иначе, например, вздремнув (время всё равно бы прошло свой временной цикл), – а это значит, что ты уверен в том, что и ты как-то влияешь на то неизвестное для тебя событие, которое может быть только благодаря твоей настойчивости и вниманию к секундной стрелке, в будущем, через две минуты произойдёт.

Сейчас же, вслед за секундной стрелкой, в голову Шиллинга лезут до невозможности разные мысли со своими предположениями насчёт того, что же произойдёт, когда настанет время «Ч».

– Как минимум разрыв шаблонов. – Умеет всё-таки Шиллинг в обтекаемых выражениях обрисовать будущую ситуацию, о которой ничего неизвестно, а после его слов становится и вовсе непонятно чего ждать. Правда на этот раз такой ответ и самого Шиллинга не устраивает и ему хотелось бы знать больше подробностей. Но Шиллингу ничего в голову не лезет и он вынужден остановиться на том, что это время указывает на какое-то событие, которое должно случиться именно в это время, через одну минуту. Ну а когда остаётся последний, финишный отрезок времени, то тут не до умствования, теперь на передний план выдвигаются отвечающие за физическое здоровье силы со своими рефлексамии. И они приступают к мобилизации организма, приводя его в полную готовность ко всякого рода неожиданностям, которые непременно произойдут, раз центр принятия решений, Шиллинг, так себя на это настроил – а если даже ничего не произойдёт, то это будет не меньшая неожиданность для уверенности Шиллинга, если всё же что-то случится.

И вот секундная стрелка достигла того самого крайнего предела, после которого каждый её шаг будет сопровождаться обратным отсчётом следящего за её ходом человека, а именно Шиллингом. – Десять, девять, – вдавливая секундную стрелку взглядом, принялся отсчитывать Шиллинг, не забывая при этом быть внимательным к окружающей обстановке, – Шесть, пять, –

Шиллинг, как он почувствовал, взмок от напряжения, – Три, два, сейчас, – Шиллинг в ожидании самого неожиданного, потемнел в глазах (как это он сделал, силой мысли или зажмурив глаза, он и сам не понял), на мгновение заглушил ушные проходы (чтобы не оглохнуть, если неожиданность будет оглушительной) и, замерев в одном прижавшемся положении, стал ждать.

Сколько он так ждал, он и сам не скажет, но стоило ему открыть глаза, как он в момент понял, что он дождался – в ту же секунду его оглушил звонок домофона, и Шиллинг, передрнувшись от неожиданности, в один момент теряет цепкость рук и роняет графин. И если с графином всё обошлось – он упал на колени Шиллинга – то насчёт перетрусившего Шиллинга этого не скажешь. Правда всё же это странно видеть, ведь для Шиллинга эта оглушительная неожиданность, по-своему была ожидаема, и он последние пять минут только и делал, как готовился к ней. Ну а то, что эта неожиданность так неожиданно для Шиллинга произошла, то на то она и неожиданность, чтобы подобным образом себя вести. Хотя тут без подсказок с её стороны не обошлось. И разве Шиллинг, хотя бы из кино не знал, что она появляется не в точно кульминационный момент, прямо тогда, когда ты одёрнул занавеску (в этом качестве выступали его веки), а спустя то мгновение, потраченное тобой, чтобы облегчённо вздохнуть и посчитать, что вроде бы на этот раз всё обошлось.

Впрочем, сейчас Шиллингу не до всего этого, когда домофон повторно отзвонился, – а это значит, что на психологический фактор не сошлётся, – и требует от него ответа. И Шиллинг, громко возмущившись: «Да кто же это ещё может быть?», – при звуке своего голоса почувствовав прилив сил, быстро поднимается со своего места и направляется к двери.

– Кто? – нажав кнопку ответа, спросил Шиллинг. Ну а то, что ответил в ответ позвонивший, своей не просто дерзостью в своей самоуверенности, а утверждением того, чего быть и не может – он заявляет о том, что Шиллинг его уж точно узнает (а если бы Шиллинг находился в таком состоянии, когда он и себя не узнаёт), – заставляет Шиллинга в растерянности задаться вопросом: А кто это собственно такой?

– Говорит мне, это Я! Да мне-то откуда знать, кто под этим я может скрываться. – Только подумал Шиллинг и сразу догадался. – Да кто угодно. От беглого, во всех местах разыскиваемого преступника, до самозванца. И для них это «Я» об именованье, будет самое подходящее. Да что там какой-то преступник, – рассудил Шиллинг, – когда на его месте может быть только для нашей страны преступник, тогда как для той страны, откуда он прибыл, он будет наипервейший герой. – Ну а как только Шиллинг так догадался, – не иначе шпион, – то на него все за сегодняшний вечер волнения в одно мгновение навалились и, подмяв под себя его здравомыслие, в тот же момент, следом подогнули его ноги от страха.

Ну а страха, как все знают, глаза велики, особенно, когда внутренняя – расшатанная, и окружающая – безлюдная и за полночь, обстановка этому содействует. Ну а Шиллинг, при его-то знаниях и допусках к высшим секретам, и так умел видеть дальше и больше чем многие люди, когда он плюс ко всему этому, таким допинговым образом раскрыл свои глаза, то он отчётливо, сквозь двухметровую каменную стену и ещё несколько десятков этажей вниз, сумел разглядеть настоящую сущность звонящего ему в домофон человека в плаще с поднятым воротником и натянутой на глаза шляпе – все агенты из нулевых, в подметки ему не годятся, настолько он опасен для Шиллинга.

И если все эти шпионы из непрогрессивного прошлого, для того чтобы проникнуть в тщательно консьержем охраняемый объект, использовали всё больше топорные, без особой выдумки методы проникновения, – они могли разбить голову консьержу, подманив его к двери посылом что-то по секрету сказать, или в более изобретательном случае, отрезать палец у жильца этого дома и прислонить его отпечаток к замку двери, открывающемуся по отпечатку пальца ноги (что уж поделаться, если жители этого по своему элитного дома, привыкли открывать двери высокопоставленных чиновников ногой – привычка дело такое), – то стоящий перед домофоном вечерний гость Шиллинга, в своей изобретательности пошёл дальше. Так он, в

это вечернее время не понадеявшись на то, что кто-то в это вечернее время решится выйти прогуляться на свою голову, или по крайней мере, на палец ноги, в своём ответе сгенерировал голос отдалённо знакомого Шиллинга, который тому, и помнится, и нет – а это заставляет в любопытстве заинтриговаться Шиллингу и начать сомневаться. И теперь Шиллингу некуда деваться и если он хочет сегодня заснуть, то ему придётся впустить этого ночного гостя.

– Какая только чушь в голову не придёт. – Сказал Шиллинг, очнувшись от своего задумчивого забытья, в которое он ушёл, прислонившись головой к стенке. Но только он одёрнулся от стенки, как из приёмника домофона до него доносится весёлый голос этого неизвестного Я. – Судя по тому, что храп прекратился, я могу сделать вывод, что вы готовы для конструктивного разговора. – Шиллинг вначале и не понял, или вернее, по своему понял, – у того наверняка есть спецсредства, позволяющие ему видеть, что у меня делается в квартире, – как так получилось, что его вечерний гость так вовремя прознал о том, что он так на время отвлекся от реалий жизни. Но потом обнаружив, что его палец руки нажимает кнопку связи, всё быстро понял и, не осознавая последствий, в замешательстве нажал кнопку открытия двери.

Из домофона же в тот же момент звучит: «Благодарю. Я скоро», – и Шиллинг, повергнутый в шок тем, что он наделал, повернулся в сторону входной двери, на которую теперь одна и надежда. Где и принялся теряться в догадках (когда другой возможности спрятаться нет, то приходится изобретать вот такой велосипед), что же ему сейчас делать. – Открывать или нет? – вопрошал дверь Шиллинг, осматривая её технические возможности на случай штурма её плечом на вынос или ногой того хитроумного гостя, который ловко сумел преодолеть первый заслон. – Дверь то выдержит. – Подвёл промежуточный итог Шиллинг. – Но вот выдержат ли соседи этого посягательства на их спокойствие. Не уверен. – С неприязнью на соседей поморщился Шиллинг. – И первое, куда они начнут звонить, так это не в полицию: «Немедленно выезжайте, наше спокойствие под угрозой!», – а они позвонят Ханне. И так стусят краски, что даже мне захочется поучаствовать в той оргии, которые по их словам я здесь устраиваю. А ведь Ханна ни одному моему слову оправданий не поверит, а вот их, всем до единого, особенно непотребным и нецензурным, поверит. А как ей не поверить, если я изначально, если не обманул её, то слегка ввёл в заблуждения насчёт моего сегодняшнего местонахождения. Ну, хочется мне иногда побыть одному, и что здесь плохого. А ей разве это объяснишь, во всём увидит своё, для меня неутешительное. Да и мне последнее, что сейчас нужно, так эта вся эта публичность. – Шиллинг, вздохнув, пришёл к выводу, что придётся открыть.

Правда после принятия этого решения вопросов не убавилось. И теперь Шиллингу нужно было ответить на следующий вопрос: С чем в руках открыть дверь этому незваному гостю? С пустыми кулаками или с физическим выражением принципа: «Мой дом, моя крепость», – в виде ножа. – Уже не успею. – С сожалением посмотрев в сторону кухни, пробормотал Шиллинг, услышав звук открывающейся створки двери прибывшего лифта. После чего он, не теряя времени на все эти свои мысленные недоразумения, припал к глазку и тут же в оторопи отпрянул назад. Где он встряхнул вместе с головой привидевшееся в глазок новое недоразумение (выпитое за вечер выветрилось сразу же у глазка), – ему вдруг увиделся там смотрящий на него глаз, и понятно, что это ему впопыхах привиделось, а не увиделось, – после чего с осторожностью вновь начал приближаться к глазку.

И вот когда Шиллингу только и оставалось, как только по шире раскрыть глаз и прижаться к глазку, как в этот момент раздаётся тихий стук в дверь, и Шиллинг тут же обо всём забывает, оглушённый гулом упавшего в дно себя сердца. – Оу! – откуда-то из пяток донёсся до Шиллинга гул упавшего сердца, нехорошо покоробив Шиллинга вдруг пришедшей ему в голову мыслью. – Судя по этому звучанию, то я не настолько глубокий человек, как всегда думал. – После чего Шиллинг решительно протягивает руки к замку и по причине заедания замка, не сразу открывает дверь.

Когда же дверь в одно резкое движение открывается Шиллингом – пусть там, с той стороны двери сразу видят, с кем имеют дело – то к нервному подрагиванию колен Шиллинга, там перед ним стоит точная копия того, представленного им человека и шпиона в одном лице – в плаще с поднятым воротником и с натянутой на глаза шляпе, из-за чего Шиллингу удаётся лишь рассмотреть его искажившую рот ухмылку.

И единственное, что сейчас понимает Шиллинг, так это то, что он полностью находится во власти этого, скорее фантома, чем человека. И тут ори не ори, то его соседи, такие всегда внимательные и предупредительные (ничего не пройдёт мимо них) к каждому его бесшумному шагу, сейчас проявят свою полную глухоту к его зовам о помощи. Ну а когда утром полиция, прибывшая на место преступления, начнёт по частям собирать события вчерашнего вечера, то после того как они соберут в мешок раскиданные по разным углам части его тела, то они обратятся с насущными вопросами к его соседям. – А вот скажите нам, вы вчера что-нибудь такое необычное слышали?

– Прошу прощения, вы не могли бы повторить свой вопрос. Я без слухового аппарата плохо слышу. А он, как назло, именно вчера забарахлил. Отчего я так расстроилась, что и выпила несколько больше успокаивающего на ночь глядя. Из-за чего и проспала без задних ног всю ночь. – Не подведёт себя соседка Шиллинга, миссис Клиренс.

И Шиллинг, поняв, что ему не на кого кроме себя рассчитывать, собравшись с силами, спрашивает незваного гостя. – Вы ко мне?

– А к кому же ещё. – Усмехнувшись своей хищной улыбкой, проговорил гость и начал приподнимать голову.

– Что, узнал? – посмотрев глаза в глаза Шиллингу, со всё той же ухмылкой спросил его вечерний гость.

– Узнал. – Сказал Шиллинг, пропуская того себе в квартиру.

Глава 2

Ночные озарения и дневные ослепления

Из дневника Маккейна. Ещё одна из склянок.

Иногда трудно сказать что-то не оттого, что трудно выразить мыслями то, что хотелось бы сказать, а потому что ещё время не пришло для этого. Ну а зачастую бывает и так, что куда как сложнее и невыносимей суметь промолчать, чем тем же плевком высказать всё, что ты думаешь насчёт своего могущественного врага. И понять это под силу не каждому, а только человеку, умеющему стратегически мыслить.

Но это только одна неприглядная сторона вынужденного молчания, что для человека, рождённого и воспитываемого в духе свободы, немыслимое по своей жестокости испытание. Но есть и другая сторона, которая неразрывно связана с этой внешней выразительностью человека. Это то, что побуждает человека к движению, то есть к жизни – его внутренняя душевная константа. Где у одних она настроена на свою физическую выразительность, а у других, тех, кто больше полагается на свой ум и речь, как инструмент проведения в жизнь своих замыслов, к кому отношусь и я, она заточена на то, чтобы решать все вопросы, основываясь на человеческом разумении.

И вот я, всю свою жизнь полагающийся на свой разум, сейчас оказался в такой ситуации, что меня никто не слушает и меня, везде затыкая (что, конечно, никогда не останавливало меня, я знаю, что человек не готов слушать в свой адрес правду, и поэтому приходится её в него вдавливать, но тут сила оказалась не на моей стороне, и теперь обратную правду вдавливают в меня), вынуждают к полному реформатированию моих мыслей и что ещё важнее, самого себя. И если я хочу выжить, то должен забыть о разуме и признать верховенство грубой силы, которая здесь, на корабле, решает всё.

При этом, как я заметил, по мере того, как я начал всё реже пользоваться своим речевым функционалом, он стал не просто давать сбои, – проглатывать слова и не выговаривать красноречия, – а у меня начались деформационные изменения в нём. Так мои зубы перестали плотно прижиматься между собой – местная вода, с избыточным содержанием соли и железа, начала разъедать мои коронки. Что есть только часть и при этом самая безболезненная часть возникшей проблемы. А вот что больше меня тревожит и в последнее время ночами не даёт спать, так это то, что мои зубы, лишившись привычного проглоточного мотиона, который давал им мой разговорчивый образ жизни, – они всё больше находятся в стиснутой запасти, где атмосфера недружелюбия, сырости и затхлости ведёт к кризису...тьфу, то есть кариесу, – после первого предупредительного периода, где они только искривлялись в усмешке, принялись всё чаще ноюще напоминать мне о своей незавидной участи.

Ну а что я могу сделать, кроме как ещё сильнее, до боли в зубах стиснуть всё те же зубы, и с искривлённой насмешкой над самим собой, всю ночь не спать, чтобы потом весь день ходить как чумной и не понимать, что со мной и вокруг происходит.

И теперь мне трудно что-то сказать не потому, что мне трудно выразить свои мысли, а мне на самом деле трудно сказать по причине того, что у меня зубы болят. Вот такой причинно-следственный, безвыходный круговорот получается.

Но в этом как выяснилось, есть свои плюсы...

Плюсы бессонницы Маккейна

– Разрази меня гром! – резко подскочив с кровати, и как всегда «удачно» – головой треснувшись о верхнюю полку, уже на автомате прокричал Маккейн вслед за очередной «Полундрой», уже ставшей столь привычной в это вечернее, а может и ночное время суток. Что уж поделать, если у команды свои специфические взгляды на то, как разбавить скуку на корабле, из-за которой не только якоря ржавеют, но и человеческий мозг. Так что это была не их блажь или озорство, как это считают погрязшие в серьёзности и важности пассажиры, которых так неожиданно подловили на эту «Полундру», что они кубарем скатились по лестнице, а так сказать профилактические мероприятия, целью которых было не дать застояться в тупизне мозгам и через небольшую встряску расшевелить в них жизнь.

И хотя многие из пассажиров корабля понимали, что им никогда не понять эти морские порядки, с их специфическим юмором, всё же они пытались это сделать. И вроде как начинало выходить, пока очередная «Полундра» так неожиданно для них не отзывалась прямо в ухо, и эти пытающиеся всё и это понять люди, не поскальзывались на собственном плевке, с помощью которого они хотели указать дрящему палубу матросу, где не чисто и ещё нужно отдраить палубу. Ну а матрос, всё со своей морской колокольни или вернее будет сказать, с капитанского мостика видит, и для него такие указания столь важного господина, видятся слишком пространно и широко трактуются. Вот он и вынужден прибегнуть к своей «Полундре», чтобы важный господин своим носом уточнил то место на палубе, где так необходимо его участие.

Ну а важный господин, вроде как господин Самоед, всегда и в любом случае, особенно когда он находится в кругу своих единомышленников, даже если он не успевает об этом сообразить (в этом случае в дело вступают его рефлексy), готов помочь нуждающемуся в помощи человеку, особенно советом и указанием. И как только в одно его ухо высвистнули эту «Полундру», а перед носом взмахнули обрубок швабры, то он в тот же момент, для того чтобы понять, что это всё значит, – а для этого нельзя выпускать из себя запущенное извне в ухо слово, – попытался заткнуть второе ухо с помощью палубы, к которой он устремился, чтобы прижаться своим вторым ухом. А так как это нужно было сделать как можно скорее, то господин Самоед, не тратя времени на различного рода раздумья, выбрав для себя самый прямой путь, как есть соскользнул с ног и как результат спешки, прижался к палубе не ухом, а носом – что поделать, когда этот флюгер вечно лезет вперёд со своим любопытством.

Что было дальше, господин Самоед только фрагментами помнит. Но он отчётливо понял одно, когда звучит эта «полундра», нужно под ноги смотреть, и при этом не носом, а как минимум благоразумием. С чем не могли не согласиться и стоящие чуть позади от него, его единомышленники, господа Паранойотов, Поспешный и Нервовозов, с чьих лиц в один момент, вслед за падением господина Самоеда, слетели полные довольства ухмылки, и они принялись вроде как давиться накопленным возмущением, а может всё тем же жидким инструментом, которым в своё время так неудачно воспользовался господин Самоед.

А как только господин Самоед, продолжая пребывать в лежачем состоянии, повернувшись головой об палубу, повернулся к ним лицом и посмотрел на них нездоровым взглядом, с расквашенным во всё лицо носом, то его единомышленники и так пребывающие в смятении, а тут на них ещё так смотрят, не смогли выдержать этого взгляда укора, – они, как минимум, должны были выкинуть этого матроса за борт, – и отвели свои взгляды в сторону ...палубы – на друг друга тоже особого желания смотреть не было. А как отвели свои взгляды в эту, по вертикали сторону, то тут же заметили, что кто-то, пока они тут так за господина Самоеда переживали и отвлекались, взял и мокро наследил. И при этом так провокационно наследил, что каждого из них можно заподозрить в этом мокром деле.

И казалось, что вот она объединяющая их всех идея, которая позволит им посмотреть друг другу в глаза и начать выяснять, и кто тут такой самый смелый на трусость. Но почему-то, а может потому, что у каждого в туфлях хлюпает от их наполненности некоторым исходом их нервов или испуга, – говорят же, что вредно всё в себе держать, вот они и поддались рекламе, – они не поднимают головы, а начинают потихоньку, не подымая ног, чтобы не расплескать то, чем наполнены их ботинки, двигаться в сторону ухода отсюда.

Что же касается господина Маккейна, то для него эта прозвучавшая «полундра», отозвалась не только шишкой на голове, а она стала сигналом для его зубов, которые со всей своей болью напомнили Маккейну, как их не устраивает сложившееся в последнее время положение вещей. Ну а так как их характер был плоть от плоти Маккейна, то они никаких аргументов и доводов слушать от него не хотят и не будут, пока он не выполнит все их условия. И самое первое условие – вернуть прежний, разговорный образ жизни. И что спрашивается, может ответить им Маккейн, и сам больше всего этого желающий. Мол, это не в моих силах.

– А ты сожми что есть силы нас и действуй, тряпка! – резкой болью вознегодовали зубы, да так основательно и задорно для головы Маккейна, что он опять треснул головой об верхнюю полку. Но как бы зубы через такие удары судьбы не подминали под себя Маккейна, он прекрасно знает, что стоит только ему сжать свои зубы так, как они на этом настаивают, то они первые же заноют от боли. И получается... А получается какой-то прямо когнитивный диссонанс. Он в борьбе за свои идеалы свободы, по настоянию своих зубов, должен не жалеть себя и сжать что есть силы их, но при этом он не должен их тревожить, а иначе они ему такую боль покажут, что он без страховки полезет не на стену, а на самую высокую мачту корабля.

– И тогда тебя капитан Мирбус точно оценит и даже может быть запишет в годные люди, в матросы. А это значит, свежий воздух и свобода. – С помощью болезненных ощущений перекинулись словами зубы мудрости, и как итог, их осенила догадка. – А ведь это отличная мысль. – Ноюще обрадовались зубы мудрости Маккейна. Затем выжидающе успокоились, и как только Маккейн, прислушавшись к себе, было подумал, что сегодня он сможет уснуть, и даже успел сбить подушку, то тут-то они и напомнили ему о себе. Да так ударно напомнили, что Маккейн и не понял, как оказался вместе с подушкой на полу, где снизу палубой прижимал одну лицевую часть себя, а сверху подушкой подавлял другую болевую часть себя.

Но кто знает, а у кого есть зубы тот точно знает, что от зубной боли спасения на полу не найдёшь, и Маккейну нужно что-нибудь поумнее придумать. Но о каком благоразумии может идти речь, когда за тебя думают и решают зубы, хоть даже и мудрости. И тут волком вой – что как выяснил Маккейн, не помогает – бейся об пол – тоже никакого эффекта, и обезболиваю-

щим себя заливай – единственное, что было в наличии, вода из под крана, не сильно помогла, а без кардинальных решений этой проблемы никак не обойтись.

Но стоило только Маккейну вспомнить судебного врача, доктора Кубрика, так у него вместе с зубами начало заболеть всё внутри. И как не заболеть, когда этот Кубрик не сразу за зубы или долото возьмётся, а он, для того чтобы побольше его помучить, выберет для его лечения комплексный подход. – Это только на ваш, больной и поверхностный взгляд, у вас зуб болит. – Даже не испросив суть проблемы, – на горячее или холодное реагирует, – Кубрик начнёт зубы заговаривать Маккейну, сидящему с перекошенным от боли ртом. – Тогда как мы, люди не просто с медицинским образованием, а с медицинским взглядом на жизнь, привыкли смотреть на всё это дело с куда как глубокой точки зрения. Зри в корень, говорил один потенциальный стоматолог, одной рукой держась за больную челюсть, а другой протягивая щипцы кузнецу. И я всегда следую этому его указанию, и зрю. – Уставившись на Маккейна, заявит Кубрик. После чего понаблюдав за ним и, порадовавшись хотя бы за то, что не он находится на месте Маккейна, Кубрик, усмехнётся и начнёт придирается к внешнему виду Маккейна.

– А я ведь ещё при нашей первой встрече говорил, что цвет вашего лица мне не нравится. – Покачав головой, скажет Кубрик. – А вы скорей всего мне не поверили. Мол, знаю я всех этих докторишек, им лишь бы смутить человека своим якобы отличным знанием его здоровья. Где я, исходя из твоих слов, тебя, симптоматически нездорового в моих глазах человека, насквозь вижу и если ты сейчас же во всём со мной не согласишься и не дашь просто так денег, то я тебя при всех здесь собравшихся, особенно перед милой мисс Клер («Какая ещё мисс Клер?!», – ахнул про себя Маккейн), ославлю, назвав тебя самым что ни на есть неизлечимым больным. На что ты, при упоминании мисс Клер, ещё попытаешься взбрыкнуть, заявив, что тебя такие пустяки не пугают, и если я хочу знать, то мисс Клер уже обещала до самой смерти любить тебя. «То есть до завтра», – посмотрев на часы, с глубокомысленным видом скажу я. На что вы, господин Маккейн, в момент с бледнев, покрывшись испариной, начнёте только хватать ртом так не хватающего вам воздуха. – Кубрик, насладившись безумными видами Маккейна, продолжил втапывать в сою зависимость от него, то есть в ничтожество.

– И при этом я ещё к вам щадящее поступил. – Продолжил говорить Кубрик. – А мог бы без всякого предупреждения (увидел насколько вы самоуверенны и амбициозны, и решил, что не бывать такому), когда все гости соберутся все вместе, в гостиной за столом, объявить, что ваш вид вызывает у меня беспокойство. А как только все оставят свои дела, вилки и ложки, и со всем вниманием вначале изучающе окинут вас взглядом, – доктор за зря на ветер словами разбрасываться не будет (что очень верно, только никто не будет знать истинной подоплёки дела), – и, убедившись в верности моих слов, – с господином Маккейном явно что-то не так и происходит, вон он как нехорошо выглядит, и даже становится всё больше не понятно, что в нём нашла мисс Клер (вот доктор Кубрик совсем другое дело), – переводят на меня взгляд надежды на объяснения и постановки диагноза вам, господин Маккейн. – И настоящий Маккейн, а не тот выдуманный Кубриком Маккейн, вынужден признать, что Кубрик умеет лечить словом, вон как он захватывающе дух всё это рассказывает, что он на время даже забыл о зубной боли.

– Ну а я не спешу огорошивать присутствующую публику страшным диагнозом, я даю вам время одуматься. – Кубрик продолжает демонстрировать чудеса красноречия. – И думать вам нужно поживее, ведь время работает на меня. И чем больше я молчу, тем страшнее вырисовывается воображение испуганных гостей те носимые вами в себе болезни. А они, между прочим, могут быть крайне заразными, о чём первыми догадались те из гостей, кто ближе всего сидит к вам. Отчего они начинают незаметно отодвигаться, прижимая ко рту салфетки, используемые ими в качестве средства индивидуальной защиты от болезнетворных микробов, которыми наполнен весь ваш организм и рот в частности. Но гости на этом не останавливаются, и

каждый в отдельности начинает рыться в своей памяти, вспоминая все свои контакты с вами пока за этот вечер.

И первым, кто в мрачности потемнел в лице, то это был генерал Томпсон. Он вспомнил, как был весь вечер близок к вам. – Дёрнул меня чёрт, пожать ему руку! – закипит Томпсон, начав тереть салфеткой свою руку. Но уже поздно, смертельная болезнь, – а она как минимум такова, если Маккейн её скрывает, – которую носит в себе Маккейн, наверняка уже через споры рук передалась и Томпсону, и теперь ему деваться некуда, как только пустить остаток своей жизни под откос. К чему он и приступил, схватившись за бутылку.

И если мужская часть гостей начала таким образом крепиться, то женская половина принялась хвататься за сердце, при воспоминании того, как подставили одну щёку для приветственного поцелуя Маккейна, а тот не отказался и так ими вероломно воспользовался. – А все самые страшные болезни передаются именно воздушно-капельным путём! – указуя на Маккейна, красноречиво раскраснелась всем известная поборница нравственной чистоты, лидер движения за категорическое полноправие полов, мисс Кортес. – Вот почему я никогда не болела. Я никогда не позволяла себе такую ротовую близость. Но на этот раз этот подлец, Маккейн, воспользовался моей гостеприимностью и застал меня врасплох. – Мисс Кортес, не выдержав такого коварства Маккейна, который к ней на званый лишь для того и пришёл, чтобы провести эту диверсию, соскочила со стула и упала в обморок не в руки, а в ножки стула.

– А мисс Клер точно теперь неизлечимо больна, если она, будучи наедине с господином Маккейном, себе позволила лишнее, поцелуй. – Не обращая на поднявшийся вслед за падением мисс Кортес переполох, рассудила про себя сидящая на противоположном от Маккейна краю стола, леди Брань.

Ну и как итог всему. Мисс Клер со слезами на глазах подскакивает с места и с воплем надежды и отчаяния: «Милый и такой красивый господин Кубрик, спасите меня от этого негодного во всех отношениях человека!», – бросается ко мне в объятия. Ну а вам, негодный вы во всех смыслах человек (и всё отлично поняли, о чём это в своём отчаянии кричала мисс Клер – и с этой дисфункцией организма не ко мне), которому теперь уже ничего не поможет, – надо было раньше проявлять понимание, – остаётся только одно, как сквозь землю провалиться. – Подвёл итог своему рассказу Кубрик, выжидающе посмотрев на Маккейна, готового если честно, и сейчас сквозь землю провалиться от нового приступа боли.

– В общем, я по вашему мнению, только с помощью шантажа и обдываю свои делишки. – После короткого наблюдения за Маккейном, добавит Кубрик. – Не так ли господин Маккейн? – прямо в рот очень нервно и злобно затем спросит Кубрик Маккейна.

А что может ответить ему Маккейн, когда его полон слюней и плевков Кубрика, которыми он сопроводил свой к нему вопрос, кроме как слотнуть всё это – сплёвывать команды не было.

Кубрик же немного успокаивается и, присев обратно на свой стул, после небольшой паузы опять заговорит. – Так вот, я в своём лечении всегда опираюсь на комплексный подход. И тот же ваш больной зуб, есть всего лишь крайнее следствие общей нездоровой картины вашей жизни. Тут либо вы слишком любите сладкое... Что, господин Маккейн, любите погорячее? – Спросив, Кубрик опять уставился на Маккейна, у которого нет другого выхода и он вынужден кивком признаться, что есть такое дело. Но Кубрику этого мало и он продолжает мучить Маккейна, задавая новые вопросы. – И попышнее? – Да. – Вынужден соглашаться Маккейн. – И чтобы зубы сводило от желания? – всё не успокаивается и задаётся вопросами Кубрик. – Да-да-да! – Маккейн готов соглашаться во всех смертных грехах. О чём догадывается Кубрик и он, решив, что нашёл отличную для себя замену к дядюшке Сатане на заклятие, успокаивается и, переведя свой дух, возвращается к незаконченному предложению.

– Ну а если вы человек не только гадкий и падкий на сладости, а так сказать, ещё и злой и мстительный, то вы наверняка затаили на меня зуб после нашей первой встречи, – а как мне

не позавидовать, когда я такой весь успешный и девушкам нравлюсь, или в крайнем случае, потому, что вы не позавидовать не можете. Ну а так как вы бессильны что-либо мне противопоставить, то ваша душевная боль через зубовный скрежет и материализовалась в зубную боль. Верно я говорю, завистливый господин Маккейн? – выкрикнул с места вопрос Кубрик. И опять Маккейн ничего не может другого поделаться, как признать за собой и этот завистливый грех. А как признал, так услышал, как в своём довольстве потирает своими руками Кубрик. После чего Кубрик поднимается на ноги и, с нескрываемым отвращением посмотрев сверху на Маккейна, не удержался и огорошил Маккейна ещё одним диагнозом:

– А у вас к тому же изо рта воняет.

Вот же удивил. А как не быть такому отвратительному запаху, когда Маккейн притронулся к зубам не может, и какая может быть речь о зубной щётке. Посмотрел бы он на этого умника Кубрика, если бы он неделями питался всякой не съедобной дрянью, вперемежку с тем, что не полностью из него вырвется при виде этого морского деликатеса, а затем не просто зубами заболел, а все мысли о них до боли изнылись (а мысли между тем не физическая субстанция, а вот заболели).

Но Кубрик только нос воротит и со своей здоровой колокольни на него смотрит и решает его судьбу – а все больные знают, что здоровый, а особенно врач, никогда не уразумеет его и его насущных проблем. – Он (врач) только симптоматично, то есть частично может их решить. – И как с этим со всем не согласиться, когда даже больной больного часто не поймёт, – один считает водку панацеей от всех болезней, тогда другой считает, что эта его панацея есть источник всех бед и болезней, – то, что говорить об этих здоровых людях, живущих совершенно в другой реальности.

– Вижу, что другого выхода нет, как экстренно приступить к вашему лечению. И для начала вас нужно привести в подобающий вид. А то на вас посмотришь, – Кубрик как сказал, так и сделал, затем сплюнул при виде всего того, что ему опять увиделось в Маккейне и продолжил, – и не скажешь, что вы собираетесь выздороветь. «С такой отвратительной физикой тела и смотреть не хочется, что за рожа, разве человек может желать жить, а что уж говорить о том, чтобы бороться за сохранность всего этого», – не вас так меня переубедят насчёт ваших будущих перспектив, знающие толк в красивых и здоровых людях, красивые люди. Так что другого выхода у меня и у вас нет, и мы должны начать с вашего внешнего вида. – Кубрик в задумчивости почесал подбородок и, сложив всю картину воедино, заявил:

– Вам необходимо избавиться от лишнего веса. – И не дав возможности Маккейну возмутиться, быстро добавил свой императив. – И это не обсуждается. – Но это только на словах легко сказать и не обсуждается, тогда как внутри Маккейна, всё это ещё как обсуждается.

– О чём он вообще?! Да какой на хрен лишний вес, если я с первого шага на корабль только тем и занимаюсь, что скидываю из себя лишний балласт. Блин, откуда у меня все эти словечки? – удивился Маккейн, сбившись на возмущении. Но только на совсем чуть-чуть. – Да я же всего лишь с зубом пришёл к нему, а он мне тут целую программу заготовил. И когда спрашивается, он собирается мне его лечить? Когда до самых нижних пределов похудею? А ведь он вслед за этим для меня ещё что-нибудь эдакое придумает. Обязательно придумает! – подвёл итог своему размышлению Маккейн.

Кубрик между тем нисколько не прислушивается к оханью Маккейна, а с запоминающимся ударением на слова, делает ему предложения:

– У меня к вам только два варианта предложений, либо полная диета, то есть зубы на полку, либо раздельное питание, то есть будете есть то, что вам зуб на зуб не будет попадать.

– Что?! – сорвавшись на голос, не сдержался Маккейн и громко поскользнулся на мокром кафеле ванной, где он в это время в задумчивости пребывал. А как только он от соударения об пол задом, заодно пристукнул зубами друг об дружку, то они такого вероломства Маккейна по отношению к ним не стерпели, – увлёк их фантазиями о скором избавлении от боли, а

сам тем временем задумал страшное, полное избавление от них, с помощью края ванной, или в крайнем случае, об собственную коленку, – и все как один возопили о своих правах, как минимум, на обезболивающее.

Ну а Маккейна и так голова идёт кругом и ничего не соображается. И ему бы немного времени, чтобы хотя бы одуматься. Но нет, тут со всех внутренних сторон на него давят. И Маккейн в пространственной растерянности начинает в попытке подняться на ноги, соскальзывать ногами по мокрому полу. Что заставляет его искать поддержки со стороны своих рук, от которых толку, как вскоре выяснилось, тоже мало, и они вслед за ногами начали разъезжаться в свои сторонние стороны. Правда не всё так безнадежно, и в один из таких ручных закидонов, Маккейн сумел нащупать под ванной некий предмет, на поверку оказавшимся шайбой.

– Она-то что здесь делает? – с удивлением посмотрев на шайбу, задался вопросом Маккейна. Но разве ему на этот вопрос дадут время для ответа, да ни за что. – Не теми вопросами задаёшься?! – взвизгнувший болью зуб мудрости, в один момент поставил точку в этом изыскательском интересе Маккейна. Но на этот раз Маккейн не подогнулся под зубным давлением, а его взгляд на шайбу вдруг загорелся странным огоньком. И как только вслед за этим болевым заявлением этого восьмёрочного зуба мудрости, голос подал его собрат с другой стороны (а Маккейн не дилетант в вопросах зубовного скрежета, он только притворяется, что не знает, что значит эта восьмёрка в именовании этого зуба не мудрости, а вечных проблем с ним), то Маккейн, не дожидаясь, когда тот своей невыносимостью подогнёт под себя его разум, сжав что есть силы в руках шайбу, оголив передние зубы, злобно прохрипел:

– Всё, у меня больше нет сил и нервов терпеть ваше самоуправство. Ещё один стон и я к чертям собачьим разнесу всех вас! – И что удивительно, то всё вокруг и внутри Маккейна погрузилось в тишину ожидания. Где Маккейн в готовности разбить свой рот, с шайбой наготове ждал болевого сигнала для начала атаки на себя, а противная сторона, тоже заняв выжидательную позицию, как понималось Маккейном, там внутри себя перешептывалась.

И если передние зубы Маккейна категорически были против любых, даже самых лёгких подёргиваний со своей стороны, – они первые попадут под раздачу, – то находящиеся в большей для себя безопасности, зубы мудрости, вели себя куда как смелей. – Да он только пугает. А так он не решится, да и сил не хватит. – Подбивали на провокацию клыки зубов мудрости. – А если и попытается, то у него ничего не выйдет. Посмотрите на эту шайбу. Что она может. Только испугать. – Но передним зубам и этого достаточно, и они ни в какую не соглашаются претерпевать любого рода боль ради амбиций зубов мудрости, – будут потом, указывая на их разбитость, заявлять, что будь передние зубы мудрыми, как они, то они так не подставлялись, когда им в рот летит шайба. – А если он потеряет над собой контроль и ударится зубами об ванную. – И этот аргумент передних зубов был признан как существенный.

Маккейн же выждав достаточно времени, чтобы можно было сделать один важный для себя вывод – он всё ещё главный в своём организме и его слушаются, – воодушевлённый этой победой над собой, – что есть одна из самых сложных задач, стоящих перед человеком, – легко поднимается на ноги. Затем поворачивается к зеркалу, изучающее на себя смотрит. Что приводит к тому, что он с залихватской усмешкой целует этот свой талисман на счастье, шайбу, с которым он решил до окончания плавания, или как минимум до посещения стоматолога, не расставаться, кладёт её в карман своих брюк от пижамы, и с новой, только что пришедшей ему на ум мыслью, направляется в сторону выхода из каюты.

– Я вам сейчас покажу такую «Полундру», что вы сами полезете от страха на мачты корабля. – Сжав в кулаки руки, с этим решением выдвинулся Маккейн на выход. И он знал что говорил – он действительно решил удивить своим выходом всех тех, кто в своё неурочное время встретится ему на пути. А удивит он тем, что пройдёт по внутренним коридорам корабля не просто как человек страдающий бессонницей, а как человек, которому проблемы

человечества совсем не близки по причине того, что его заботят проблемы его настоящей родины – Луны.

Да всё верно, Маккейн решил притвориться лунатиком, чтобы под этим прикрытием провести рекогносцировку местности и разузнать складывающуюся на корабле обстановку, раз в другое время суток ему этого не удаётся сделать. Ну а чтобы ни у кого из встречаемых людей не возникло насчёт его представляемого образа лунатика сомнений, либо заблуждений, – и не пойму, кого он тут изображает из себя? – то Маккейн, как человек не такой уж и глупый, как о нём говорят его заклятые друзья, решил в своём представлении следовать консервативным путём. И ему на самом деле плевать на все эти современные художественные видения современных художников от культуры, и он не будет выпячивать свои глаза в лунатическом безумии, а в проверенной временем манере, как в кино изобразит лунатика – выставив перед собой руки, он пойдёт по отсекам корабля с откинутой чуть назад головой и прикрытыми слегка глазами.

– Да и моих новых друзей уже пора навестить, – подумал Маккейн, вытащив из колоды карт четыре разномастных карты, положил их в свободный от шайбы карман своих пижамных штанов. После чего он застывает на одном месте, прислушиваясь ко всему вокруг и в особенности к тому, что происходит с другой стороны его дверей каюты. И не услышав ничего такого впечатляющего, что могло бы повлиять на его принятое решение, невзирая ни на что идти лунатить, уже напрямик отправляется на выход.

И хотя расстояние до двери каюты от места, где он принимал это своё беспрекословное к исполнению решение, центра этой самой каюты, совсем ничего, всё же Маккейн успел ощутить влияние на крепость его решения пространственного положения, которое менялось по мере его продвижения к двери. И стоило только Маккейну приблизиться к двери, то он вдруг обнаружил, что сейчас не столь себя уверенно чувствует, как это было три шага назад, там, в центре каюты. Из-за чего он видимо не сразу хватается за ручку каюты, а прикидывает к ней ухом и с глубокомысленным выражением лица, начинает прислушиваться.

Ну а там вроде как только вначале было шумно, а как только Маккейн таким образом проникся тишиной, то и там затихли. – Странно всё это. – Рассудил про себя Маккейн, почувствовав подвох. – Я затих и там затихли. А если я расшумлюсь, то и там станет шумно что ли? – в возмущении покачав головой, задался вопросом Маккейн, всё же протягивая к ручке двери руку.

Ну а стоило ему только открыть дверь каюты, как тут и началось. Так первое, что выяснилось, то, как оказывается, Маккейн, как в воду смотрел, с этим своим пророчеством. И если он открыл для себя дверь своей каюты, то в тот же миг эта дверь открылась и для тех, кто находился на той стороне двери его каюты. И как итог всему этому открытию, это открытие стало для обоих сторонних участников этого открытия открытием. Правда на этом общее заканчивается, и всё по причине разного подхода участников этого действия ко всему случившемуся, а главное к двери каюты, которая так удачно для Маккейна и так неудачно для господина Коконова открывалась, и открылась... нет, не только наружу, а прямо в лицо и в частности в глаз господина Коконова. В общем, внутреннее содержание, – за него отвечал господин Маккейн, – всегда причинно для внешнего, отражающего собой подследственное – сегодня это Коконов, а завтра на его месте может быть любой, если он проникнется большому уважению к чужой тайне и не сможет совладать со своим любопытством, которое и приведёт его к этой замочной скважине.

– По моему глубокому разумению, – с глубокомысленным видом, через прищур фингала под глазом поглядывая на фигуральных Адамов, ещё не пробовавших запретный плод на глаз, заявит тот же Коконов, этот во всём первопроходец, – замочные скважины на дверях были выдуманы совсем не для тех целей, о каких нам сообщают рекламные буклеты. Есть в них что-то до того притягивающее ваш глаз, что и понять не можешь, как уже впритык притянулся к

нему. – Трогая свой фингал, как убедительнейшее доказательство своих слов, с болью в сердце проговорил Коконов.

Но эти минуты славы для Коконова наступят в другое отсыпное время, а сейчас ему, сбившему с ног и дыхания, и летящему затылком прямоком на встречу со стенкой, об этом несвоевременно и не получится думать. Ну а когда он с глубокомысленным головным треском встретился затылком со стеной, то он уже ни о чём, в том числе и о себе, не то что бы подумать, а помыслить не мог. Так что пришлось Маккейну за двоих подумать. А когда перед человеком встаёт такая непростая задача, подумать за двоих, то он ничего нового никогда не придумывает, а сразу же старается переложить эту задачу на кого-то третьего.

– Пусть Томпсон подумает над этой загадкой. – Усмехнулся Маккейн, таща за ногу за собой бессознательного во всех смыслах Коконова. Когда же Коконов был притянут Маккейном к двери каюты Томпсона, то Маккейн усадил его напротив двери, затем после небольшой задумчивой паузы, вытащил из кармана карты, выбрал из них одну – валета червей, вложил его в карман Коконова, после чего поднялся на ноги и постучал в каюту Томпсона. Ну а чтобы Томпсон раньше времени не разгадал эту загадку, Маккейн бегом скрылся за первым поворотом, откуда тоже всё наблюдательно видно и слышно, как соскочивший с ног Томпсон, с матерком: «Ё*-ты!», и ветерком, занял точно такое же, симметрическое к Коконову положение, у входа в свою каюту.

Чего было достаточно Маккейну, и он, повернувшись в другую сторону, нащупав глазами впереди лежащий, не слишком светлый путь, где где-то вдалеке виднелся замерший в одном положении человеческий силуэт, приняв соответствующий своему замыслу лунатический вид, цепляясь взглядом по сторонам, выдвинулся навстречу всем тем, кому на свою голову не спится в это время и шляется по глубинам, даже не отсеков корабля, а по его фигуральным мозговым извилинам капитана корабля (он мыслит кораблём).

– Кто бы это мог? – глядявываясь в этот тёмный силуэт, шаг за шагом задавался этим вопросом Маккейн. И понятно, что он не мог ответить, хотя бы по тому, что тех, кого он знал на корабле, было даже не слишком, а критично мало, чтобы иметь наглость надеяться на то, что бы узнать первого встречного на своём пути. И до вероятности очевидного, тем, кого сейчас возможно встретит Маккейн, будет никак не знакомый ему человек. Впрочем, у Маккейна для этих своих убеждений есть свои крепкие основания. Ведь он вышел побродить по внутренним отсекам корабля не бесцельно, ну, чтобы доказать себе, что он не трус, – он что дурак, да и он уже давно вырос из этого периода наивности, когда без штанов забегал в крапиву, чтобы доказать девчонкам что он стоящий пацан, – а он это сделал с целью отыскать тех недовольных существующим положением вещей людей, которым он уже закинул наживку.

И видимо Коконов первый на неё, так поспешно для себя и клюнул. Правда Маккейн не привык разбрасываться зарекомендовавшими себя кадрами, и он, вложив карту в карман Коконова, оставил ему шанс на будущее сотрудничество. Ну а сейчас было бы неплохо отыскать ещё хотя бы трёх человек из этого круга посвящённых людей – по числу карт в кармане Маккейна (у него есть своя хитроумная задумка, связанная с картами).

Но вот расстояние между Маккейном и этим тёмным силуэтом сократилось до того, что силуэт стал отчётлив, и теперь Маккейн, как минимум, мог не сомневаться в том, что перед ним находится человек. Хотя встретиться ему сейчас местный кок Бонифаций, о чьей звериной сущности складывались легенды в нарядах на кухне среди провинившихся матросов, то кто знает, как ещё запел бы Маккейн подгоняемый Бонифацием на кухне. – Если с чисткой картошки припозднишься, то собственной персоной пойдёшь на второе.

Но на месте этого человеческого силуэта оказался не кок Бонифаций, – за что Маккейн должен благодарить судьбу, чьим карающим инструментом выступил боцман, направивший на исправление к нему бармена, – а это оказался... Кто бы мог подумать о такой неисповедимости путей удачи Маккейна – один из тех, до кого у него было дело. А именно Гноз собствен-

ной персоной. В чём, в общем-то, на самом деле нет ничего сверх удивительного. И если вам встретился Коконов, то знайте, что обязательно где-то совсем рядом, да за тем же поворотом, стоит или выжидает самого для Коконова плохого, его заклятый друг Гноз, который и спокойно вздохнуть не может без того, чтобы крепким словом не вспомнить этого подлеца и негодяя Коконова. Ну а тот, как самый ему близкий человек, отвечает ему тем же.

Между тем и Гноз не остался в стороне от раздавшегося из-за спины шума, и он как человек более чем благоразумный, уже не раз осведомлённый о бытующих здесь, на корабле, порядках, когда тебя, вставшую на дороге скотину, могут в один момент сбить с ног спешащие, как по команде матросы, как только услышал все эти шумы, так сразу повернулся. А как повернулся, то так и обмер в очередном изумлении: «Ба! Знакомые всё лица! Господин с Оксфордским акцентом», при виде этой идущей прямо на него сомнамбулы, с виду напоминающей господина с Оксфордским акцентом.

И надо сказать, что Гнозу, а вместе с ним и Маккейну, повезло в том, что Гнозу не в первой становится объектом удивления. И он видимо со временем, становясь то объектом удивления, то прямо заинтересованным лицом и участником того события, при виде которого впадут в своё недопонимание происходящего другие мало ещё удивляемые люди из среды «сухопутных крыс», пообтёршись во всём этом и, став по своему матёрым на удивление волком, не впал в панику и не бросился наутёк набивать себе на голове шишки об потолки отсеков, – и всё по причине разномерности видения их высоты между ним и конструкторами кораблей, – а всё истолковав по своему, принялся выжидательно наблюдать за этой сомнамбулой.

– Всё-таки причудлив тот мир, в котором ведут свою праздную жизнь люди с Оксфордским акцентом, – рассуждая так, принялся наблюдать за господином с Оксфордским акцентом Гноз, – И плевать им на общественное мнение, они сами устанавливают нормы и правила поведения и приличий. А чтобы ни у кого не возникло в этом сомнения, то они и ведут себя не как все обычные люди, а своим причудливым, на грани понимания поведением, ввергая в недоразумение людей статистов, то есть без Оксфордского акцента. – Гноз даже стало немного за себя и свою необразованность обидно. Ведь у него были все задатки – перспективное мышление, свободомыслие до стирания граней различий до безразличия, умение держать нос по ветру, и главное, стремление к этой Оксфордской самобытности, – для того чтобы получить этот акцент. Но вот только он не учёл одного, самого главного препятствия для получения этого Оксфордского акцента – эта вещь не приобретаемая, а от рождения даваемая. И сколько бы ты себя под этот акцент не настраивал, и сколько бы в учителей не вкладывал, он никогда не станет для тебя доступен.

О чём конечно, господа с Оксфордским акцентом, никогда не оказывая вам в ваших надеждах и главное, во вложениях, не распространяются, а подлови их на этом убеждении, то они, не изменяя своей привычке ничему не удивляться и всегда оставаться в непробиваемом сознанием состоянии сухой обезличенности, уведомят вас через посыльного о том, что вы их не правильно поняли в последний и они надеются на ваше благоразумие, что самый последний раз.

– Глаза прикрыл, как бы показывая всем вокруг, что видеть бы не видел этот мир, где нет ничего от Оксфордского акцента, – продолжил размышлять Гноз, – а руки выставил вперёд, для того чтобы ограничить свою зону комфорта. В эту комфортабельную зону даже и не думай попасть, если ты не высококультурная блондинка на длинных ногах или доктор со всё той же учёной жизнью степенью.

Но вот настало то самое время, когда он дождался, чего подспудно ждал. Правда не сразу, а лишь только после того, как господин с Оксфордским акцентом и сомнамбула в одном лице (и конечно Маккейн, но он пока об этом предусмотрительно не знает), убедился в том, что ему можно доверять.

Так господин с Оксфордским акцентом, сблизившись с Гнозом, замедлил до максимального свой ход, зачем-то принохался и тихо-тихо спросил. – Так вы решились?

И видимо Гноз был не слишком внимательным к Маккейну, или же он был глуховат разумом, раз он решил переспросить господина с Оксфордским акцентом. – На что?

Ну а господин с Оксфордским акцентом и за меньшее не понимание вычёркивал из числа претендентов на то, чтобы подержать его ногу в стремени, когда он забирается на своего чистокровного рысака, лицо непонимающее какое ему было оказано доверие, когда его включили в этот список. Но видимо на этот раз сложившиеся обстоятельства не позволяли ему раскидываться людьми, готовыми сложить ради него свою голову, да и пробковый шлем на голове Гноз призывал дать ему второй шанс. И господин с Оксфордским акцентом решает дать ему второй шанс.

– Войти в число тех, кому будет оказано доверие. – Глубокомысленно сказал господин с Оксфордским акцентом. И надо сказать, что он нашёл самый верный ключик к Гнозу, который будучи человеком, к которому, если честно, ни у кого, и даже у его супруги Люси, не было никакого доверия, сам между тем питал крайнюю необходимость к тому, чтобы его включили в какой-нибудь подобный круг доверия. Для чего это ему было нужно, никто, даже он не знает, но ясно только одно, что этот доверительный круг просуществует совсем недолго, ровно до того момента, пока в него не войдёт этот недоверчивый господин Гноз (даже странно, почему так и не хотят учесть все эти его заслуги перед чужим отечеством, и хотя бы в виде исключения, не присвоят ему право, по выдающимся праздникам или на похоронах, когда его не сможет услышать адресант этого торжества, говорить застольную речь с использованием Оксфордского акцента).

И, конечно, Гноз хочет войти в этот круг избранных, и чем быстрее, тем для всех будет лучше. Но Гноз также знает, что господа с Оксфордским акцентом терпеть не могут любого рода проявления чувствительности и эмоциональности, и ты только попробуй так себя повести, то они вмиг пересмотрят своё к тебе отношение на предмет благоразумия. К тому же Гноз несколько сомневается в том, а достоин ли он войти в этот избранный круг, – хотя конечно достоин, но сомнение на лице он просто обязан выразить. И скорей всего, поэтому Гноз не бросается в объятия господина с Оксфордским акцентом, да и он не разрешит, а он еле сдерживая свои эмоции счастья, с намёком на некоторые обстоятельства участия в этом деле тех господ из его прежнего круга, задаётся вопросом. – А как же? – И дальше Гноз мог не продолжать, господину с Оксфордским акцентом этого достаточно, чтобы всё за господина Гноза понять – он качественно отвечает всем тем задачам, которые он на него возложить хочет.

Правда его ещё нужно слегка надоразумить пониманием его места в жизни господ с Оксфордским акцентом, а то у всех у них, у тех, кого приблизили к себе эти важные господа, одна общая болезнь – они очень быстро забываются и начинают мыслить категориями социализма и равенства. Они мол, ничуть не хуже, а иногда даже могут на равных разговаривать с господами с Оксфордским акцентом. Так что им надо сразу обозначить их равное с вассалами место. И господин с Оксфордским акцентом, перебив невыносимо презрительным взглядом Гноза на своём недовопросе, принялся не просто излагать своё разумение насчёт господина Гноза, а он констатировал факты видовой присущности в господине Гнозе.

– Чем вы слабы, так это тем, что у вас до сих пор сильно чувство общего. Вы ещё не достигли настоящего понимания настоящего места человека на земле, с его индивидуальным видением себя в этом мире. – Господин с Оксфордским акцентом с начальных слов уронил в бездну отчаяния Гноз, которому даже захотелось зашататься на ногах. Но он не успел так уронить себя перед столь важным господином, так как тот вселил в него надежду. – Но у тебя, как я вижу, всё же есть проблески разума. – Проговорил господин с Оксфордским акцентом. – И я знаю, чего тебе не хватает, чтобы окончательно обрести уверенность и покой в себе. Тебе нужно признание. И если насчёт своего народа, то тут ты не питаешь иллюзий, – тебя и таких

как ты свободомыслящих людей, терпеть не могут, – то тебе остаётся его искать в другом месте. Что ж, попробуй заслужить его. – Господин с Оксфордским акцентом сделал внимательную к Гнозу паузу, после чего спросил его:

– Ты готов заслужить признание?

– Готов. – Уже без всякого сомнения дал ответ Гноз. На что господин с Оксфордским акцентом лезет в карман штанов и достаёт оттуда карту и протягивает её Гнозу. Гноз смотрит на протянутую даму крестей и, засомневавшись в верности выбора карты господином с Оксфордским акцентом, с этим сомнением посмотрел на этого господина. Что не может не покорибить господина с Оксфордским акцентом, не терпящего сомнений на свой счёт в глазах господ без Оксфордского акцента. И он сам того не заметив, и возможно, что и не поняв, как так незаметно у него получилось, вдруг обнаруживает в своей руке шайбу. На что господин с Оксфордским акцентом хотел было удивиться, но заметив, как господин Гноз отреагировал на появление шайбы в его руках, – он осел и потёк страхом, – счёл, что не время удивляться, а нужно раз и навсегда выбить из головы этого господина все эти его сомнения насчёт своей незавидной участи, если он ещё раз позволит себе такие дерзости.

И господин с Оксфордским акцентом сейчас же, с помощью шайбы в зубы Гнозу, запечатал бы все эти его недоразумения и глупости, но тут к их общей неожиданности, с одной из боковых сторон (как совсем скоро заметит господин с Оксфордским акцентом, то он, а ранее Гноз, остановились на пересечении нескольких дорог, где чуть сбоку был даже лестничный выход на верхний этаж), донёсся шум в виде человеческого разговора, что заставляет их отвлечься друг от друга и перевести свои взгляды туда. Там же, как они видят, появившись два бесспорно стоящих друг друга человека, – так они увлечённо спорили друг с другом, что не замечали никого вокруг, – которые то шли, то останавливались на месте, чтобы убедить своего ничем не убеждаемого товарища в том, что он, как минимум, его не слушает и настаивает на своём ничем не доказуемом и оспоримым им.

Но это длится до того момента, пока ими не замечаются стоящие уже не в таком далеке, так внимательно на них смотрящие Гноз и господин с Оксфордским акцентом. А как замечаются, то эти два бесспорно стоящие друг друга господина, на поверку оказавшимися господином Поспешным и господином Паранойотовым, замирают в одном положении и начинают так же внимательно смотреть на Гноза и господина с Оксфордским акцентом, как и они смотрят на них. При этом они пошли несколько дальше дозволенного им господином с Оксфордским акцентом и стали подвергать его умственному осмыслению и анализу.

Что почувствовалось им, и он, не поворачивая свою голову в сторону Гноза, с присутствующей в голосе хрипотцой спрашивает его. – Что всё это значит?

– Не знаю. – Не моргнув глазом, соврал всё отлично знающий Гноз. А всё дело в том, что и его присутствие здесь было не столь случайно, как мог бы подумать человек близко и отдалённо не знающий господина Гноза, который уж точно не стал слоняться в такое время по отсекам корабля, где можно наткнуться не только на выступ потолка, но и на куда как большие неприятности. А Гноз и те господа из их общего круга общения, с кем у Гноза сложились обоюдно доверительные отношения (у них между собой имелись взаимозачёты) и кто посчитал, что к предложению господина с Оксфордским акцентом стоит прислушаться, сговорились на этом пересечении дорог встретиться и обсудить поступившее им предложение.

Так что появление здесь господина Гноза было не случайно, как и господ Паранойотова и Поспешного, чего не скажешь о господине с Оксфордским акцентом, не просто внёсшим свою интригу в эту встречу, а так сказать, полностью перечеркнувшего все их планы. И теперь никто из здесь, на этом пересечении дорог, собравшихся людей, не знал, что насчёт всего этого думать. Хотя господин с Оксфордским акцентом всё же знал, что думать. – Врёт как сивый мерин и не краснеет. – В ответ на ответ Гноза подумал господин с Оксфордским акцентом. – Но он не знает, с кем имеет дело. – Усмехнулся про себя господин с Оксфордским акцентом,

посмотрев на шайбу. После чего он, не отворачивая своего взгляда с незваных гостей, сквозь зубы проговаривая слова, обращается к Гнозу:

– А теперь слушай меня внимательно. Если хочешь заслужить моё доверие, ничего не спрашивай, а в точности делай так, как я скажу. Ты меня понял? – спросил Гноза господин с Оксфордским акцентом. И Гноз, понимая, что любую его заминку с ответом примут за сомнения, не тратя время на размышления, даёт ответ. – Да. – И только прозвучал этот его ответ, то тут-то и настало время для всеобщего удивления.

Так господин с Оксфордским акцентом приближает к своему лицу шайбу и свободной от шайбы рукой начинает какие-то странные тыканья пальцами по шайбе. Когда же господин с Оксфордским акцентом таким образом напряг разумение Гноза и стоящих поодаль наблюдателей, начавших ещё меньше понимать, что тут происходит, то он подносит эту шайбу к своему уху и с видом человека ожидающего ответа на свой телефонный вызов, начинает ждать, когда там, на той стороне трубки, сообразоволят к ней подойти и ответить.

И если насчёт господ Паранойотова и Пospешного, по причине их отдалённого нахождения от места где всё это происходило, можно пока было сильно не беспокоиться, – они близко не видели, что находится в руках господина с Оксфордским акцентом и вполне могли принять находящийся в его руках предмет за телефон, – то вот насчёт господина Гноза нельзя было не побеспокоиться. Ведь он прекрасно видит, во что якобы звонит господин с Оксфордским акцентом. – В шайбу! – И тут не тронуться умом, надо иметь сильнейшие для этого подпорки. И они у Гноза как не странно были. И он, вспомнив насколько чудна и невероятна жизнь этой богоизбранной прослойки людей, которые только так необычно и должны себя вести, собирается со своей растерянностью и в ожидании команды от своего сюзерена смотрит на него.

И Гнозу не пришлось долго ждать, и как только господин с Оксфордским акцентом дождался ответа того, кому он звонил, то и ему представилась возможность, быть полезным господину с Оксфордским акцентом. – Добрый вечер. Нет, вы меня не знаете, но зато я вас отлично знаю. Откуда? Ваш супруг сейчас вам всё об этом расскажет, – Таким образом представившись и, переговорив по шайбе только с виду, но после такой феноменальной актёрской игры господина с Оксфордским акцентом, Гноз уже и не знает, что правда – в его руках телефон, замаскированный под шайбу, а что нет – в его руках просто шайба, господин с Оксфордским акцентом протягивает шайбу Гнозу, и под внимательными взглядами незваных гостей требовательно на него смотрит.

Гноз же находясь в новой степени растерянности, впал в непонимание, что от него сейчас требуется, бестолковым взглядом смотрит на господина с Оксфордским акцентом и не торопится включаться в игру, приняв шайбу. Отчего господин с Оксфордским акцентом до скрежета зубов закипает и с зубовым проворотом, сквозь всё те же зубы угрожающе говорит. – А ну, сука, бери шайбу и отвечай на звонок. – Что, видимо, привело в чувство Гноза и он, протягивая руку к шайбе, спрашивает господина с Оксфордским акцентом: Кто звонит?

– Твоя супруга. – Уже мягко сказал господин с Оксфордским акцентом и добавил. – И только давай без фальши. Сам знаешь, что неубедительная игра только увеличивает подозрения.

– Я понял. – Тихо сказал Гноз, бросив взгляд на наблюдателей. После чего Гноз включает всё своё актёрское мастерство, которое годами им оттачивалось на сцене театра под названием семья, где единственным зрителем была его супруга Люся, – а тут уж только попробуй обмануть зрительские ожидания, мигом лишат права голоса до своего исправления, – и выразительно изобразив на своём лице полную покорность и послушание, тихими голосом отвечает в шайбу, а для господ Паранойотова и Пospешного, в телефон. – Это я дорогая.

Что же сказала ему в ответ его дорогая, то об этом никто никогда не узнает, но по испуганному и потерянному виду господина Гноза можно догадаться, что разговор шёл на повышенных тонах и был уж очень не простым для господина Гноза.

– Надо же, надумал о себе напомнить! – с такой прямо ехидцей, что сразу же хочется отключить телефон, ответила Люся на вполне себе нормальное приветствие Гноза. И не успевает Гноз в своё оправдание сказать оправдание или хотя бы конструктивом смягчить этот, не с того начатый разговор, как Люся уже завелась и не даёт слово вставить (хотя слово Гнозу удаётся иногда вставить).

– А не поздновато ли напоминаешь о себе? – с подкожной издёвкой задаёт вопрос Люся, и сразу же даёт на него свой логичный ответ. – Или ты настолько самоуверен в себе, что даже не допускаешь мысли о том, что я с лёгкостью согрею свою душу и тело в объятиях такого же как и я одиночества. – И хотя Гноз не допускает таких мыслей (да что там не допускает, он их постоянно гонит от себя), всё же когда он о таком допуске слышит, то начинает нервничать и волноваться за репутацию своей супруги, которой ничего не стоит её, по той же глупости – чтобы ему неповадно было гулять – измарать. А как он начинает нервничать, то он краснеет, потеет в очках и начинает заикаться.

– И с ке..ке ...кем? – что есть силы сжав трубку своего телефона, то есть шайбу, с дрожью в голосе спросил Люсю всегда верный себе Гноз. Ну а в ответ, ожидаемо Гнозом, да и уже всеми, раздаётся до печёнок пробирающий, до чего же невыносимый смех Люси. – А разве ты, дурак, так до сих пор не догадываешься? – усмехается в ответ Люся, своим туманным ответом создавая невыносимую интригу в голове Гноза. И хотя Гноз не просто догадывался, а всегда знал, кто бы мог воспользоваться его недосмотром за Люсей и долгим отсутствием – подлец Коконов – он не может вот так сразу своим ушам поверить и дать шанс Коконову на такую реализуемость своей подлости. И Гноз, не побоявшись прослыть дураком, как то утверждает Люся, даёт ещё один шанс на исправление своей злой и столь обидчивой супруге, готовой наговорить на себя в три короба, лишь бы задеть его. – Кто он?! – уже на повышенных тонах, нервно призывает к благоразумию свою ли ещё Люси.

И если она скажет, что этим одиночеством был молодой Бельмондо, кому Гноз всегда готов был пойти на уступки, или к примеру, один не назвавший себя по имени президент одной демократической страны (но ни в коем случае с авторитарным управлением), то он так и быть, простит эти её фантазии.

Но разве он не знает эту Люсю, которая ни перед чем не остановится, лишь бы пошатнуть устойчивое положение своего супруга. И, конечно, Гноз в ответ от неё не слышит все углы сглаживающее имя Бельмондо, – он умеет рассмешить по настоящему, не то что ты, – а она проявляет отличное знание всех больных мест своего супруга и называет ему самое ему невыносимое из всех имя. – Это Коконов. – Как громом среди ясного неба звучит и оглушает сознание и вместе с ним здравомыслие Гноза ответ Люси. И Гноз, явно войдя в роль обманутого мужа так, что можно было констатировать факт того, что он заигрался – если, конечно, знать, что он звонит по шайбе, а это только одному человеку известно (и это не Гноз), и поэтому этот факт не констатируется, – начал всё больше нервничать и как следствие, забываться.

А ведь вспомни он вовремя, что так ненавидимый им господин Коконов находится вместе с ним на корабле, и значит, он, как минимум, не мог замещать его дома у Люси, то это бы всё решило. Но видимо недовольствие видеть этого, неприятного во всех смыслах господина, в объятиях Люси настолько огромно, что Гнозу, наплевав на все физические и законы разума, хочется на месте любовника своей супруги видеть именно этого невыносимого господина. А иначе ненависть к нему пойдёт на снижение и Гноз начнёт терять ориентиры в своей жизни.

– Не может быть?! – чуть ли не завопил Гноз. При этом не совсем было понятно, чего он добивался, задаваясь этим вопросом. То ли он призывал к благоразумию Люси, утверждая таким образом, что всё то, что она говорит, не очевидно и не подтверждено никакими фактами, то ли он добивался от неё всё тех же убедительных доказательств своей измены именно с Коконовым.

Ну а Люся не приемлет полумеры, и если она решила проучить своего, по гроб ей обязанного и значит находящегося в неоплатном перед ней долгу супруга, – о чём она ему все уши прожужжала, но детальной расшифровки её трат на него он так и не видел, – то она пойдёт не просто до конца, что в данном случае звучит несколько двусмысленно и не цензурировано, а она готова прибегнуть к любого рода мистификациям, чтобы день расплаты по счетам по скорее настал. И он (этот день), наверное, при её то старании доводить до нервных коликов Гнуза, давно бы настал, если бы его не удерживало на этом свете уверенность в том, что Люся совсем не правильно распорядится теми счетами, которые будут предъявлены ему к оплате.

– Что, хочешь услышать его голос? – так до дерзости уверенно заявляет в трубку Люся, что Гноз на мгновение даже опешил от такого её наступления. И если здраво, а не впопыхах, как Гноз, подумать над этим её не таким уж и простым вопросом, то много чего и особенно подводных камней можно найти в нём.

Так первое, что сразу же бросается в глаза, так его построение на взаимоисключающих противоречиях. Как может Гноз хотеть услышать голос Коконова, когда он его и не в исключительных, как сейчас случаях, слышать не хотел. И получается, что если Гноз в ответ скажет, что не только не хочет услышать его голос, а век бы его не слышал, то он тем самым на слово верит всему тому, что тут про себя нагородила Люся.

В другом же случае, что невозможно по вышеуказанной причине, если Гноз в экспериментальных целях выдавит из себя: «Да...а, я хо...очу, услы...ышать голос этого гада», – то Люся, глядишь, не поверит, и с упрёком ему заявит. – Ты себя то, слышишь? Куда ты подевал свои принципы, гад? – А если поверит, то кто ей помешает включить диктофон с записанным на нём голосом Коконова и не предъявить его в качестве доказательства его недалёковидности насчёт Коконова.

– Значит, не веришь, гад! – возмутится Люся, в случае второго ответа Гноза. – Тогда слушай. – И поднеся к трубке телефона диктофон, обрушит на Гноза откровение в виде голоса Коконова.

– Это я Коконов. – Доносится из трубки до Гноза голос Коконова. – Я самый счастливый на свете человек. Спросите почему? А всё очень просто. Я не ставлю перед собой несбыточных задач. Что позволяет мне достичь желаемого и радоваться жизни. И это на самом деле более чем дальновидное решение и взгляд на жизнь. Вот и сейчас я достиг того, чего хотел. И ты не можешь не догадываться, о чём я говорю.

– О чём? – не сдержался Гноз.

– Тебе крестовидная родинка под лопаткой о чём-нибудь говорит? – шепотом проговаривает свой вопрос Коконов, но этого уже Гнозу хватило, чтобы ... Передёрнуться и наконец-то прийти в себя под требовательным взглядом господина с Оксфордским акцентом.

И понятно, что всё это только на представлялось быстрыми на воображение господами Паранойотовым и Пospешным. При этом это так всё натурально выглядело со стороны, что даже господин с Оксфордским акцентом, на время этого разговора впал в заблуждение насчёт реальности происходящего.

– Поговорили и хватит. – Сказал господин с Оксфордским акцентом, протягивая руку к Гнозу. И тому ничего не остаётся делать, как вернуть это средство мобильной коммуникации, шайбу. Правда, когда господин с Оксфордским акцентом перехватывал у Гноза это средства коммуникации, то он так знаково на него посмотрел, что Гноз не имел никакого права не понять этот поданный ему сигнал. И Гноз на этот раз не подвёл господина с Оксфордским акцентом и всё понял – эта его игра на публику, для господ Паранойотова и Пospешного, имела своей целью убедить этих господ в немалых технических возможностях господина с Оксфордским акцентом. А для чего, то понять не сложно.

Ведь все пассажиры корабля находились в своеобразном информационном вакууме и зависели от прихоти капитана корабля Мирбуса, который дозированно и как ему вздумается,

информировал их о происходящем в мире, а тут как сейчас этими господами выясняется, то господин с Оксфордским акцентом, не только независим от капитанского диктата, а имеет собственные возможности для получения информации из вне. И получается, что господин с Оксфордским акцентом, получая по своим, альтернативным от капитана источникам, информацию о происходящем в мире, тем самым имеет право на собственный голос и мнение на корабле. И теперь вздумай капитан Мирбус, а всё скуки ради, ошеломить пассажиров корабля сообщением о глобальной катастрофе, где мир пока они тут беззаботно плыли, погрязнув в разврате и безумии (что да, то да), окончательно сошёл с ума и в ядерной катастрофе сам себя потопил, – все континенты ушли под воду и мы чуть ли не единственные, кто выжил на этом белом свете, – то господин с Оксфордским акцентом, как альтернативный источник информации, всегда может вывести Мирбуса на чистую воду.

– С нынешнего дня, – после того, как ошеломлённая известием о глобальной катастрофе, всё больше пассажирская публика (команда корабля уже привычна к такого рода играм разума своего капитана), сможет прийти в себя и встать с пола, куда многие из них попадали в обморок, грозно заявит капитан Мирбус, – можете ко мне обращаться: «Ваше патриаршее величество, Ной второй». Отныне я беру на себя все полномочия верховного правителя последнего острова жизни на этой планете, корабля «Аполлон», и, требую беспрекословного исполнения моей воли. – Ной второй или Мирбус, не первый, кто себя провозглашал единственным самодержцем на своём корабле, где он числился капитаном, зорко посмотрел на пассажиров, выискивая в них того, кого может быть, не устраивает подобное положение вещей, и он желает предложить демократические выборы самодержца и диктатора в одном лице.

И такой недовольный находится, это некий господин Нервозов, которого ещё вчера начало мутить разумом, а сегодня уже мутило от того вчерашнего перебора с напитками, которыми он пытался переубедить свой вчерашний, замутнённый скукой разум. И этот некий господин Нервозов, уже успев хватить лишка и так сказать осмелеть, в момент подскочил на ноги и явно несогласуясь со своим разумом, выразил вотум недоверия этому самовыдвиженцу. – А ты кто такой?! – в нервном припадке заорал Нервозов, требуя от Ноя второго своего представления.

И Ной второй, если его об этом просит его электорат, не может проигнорировать его просьбы – выборщик имеет полное право знать, кого он выбирает. – За борт его! – отдаёт команду матросам Ной второй и, не успевает господин Нервозов понять, что с ним сейчас происходит, как он летит кормить собой акул. И как теперь Ной второй видит, то этой презентации себя, вполне достаточно для его подданных, которые в один момент прониклись уважением и любовью к отныне и до скончания их жизни на этом корабле, их повелителю, Нюю второму. А что они, эти отныне полностью находящиеся под властью Ноя второго подданные, могут поделаться, когда вся власть в руках Ноя второго, без управленческих способностей никому не управиться с кораблём. Вот и приходится им во всём слушаться, с каждым днём всё больше наглежащего и следующего своим наклонным путём абсолютного монарха, от деспотизма до самодурства, Ноя второго, который начал всю упиваться своей неограниченной ничем, кроме своей фантазии властью, и уже возомнил себя богом и требует поклонения.

И первым указом этого самого великого из Цезарей (это одно из его титулов) Ноя второго, а по своей величавой сути и первого, будет самый деспотичный (и это не зря), отдающий самодурством нового государя, бесспорно спорный указ, попирающий все свободы и вольности его отныне подданных, пассажиров корабля – теперь каждый из вас будет оцениваться по настоящему, по своим способностям и нужности для нашего общего дома, корабля. – Так что засуньте ваши регалии и родовитость, знаете куда! – Ной второй очень красноречиво посмотрел на Кубрика, который как все знают, является правой рукой Ноя и всё обо всех знает, и имеет неограниченный доступ к любому физическому телу на корабле – и если он возьмётся за это дело в резиновых перчатках, то никому мало не покажется.

Ну а как только с первого указа всё так несправедливо для пассажиров распределилось, – как по божьему повелению, кто был первым, тот стал последним, и наоборот, – то тут все они фигурально и приплыли, обнаружив себя не такими выдающимися личностями, как всегда о себе мнили, а согласно своих способностей и необходимости, кто в кочегарах, кто полотёрах, а кто в качестве наживки для ловли акул.

Но всё это возможно только в одном случае, если бы у оставшегося человечества, которое было представлено пассажирами корабля, не было иной надежды, кроме как полагаться на капитана своего корабля, который ведёт корабль их жизни. Но в случае появления двух полярного мира, где господин с Оксфордским акцентом, несмотря на то, что он всегда был убеждённым сторонником однополярного мира, выступит в качестве альтернативного источника информации, – вы не Ной, а трепло и самозванец, – подняв вверх шайбу, своим сообщением вдавил бы в стул Мирбуса господин с Оксфордским акцентом, – то, пожалуй, Мирбус не стал бы себя обожествлять.

В общем, такое положение вещей в корне меняет весь расклад на корабле, заставляя господ Паранойотова и Поспешного, в чьей информационной несдержанности не сомневался господин с Оксфордским акцентом, – скоро все на корабле будут знать, что у меня есть, что противопоставить Мирбусу, – с пониманием всего этого переглянуться и решить, что с господином с Оксфордским акцентом, не только из-за его акцента стоит иметь дело.

Тем временем господин с Оксфордским акцентом не просто забирает из рук Гноза шайбу, а он в тот же момент вкладывает ему в руку всё ту же карту, даму крестей. И на этот раз Гноз не задаётся вопросом, почему именно дама крестей, а не как минимум валет – господин с Оксфордским акцентом собой представляет глобалистов всех мастей, а для них любого рода нетерпеливые убеждения в своей однородности, неприемлемы. Так что если тебя посчитали за даму, то прояви уважение к другому мнению, и не возникай.

Господин с Оксфордским акцентом, вернув шайбу в карман своих штанов, разворачивается в ту сторону, куда он до встречи с Гнозом шёл и, ничего больше не говоря, выставив вперёд руки, направил свой ход дальше. Гноз, в свою очередь бросив короткий взгляд на господ наблюдателей, поворачивает в свою сторону и быстрым шагом начинает покидать этот перекрёсток путей. Ну а господа Паранойотов и Поспешный вначале замешкались, не зная что им дальше делать, но затем придя к единому мнению – без дополнительной информации им во всём этом не разобраться, а её может сейчас дать только Гноз, – рванули вдогонку за Гнозом.

Ну а господина с Оксфордским акцентом или для себя Маккейна, такое положение вещей вполне устраивает, и он идёт дальше. А вот куда, то он пока что не знает. Чего не скажешь об интуиции, которая просто уверена, что он таким образом, обязательно на свою задницу найдёт приключений. Но кого она решила смутить, Маккейна убеждённого сексиста и женоненавистника. – Интуицию слушают только бабы, подкаблучники, тряпки половые и неуверенные в себе люди. – Решительно убедил себя Маккейну, и тут же по выходу из поворота ему представилась возможность доказать, что он, как минимум, уверенный в себе человек.

И судя по побелевшему в один момент виду, застывшего на месте Маккейна, то он находился на пути к собственному пониманию себя – кто же он на самом деле, баба – вопрос пока открытый, подкаблучник – это вряд ли, он ведь холост, тряпка половая – это дискуссионный вопрос, или неуверенный в себе человек – а это спорный вопрос. В общем, у Маккейна было ещё время над этим подумать при виде приближающегося к нему, сомнамбулического вида боцмана Роджера, держащего перед собой зажжённую свечку. И видимо то, что Маккейн, кого-кого, а боцмана Роджера не ожидал сейчас увидеть – по его расчётам, боцман находился в лазарете, – а не как можно было подумать, что он этого сомнамбулического вида боцмана испугался, и повергло его в этот умственный ступор. Да и кого не повергнет в ужас и не озадачит этот потусторонний вид боцмана, надвигающегося на вас со свечой в темноте, и что-то про себя бормочущего. Маккейну, кажется, что он обращается к темноте с вопросом: «Ищу человека?».

И хотя это всего лишь академический взгляд на боцмана, но он как кажется, наиболее точно подходит к этой картине боцмана. И если бы Маккейн сумел из себя слово выдавить и спросить боцмана: «И что за человека вы ищете?», – то боцман так уж и быть, остановился и благоволил ответить. – Проклятого синоптика.

– И чем вам синоптик так не угодил, что вы готовы его растерзать на кусочки? – не может удержаться от нового вопроса Маккейн.

– Теперь моей душе нет покоя, и он поселил в неё одно ненастье. – Отвечает боцман. И Маккейн его отлично понимает и полностью согласен, что таких синоптиков нужно отлавливать и бросать в море. Что б не повадно было. Они нам прогнозируют чёрт знает что, а мы это всё на себе переноси.

Но Маккейн не смог вымолвить ни слова, и боцман прошёл мимо. Что между тем навело Маккейна на мысль. – А здесь случайно не находится лазарет? – спросил себя Маккейн, бросив внимательный взгляд в ту сторону, откуда появился боцман. Правда отсюда, мало что можно было отличимо увидеть, и Маккейн, решив, что самое страшное уже позади, выдвинулся вперёд. И так до тех пор, пока при подходе к следующему пересечению дорог, до него вдруг не доносятся чьи-то разговорчивые голоса. Что заставляет Маккейна в одно мгновение замереть на месте, а во второе кинуться в сторону, за перегородку, ограждающую собой это пересечение дорог.

И как вскоре выясняется Маккейном, то он не зря пожертвовал своей репутацией бесстрашного человека (понятно, что только перед собой, другие его не волнуют) – теми, кто шёл по коридору и разговаривал, оказались, и это Маккейна как раз не удивило, капитан Мирбус и судовой врач, Кубрик. И что ещё не удивило, а до крайней внимательности заинтересовало Маккейна, так это то, что они вели свой разговор о нём (а о ком ещё они могут вести разговор – так любой думает, стоит ему стать случайным свидетелем чьего-то разговора). Ну а чтобы Маккейн был в курсе всего того, что они о нём думают и говорят, они специально (по разумению Маккейна) остановились на этом пересечении дорог и принялись говорить всё, что о нём думают и домысливают – что всегда ещё хуже звучит, чем первое.

– Ну и как этот придурок отнёсся к твоему посещению? – без всякой разминки для ушей Маккейна, вот так сразу начинает его чихвостить и угнетать его самолюбие капитан Мирбус.

На что Кубрик в возмущении не набрасывается на Мирбуса с опровержением его слов: «Как это так, вы не зная этого, по моему, прекрасного человека, начинаете его как вам вздумается поносить?!», – а наоборот, как будто и он сам за придурка его считает, с усмешкой всё это косвенно подтверждает. – А как нами и ожидалось. Придуривается, показывая, что ему невдомёк все мои намёки.

– А может ты и вправду не был слишком ясен? – с сомнением спросил Мирбус.

– Да куда уж яснее. – Искренне удивлён таким недоверием Мирбуса Кубрик. – Я ему в лицо говорю, какой он ни на есть придурок, а он с умным видом спрашивает: Это что диагноз?

– Ну и какой диагноз? – усмехнувшись, спрашивает Мирбус.

– Дебил. – Разрезает воздух свои весёлым ответом Кубрик, после чего окружающее их пространство накрывает смех, а Маккейн, потрясённый такой крайней самоуверенностью Кубрика, на мгновение впадает в беспамятство. Когда же он вновь приходит в себя, то до него доносится вроде как прежний разговор между Мирбусом и Кубриком, но в то же время и не совсем такой (времени у Маккейна для разборов всего этого не было, и он решил жить настоящим и воспринимать всё так, как на данный момент есть).

– Ну и какой диагноз? – явно шифруясь, так издали спросил Кубрика Мирбус.

– Ты же знаешь мой взгляд на человека и его здоровье. – С усмешкой проговорил Кубрик. – Все его болезни от его ума, или от недостатка, а может и от переизбытка ума.

– И что у нашего пациента, переизбыток или он недоумок? – со смехом спросил Мирбус Кубрика. А всё это слышащему Маккейну, между прочим, всё это слышать до раскрытия себя

обидно. Но он крепится и, собрав всю силу воли в кулаки, держится в тени перегородки и с нетерпением ждёт ответа Кубрика – от его ответа будет очень много зависеть. Так Маккейн сможет понять, какую игру решил с ним сыграть Кубрик и на чьей он на самом деле стороне. Правда при всех этих раскладах, Маккейну было больше на пользу, если бы его считали за недоумка. Что дало бы ему больше пространства для манёвра – недоумок, что с него взять. Но что-то такое горделивое в Маккейне восстало против такого для него выигрышного варианта, и он не хотел ничего, и даже разумные доводы слышать в пользу этого варианта. – Всё что угодно, только не это. – Сделав свой выбор, Маккейн вытянул свои уши и начал ждать, что там надумает сказать Кубрик.

И Кубрик сказал то, что хотел услышать Маккейн: «Скорее переросток», – и тем самым сбил Маккейна со всякого толка, не дав ему ответить ни на один для себя, касающийся Кубрика вопрос. Что вызывает вначале смех капитана Мирбуса, а затем к нему присоединяется и Кубрик. Когда же они, или внутренняя обстановка подавила весь этот их смех, Мирбус в прежней манере, спрашивает Кубрика. – И что всё это значит?

– А разве непонятно. – Кубрик своим уклончивым ответом тут же насторожил Маккейна, по всему телу вдруг почувствовавшего болячки. То же касалось и Мирбуса, которому может быть и понятно, но ему бы хотелось услышать, как это понимает Кубрик. И Кубрик так уж и быть, объясняет это своё понимание. – Он первое что сделает, так это отложит на самое последнее место посещение доктора. И займётся самолечением. Сейчас в интернете всё есть, так чем он хуже каких-то докторишек, которые и сами свои знания получали из тех же учебников. Ну и как итог, самозалечится.

– М-да. Что и говорить, а результативно. – Задумчиво сказал Мирбус. Немного ещё подумал и спросил Кубрика:

– Ну а вы, какое порекомендуете лечение?

– Я думаю, что интенсивную терапию. – Ничего не понял Маккейн из этого ответа Кубрика, что не помешало ему в волнении напрячься. Кубрик тем временем разворачивает свой ответ. – Можно начать с водных процедур, например, душа Шарко («Это ещё что за хрен?», – взмок от пробившего озноба Маккейн, чья шея больно заныла, подспудно чувствуя, что разговор касался её). Затем я бы рекомендовал горчичники и грязевые ванны. И на горячее, будет не плохо как следует пропотеть. – И судя по вспотевшему виду Маккейна, то он для себя уже прошёл через все эти упомянутые Кубриком процедуры.

– Знаете. – Сказал Мирбус. – Я, пожалуй, прислушаюсь к вашим рекомендациям. – Дальше следует затишье, во время которого Маккейн как не вслушивался, то так и не смог разобрать, что там за углом делается. Что заставляет его ещё сильнее напрячься в своём внимании к окружающему. Но всё бесполезно. И ему так ничего и не удаётся услышать. Что уже принуждает его к активизации своих действий, и Маккейн, соблюдая крайние меры предосторожности, начинает постепенно двигаться в сторону из-за угла.

Так он, втянув в себя силой мысли нос, результатом чего стало то, что у него появилась уверенность в том, что его за нос точно не отследят, выдвигает этот свой исследовательский зонд вперёд, в сторону этого из-за угла. И так как там его сразу за нос не схватили, то можно предположить, что первые его шаги в сторону осуществления задуманного, разведки местности, были удачными. Из чего также явствует вывод, что там, за углом, вроде уже никого нет. Что вселяет новую уверенность в Маккейна, и он делает следующий шаг к своей исследовательской цели – выглядывает из-за угла. Где действительно сейчас никого нет, и Маккейн может себя поздравить с тем, что он так много для себя услышал и узнал, и при этом никто об этом кроме него не знает.

– Теперь осталось узнать, что под этими зашифрованными названиями скрывается. – Задумался Маккейн. А стоило ему только слегка представить, что могло скрываться под этим предлагаемыми Кубриками процедурами, так изящно им оговорёнными, так Маккейн крайне был

поражён возможностями своего воображения. Так душ Шарко ему представился в виде кока Бонифация с его крепкой хваткой, горчичники и грязевые ванны, то за первое отвечают плети, с помощью которых с привязанного к мачте человека будут хлёткими ударами сдирать кожу, а за второе тот трюмный, по колено воды свинарник, куда поместят тебя всего в мыле избитого, ну и последнее предложение, погорячее, то тут воображение Маккейна так разошлось в себе, что он предпочёл на этом остановиться, пока не впал в бездну отчаяния.

А как остановился, то понял, что он всё это время не стоял на месте, а его ноги всё это время несли его вслед за собой в неизвестную даль и, судя по стоящему здесь в этом отсечном отделении запаху, вроде как страха перед белыми халатами (иначе никак его не охарактеризуешь – а название фенол, ни о чём не говорит) – это единственное, что мог разобрать Маккейн в этой жуткой темноте – то те, кто обитает в этом отсеке, слишком большое значение придают чистоте своему и местному помещению, раз так обильно используют все эти антисептические средства. А это всё вместе взятое наводит Маккейна на мысль о предназначении этого отсека. – Это, несомненно, медицинский отсек, где своими жуткими делами занимается Кубрик. – Решил Маккейн, и тут же стал насторожен и очень внимателен к окружающему. И как прямо сейчас выяснилось, очень не зря и своевременно.

Так где-то не слишком далеко и не близко, с лязгом открылась дверь и из неё в начале донесли голоса неких людей, а затем в падающем из проёма открывшейся двери свете, появились две тёмные личности, при виде которых Маккейн, дабы избежать лишних вопросов с их стороны, – а что-то ему подсказывает, что они обязательно появятся, и при этом кулаком в лицо, – быстро заныривает в один из близлежащих тёмных углов и начинает в который уже за сегодня раз, прислушиваться к происходящему совсем недалеко от него.

– Достало меня всё уже это. – Возмутился первый голос, явно нервничающего человека, тут же чиркнувшего спичкой и, стоящему за углом в темноте Маккейну, пришлось изрядно вслед за ним понервничать, когда пространство рядом с ним осветилось светом зажжённой спички. – Прижгут спичками и имени не спросят. – В момент догадался Маккейн, насколько опасны эти типы, судя по угрожающим теням, который отбросила эта зажжённая спичка.

– Ну, я тоже не всем доволен, но что поделать, это наша работа. – Проговорил более рассудительный тип. Но его собеседник видимо слишком язвительный человек, и ему все эти аргументы о долге по одному месту и он ещё больше заводится.

– Да лучше меня в джунгли с одним боекомплектом выбросили, чем я буду здесь штаны протирать в качестве надзирателя. У меня, между прочим, тоже есть репутация, и я на такое не подписывался. – Гневно прохрипел язвительный тип. И судя по световым миганиям, язвительный тип не смог устоять на месте и жестикулировал руками, в одной из которых находился огонёк сигареты, который и принялся так иллюминировать.

– Ну а что поделать, мы люди подневольные, да и куда отсюда деться, везде океан. – Сказал второй, более рассудительный тип.

– А как насчёт вертолёта? – приглушённым голосом сказал язвительный тип.

– Какого ещё вертолёта?! – вместе с рассудительным типом, про себя спросил Маккейн. И как сейчас выясняется, то язвительный тип не просто паскудный тип, а всё это его недовольство и паскудство имеет под собой весьма крепкие основания – он куда как больше знает, чем его напарник, и оттого он такой циничный подонок, а его напарник пребывая в неведении того, насколько паскуден этот мир, пока ещё остаётся в своём добродушии. Но ничего, и как только его напарник раскроет ему глаза на истинное положение вещей, то ему ничего другого не останется делать, как с прагматичной, то есть с циничной точки зрения, посмотреть на этот мир.

– Ну, ты меня удивляешь своей наивностью. – Усмешливо сказал язвительный тип. – А для чего спрашивается, устроена вертолётная площадка на верхней палубе.

– Ну, это ещё ни о чём не говорит. – Добродушный напарник ни в какую не хочет расстаться со своей наивностью.

– Ладно. А как капитан поддерживает связь с берегом? – спрашивает язвительный напарник. И на это есть что ответить у его добродушного и по-своему наивного собеседника. – Я думаю, что для этого есть специальное навигационное оборудование и спутниковая связь.

– А если крайне необходимо лично переговорить? – всё не сдаётся язвительный тип.

– А что, спутниковой связи разве недостаточно? – добродушный собеседник своей наивностью прямо поражает его собеседника, а что уж говорить о Маккейне, который уж знает, что есть такие ситуации, что никакой прокладке в виде телефона нельзя доверить ту крайне важную информацию, от знания которой, аж под ложечкой сосёт.

– Нет. – Только это и смог из себя выразить язвительный тип. И этого объяснения, как оказалось, было достаточно его мало понятливому собеседнику. Который, не долго думая, спрашивает своего более осведомлённого напарника. – Я как понимаю, ты что-то недоговариваешь.

– Есть такое дело. – Понизив свой голос до заговорщицкого, сказал язвительный тип. После чего, как это понимает Маккейн, язвительный тип приблизился к своему собеседнику как можно ближе, чтобы ни одно слово не прошло мимо него и не дай бог попало в чужие уши, и начал так тихо ему говорить, что даже Маккейну оказалось не всегда по силу преодолеть тот защитный звуковой барьер, которым оградил себя этот язвительный тип.

И как бы язвительный тип не перекрывал всякий внешний доступ к той информации, которую он вкладывал своему напарнику, всё-таки Маккейн сумел услышать самое главное. – В конце недели ожидается прилёт вертолёт, который доставит сюда, на корабль, неких важных лиц, с которыми капитан Мирбус будет координировать свои дальнейшие действия. И если постараться, то... – но дальше Маккейн не смог дослушать по причине своего нетерпения. Он сам додумал за язвительного типа.

– Я должен непременно с ними встретиться. – Сделал немедленный и столь нетерпеливый вывод Маккейн. И тут же освещённый светом фонаря, зажмурившись в глазах от бьющего света в глаза, понял одну вещь – сейчас все решения за него будут принимать те, кто его обнаружил.

Глава 3

Приметливость и приветливость встречного и окружающего мира

Как все знающие, а также догадывающиеся о существовании причинно-следственных связей люди знают, то если человек подвергся изменениям, то рано или поздно, в зависимости от характера этих изменений, эти его изменения будут замечены теми людьми, кто входит в круг его знакомых и частично незнакомых – кому вы по причине вашего резкого изменения в сторону человека дерзкого (вы перебрали не слегка), вдруг отдадите ногу (а будь вы прежний, то никогда бы так не сделали – ну а тому, кому вы отдали ногу, от этого не легче, да и не поймёт он ничего).

Так если эти ваши изменения носят демонстративный характер, – вы сменили причёску или же сделали липосакцию, что есть внешнее выражение вашего желания измениться в красивую сторону, – то это сразу же бросится в глаза вашим знакомым, чья реакция не замедлит себя ждать. – «Ты отпад!», или же: «Я тоже так хочу схудеть». В случае же когда вы решили пойти куда как дальше – а вы решили изменить свою жизнь кардинально, – то такого рода изменения в вас не сразу обнаружатся, если вы сами не захотите этого. Что совсем не означает того, что вы не изменились – а с того самого момента, как вас посетила эта глубокая мысль, вы перестали быть прежним, и отныне стали мыслить иными категориями: я вместе с собой изменю этот погрязший в без изменчивости мир.

Так и господин Шиллинг, приняв для себя решение: «Сегодня или никогда, я приму окончательное решение», – внешне хоть никак и не изменился – он всё такой же неприступный и величавый не человек, а столп общества – тем не менее, внутри он уже не был прежним

человеком номер два в государственной машине (хотя формально это так и оставалось быть), а теперь он чувствовал себя куда как увереннее. И если раньше он, посматривая на спину президента, задавал себе вопрос: «А чем я хуже?», – то сейчас он сделал один шаг по направлению своей мечте – стать человеком номер один – и теперь он уже не задавался вопросом, а констатировал факт настоящего: «А я ничем не хуже!». А должное понимание такого положения вещей, подвигает Шиллинга к тому, чтобы принять исходящее от одной из групп влияния в палате представителей, предложение о выдвижении своей кандидатуры на следующих президентских выборах.

И хотя Шиллинг больше чем уверен, что лучшего президента чем он, на данный момент не отыскать, – он, видя президентство нынешнего президента с изнанки, с так сказать, тыльной стороны, давно уже понял, насколько Мистер президент недостоин быть президентом (если он добром ему не уступит лавры первенства, то ему есть что предоставить СМИ в качестве компромата), – тем не менее, он не уверен в том, что и выборщики также о нём думают. И это по объективным причинам понятно, ведь он вечно стоит в тени спины президента и о нём мало что известно. – Ну, основные средства массовой информации под контролем нашей финансовой группы, так что здесь проблем не будет. – Рассудил Шиллинг, завязывая галстук.

Но стоило Шиллингу вспомнить все эти представительные лица той части истеблишмента, которую он будет представлять, если сегодня даст им своё согласие, то в нём всё внутри в недоверии напряглось, и ему вдруг перехотелось вносить в свою жизнь изменения и давать согласие на их предложение. – В момент продадут, если что пойдёт не так. – Сделал вывод Шиллинг, не заметив, как слишком сильно затянул на шее галстук, что даже стало трудно дышать. – Они-то, что потеряют. Немного денег. А мне дороги обратно уже не будет. – Всё больше стягивая галстук на шее, Шиллинг постепенно приближался к разрешению этого вдруг возникшего вопроса. И если бы не его огромное желание жить, то все эти господа, о ком так не вовремя для себя вспомнил Шиллинг, были бы крайне в нём разочарованы и вслед озадачены поиском нового кандидата на выдвижение в президенты.

– Не будем спешить с выводами. – Ослабляя галстук, решил Шиллинг. – Я ещё не сказал, ни да, ни нет. Посмотрим, как сегодня пройдёт совет безопасности. Вот чёрт! – Шиллинга вдруг осенила чертовски интересная мысль. – А ведь они не зря именно сегодня ждут от меня принятия решения. И между этими двумя событиями определённо есть какая-то связь. Но какая? – Шиллинг глубоко задумался, продолжая смотреть на своё отражение в зеркале. – Наверняка меня ждёт там сюрприз. – До чего единственного смог додуматься Шиллинг. После чего он посмотрел на ручные часы и опять задумался.

– Время ещё есть, и я, пожалуй, пройду сегодня пешком. – Решил Шиллинг. – Как раз проветрюсь общедоступными мыслями (тем, чем живёт простой обыватель вокруг), так сказать, впитаю в себя чаяния народа и найду для себя верное решение. – Подумал Шиллинг, посматривая на стоящий в углу зонт и на другом уровне своего мышления, раздумывая, взять его или нет. – Взять. – Решила за Шиллинга его рука, взяв зонт. – А костяной ручкой, если что, то можно будет отбиваться от навязчивых попрошайек. – А здесь в Шиллинге заговорило его, и не пойми откуда взявшееся стереотипное мышление.

Он почему-то считал, что улицы наполнены разного рода попрошайками, – есть очевидные, нищенского вида с протянутой рукой, а есть латентные, те под видом человека бывалого, подступят к вам с весьма заманчивым предложением, инвестировать в высоко прибыльный (он только не упомянет, что таким он будет только для него) проект инвестиции, – и тут нужно держать ухо востро, а иначе и оглянуться не успеешь, как сам станешь попрошайкой, ищущим помощи у полиции: «Всё что было нажито непосильным трудом, бумажник и кредитки в нём, в один миг улетучилось через эту дырку в кармане пиджака».

Но вот Шиллинг вышел на улицу, и первое что он сделал, то посмотрел в сторону парковки, где стоял его представительный автомобиль, который ему за бесплатно, пока он вице-

президент, предоставило государство, и Шиллинга в момент посетил сомнение. Ведь получается, что он, пойдя пешком в конгресс, куда путь не близкий и по своему опасный, тем самым пренебрегает заботами о нём со стороны государства. Которое не только за счёт средств налогоплательщиков выделило ему автомобиль с полными баками под завязку, но и позаботилось о его безопасности, предоставив в его распоряжение охрану. – Ладно, охрану возьму с собой. Пусть позади меня идёт и сопровождает. – Шиллинг идёт на уступки своего безопасности.

Когда же дела с собственной безопасностью Шиллингом улажены, – пару бритоголовых парней из его охраны занимают свои места где-то в незримой видимости позади него, – то он поворачивается в сторону направления своего пути, и после глубокого выдоха, а вначале такого же вздоха, устремляется в свой не близкий путь.

Ну а любой путь, это в первую очередь проверка взаимодействия ваших двух основ, физического и духовного я. Где первое я, как та субстанция, которую непосредственно касаются все перипетии пути, вечно испытывает недовольство трудностями пути, тогда как второе я, которое за всем этим и стоит, дабы не давать лишнего повода физике тела обвинить её во всех своих бедах, вечно отвлекается по сторонам.

Что же касается Шиллинга, то его регулярные занятия спортом не прошли даром, и он себя чувствовал вполне себе ничего. Правда если бы что-то в нём отвечающее за его передвижения начало возмущаться, то Шиллинг остался бы глух ко всему этому возмущению, а всё потому, что он вначале увлёкся дорожными событиями, а затем всем тем, что ему давно не давало покоя и волновало – согласиться или нет на предложение стать кандидатом в президенты.

И как только первые уличные впечатления улеглись в Шиллинге, как ему вспомнился разговор со вчерашним гостем, чьё появление у него в гостях, явно было не случайно – он должен был прощупать почву и если Шиллинг будет проявлять признаки неуверенности или не дай бог, не понимания того, как на него все рассчитывают, то он должен был убедить Шиллинга в том, что у него другого выхода нет, – если только в окно, головой об асфальт, – как только принять поступившее к нему предложение.

– Маховик уже запущен, средства выделены, и главное, даны обязательства тем людям, кто безвозмездно не мыслит обратными категориями, – словами конгрессмена Альцгеймера, почти что убедил вечерний гость Шиллинга.

– Я подумаю. – Сказал на прощание у порога Шиллинг, оставляя для себя открытым окно с балкона, куда всегда можно головой сигануть.

– Почему бы и нет, если вам кажется, что ещё не поздно, когда вы между тем уже включились в игру и тем самым подтвердили своё согласие. – Сказал вечерний гость. И не давая вполносившемуся Шиллингу перебить себя вопросом, быстро продолжил говорить. – Только правильно отнеситесь к этому умственному процессу, который подразумевает не время для отсрочки на принятие решения, а процесс оценки и выбора для себя того пути своего следования, который с наименьшими затратами (эта та основа от которой отталкивается всякое разумение и рациональный подход) приведёт к нужному результату. И если вам нужно таким способом заглушить в себе то, что всегда выступает против вашего рационального начала, то я не против. А так, если что, то у вас до завтрашнего дня есть время. – Следует ответ вечернего гостя, и при этом как кажется Шиллингу, то он это говорит для проформы, тогда как он уже всё для него решил.

Что буквально сейчас же и подтверждается (хотя такие выводы можно было сделать и раньше, когда он сказал, что дело уже сделано – но Шиллинг видимо боялся быть слишком догадливым насчёт этого дела, вот он своим непониманием и оттягивал своё понимание случившегося). И вечерний гость, вынув из кармана карманные часы, уж больно похожие на те, которые ему вручили те «самые», грубо себя ведущие люди, с неким значением смотрит на них, затем отрывает свой взгляд и, переведя его на Шиллинга, говорит. – Если мои часы верно

идут, а в этом я не сомневаюсь, – я никого не допускаю до своих часов, – то дело уже сделано. – После чего он уже было собрался браться за ручку двери и дать помертвевшему в лице Шиллингу время подумать над многим (об уже сделанном деле он всеми силами старался не думать, настолько всё то, что он мог предположить, его страшило), в том числе и о нём, но Шиллинг своим вопросом останавливает его на полпути к своему движению к ручке двери.

– Ну а вы-то, на чьей всё-таки стороне? – спрашивает Шиллинг своего гостя, заставляя того отказаться от прежнего направления действий, и он, прорезавшись в лице усмешкой, поворачивается к Шиллингу, смотрит на него и с долей удивления на такую проявленную Шиллингом наивность, отвечает. – Конечно, на стороне добра. А разве это неочевидно.

– Очевидно, что это размытое понятие. – Следует ответ Шиллинга, прекрасно знающего, что такое демагогия.

– Но только не для вас. – Сказал вечерний гость, с укором посмотрев на Шиллинга. И Шиллинг не может с этим не согласиться – он прекрасно знает, о каком добре идёт речь.

– Это только для людей живущих нравственными понятиями, что по своей сути далеко неразумно и мало имеет что с рациональным образом мышления, в их осмыслении существуют разные стороны, где на одной стороне помещается зло, а на другой всё хорошее. Тогда как для нас, людей здравомыслящих, рассуждающими категориями интеллекта, а не чувств, во всём есть только одна сторона – своя. И всё что отвечает её желаниям и потребностям, и есть настоящее добро и справедливость. И то, что такие люди, с рациональным образом мышления, всегда столь переменчивы в своих взглядах, и часто их можно видеть по разные стороны политикума – в народе это называется переобуваться налету – то это говорит об их постоянстве и верности своим убеждениям – несмотря ни на что, отстаивать своё благо. А если вы ещё не определились, какую для начала выбрать сторону, то вот вам мой совет. – Внезапный и заодно вечерний гость прочистил голосовые связки хорошей порцией воздуха и дал совет Шиллингу.

– Лучше находиться на не праведной стороне. За ней всегда первый ход, и по шахматным критериям, разыгранная вами партия, как минимум, обречена на ничью. – Вечерний гость замолчал, ожидая вопросов от Шиллинга. Но Шиллинг ничего не спрашивает, а вначале буркнув что-то неразборчивое про себя: «Шахматист из тебя не важный», – вслед за этим только с задумчивым видом проговаривает. – Понятно.

А вот это его понятно, как оказывается, совсем не понятно для вечернего гостя, и он со всё той же усмешкой обращается к Шиллингу. – Всё-таки вы, как мне кажется, не можете меня понять.

– Не буду скрывать, есть такое. – Как будто очнувшись, даёт ответ Шиллинг.

– А что тут понимать, – сказал вечерний гость, – сопоставьте проводимую вами политику с моими взглядами универсальности мышления, с его палиндромной оборачиваемостью, – с какой стороны не посмотри, суть от этого не меняется, – и всё сразу поймёте.

– Я всё понял, продадут при первой возможности заработать на этом. – Тогда и сейчас так подумал Шиллинг, натолкнувшись на неожиданно вставшее перед ним препятствие в виде чьей-то спины. И что удивительно, так это то, что это препятствие вызывает у Шиллинга совсем не ту ответную реакцию, которая вспыхнула бы в ответ со стороны обывателя, который как минимум поинтересовался у этой спины: «А каково хрена ты так себя бесцеремонно ведёшь, и если у тебя для этого достаточные основания в виде крепких кулаков и нервов?».

И видимо оттого, что Шиллинг не самый простой обыватель, то он не стал грозить этому неосмотрительному типу, с широкой спиной, а ему в голову пришла всё та же, мучающая его с утра мысль, со своим вопросом. – Интересно, а заметят произошедшие во мне изменения окружающие меня люди? – А как только эта мысль и последующий вопрос посетили голову Шиллинга, то он, пока находясь под защитой идущей впереди широкой спины, решил со всем вниманием к каждой вокруг мелочи, посмотреть по сторонам и попытаться понять, тронуло ли умы обывателей любопытство, связанное с той произошедшей с ним метаморфозой.

Но то ли обыватель нынче пошёл слишком быстро и занято собой по жизни, что ему всё некогда, то ли все эти изменения в Шиллинге были не столь очевидны, но он ничего такого, чего ожидал увидеть, не увидел, и решил, что скорей всего, всему виной человеческий прогресс, за которым и так никто не поспевает, а если уж остановишься на минуту другую, то и вовсе останешься на задворках жизни.

– В общем, чему я удивляюсь, – подвёл итог своему наблюдению за прохожими Шиллинг, – ведь здесь никто меня не знает. Так откуда им тогда увидеть, что со мной произошли такие глобальные изменения. Вот если мне встретился кто-нибудь из тех, кого я знаю и он меня знает, то тогда можно было делать выводы. – Тут Шиллинг задумался над тем, кого бы он хотел в первую очередь встретить, а кого бы, и в последнюю никогда не видеть. И как ему рассудилось, то первые не проявят к нему той необходимой для обнаружения в нём измененной внимательности, – для его более менее товарищей, он неизменчив, тогда как те, кто имеет отличное от него мировоззрение и как результат, по всем статьям несогласие и враждебное к нему и его мнению отношение, то они сразу применят, что у него что-то не так, и значит этим нужно воспользоваться – вывести его из себя и понять, что за рода эти его изменения.

– А ведь они не остановятся не перед чем, чтобы выведать у меня секреты, и для начала организуют за мной тайное наблюдение. – А вот от этой мысли Шиллинг почувствовал себя не столь уверенно, как раньше. И только мысль о том, что сзади него по пятам идёт его охрана, не развернула его назад, и бегом до машины. Хотя обернуться страшно хотелось – для того чтобы убедиться в том, что охрана на месте, и вообще, не отстают они там. – Чёрт, – перекосившись в лице, чертыхнулся Шиллинг, – надо было дать им точные установки насчёт следования за мной. А это моё, чтобы под ногами не мешались, можно по-разному трактовать. – И только Шиллинг подумал о том, какой он подвергается опасности, как вот оно, уже началось. На проезжей части дороги объявился полностью тонированный чёрный джип, и не просто объявился, а сравнявшись с Шиллингом (он в это время следовал по тротуару), принялся параллельно ему следовать.

И тут большого ума не надо, чтобы понять, по чью голову едет этот джип – для такого рода автомобилей, самой обычной, среднестатистической скоростью является запредельная, нарушающая все правила скорость, и значит, что у тех, кто находился в этом тонированном под завязку внедорожнике, были куда как важные основания так пренебрегать своим имиджем агрессивной машины. – Там те самые, грубые люди. – Косясь боковым зрением на джип, сделал вывод Шиллинг, чья поступь потеряла твёрдость и стала какой-то прямо рассеянной и заплетающейся. – Сейчас на повороте подрежут, или на ходу забросят в кабину и вывезут мои останки в лесополосу. – А от этих мыслей Шиллинг и вовсе чуть не остановился, и если он и двигался, то только по инерции, или оттого, что его сзади подталкивали недовольные его медлительностью хода, сзади идущие прохожие.

И хорошо, что всё это длилось совсем недолго, а до того момента, как только Шиллинг в очередной раз не убедился насколько близоруко зрение у того страха, у которого глаза велики – он проявил отличное видение тех грозных, все в коже и шрамах людей, за тонированными окнами автомобиля и в то же не увидел ту причину, по которой этот автомобиль так медленно двигался – дорожную пробку. А как только там, впереди, вроде как рассосалось, то этот внедорожник взревел и, обдав застоявшимся в выхлопной трубе дымом, сзади едущую малолитражку, да так, что она от зависти почернела, унёсся куда дальше прочь, пугать собой других впечатлительных людей.

Ну а как только он исчез из поля зрения Шиллинга, то он вновь обрёл уверенность и даже позволил себе в свой адрес язвительную самокритику. – Параноик вы, господин вице-президент. – Но у Шиллинга всегда есть что ответить в адрес любого рода критикам, и он подмечает за своим оппонентом не должную подготовленность для разговора с ним. – Если бы вы знали то, что знаю я, то не так бы говорили. – Сказал Шиллинг, с видом человека знающего

такие страшные секреты, что за одно только его знание, людей лишают их умственной составляющей. Но критики, а особенно критики системы, до того безбашенный и непонимающий по хорошему народ, что ему никогда с первого слова не ясно, что ему в его пока что здоровой памяти говорят. И они так и лезут на рожон, напрашиваясь на превентивные меры воздействия на их жалкий в своём умственном развитии мозг. А я, говорит этот системный критик, знаю все эти твои, так тщательно от всех скрываемые тайны. А если ты не веришь, то хочешь, я по приходу в конгресс всем расскажу, кем ты себя на своём пустом месте возомнил?

От такой наглости этого и не пойми кто такого, Шиллинг, споткнувшись на ровном месте, чуть не подавился воздухом, которым он поперхнулся спотыкаясь. Что только для него обидная оплошность, чего не скажешь про зловредного критика его системы, который похотываясь, ещё язвит. – А вот настоящего президента на такой мякине не сбить с мысли, а что уж говорить о том, чтобы сбить его с намеченного пути. – И как бы Шиллингу не хотелось соглашаться с этим самокритиком, он вынужден с ним в этом согласиться. – Да, я ещё слишком экспрессивен. Но дай время, и я стану, как скала, твёрд в своих убеждениях. – Но критику этого мало и он продолжает подначивать Шиллинга.

– А не боишься опоздать? – с нескрываемой издёвкой спрашивает Шиллинга критик.

– Куда опоздать? – ничего не понимая, спрашивает Шиллинг.

– Да пока ты тут идёшь, там, ну ты знаешь где, у кого-то в головах уже передумалось вкладывать своё будущее в твои руки. – Критик принялся холодить сердце и расшатывать нервы Шиллинга. – «По моему мнению, слишком мягкотел этот Шиллинг», – сам знаешь, кто скажет это. – Проговорил критик. Но эта недоговорённость, совершенно не устраивает Шиллинга, и он нервно требует от критика назвать имя этого гада. – Имя?!

– Да ты ведь и сам знаешь. – Удивляется в ответ наивности Шиллинга критик. И Шиллинг вынужден согласиться с самокритиком, ведь он является тем лицом, кто ему поставляет информацию о своём окружении. И критик всего лишь сгущает тёмные краски и подготавливает итоговый отчёт.

Пока же Шиллинг перебирает в уме лица из своего окружения, кто столь не светел в мыслях на его счёт, критик время от времени подбрасывает в топку огня его нервности дровишек. – «А вот по моему мнению, эта его мягкотелость как раз есть плюс для нас, крепких и основательно мыслящих людей», – контраргументирует тот, кого ты опять же знаешь. И, конечно, Шиллинг знает, кто это может сказать. Вот только ему совсем непонятно, как реагировать на эту высказанность основательно мыслящего господина. Злиться на него или ...Проявить себя дальновидным политиком, и оставить его при своём мнении. – А это для меня даже плюс. – Шиллинг потеплел от такой своей дальновидности и вернулся в реальность, от которой он слегка отстранился, уйдя в свои размышления.

Ну а реальность нынче такова, что она не замечает за людьми таких от себя отступлений, – она полностью поглотилась информационным фоном, из которого и состоит сегодняшняя реальность. Ну а человек в свою очередь, сам того не заметив, приобрёл для себя новые качества, позволяющие ему, не дожидаясь команд из центра принятия решений, головы, действовать по своему усмотрению, при этом так умело и здраво, что его инструментарий нисколько не тревожа встречный людской поток, ловко маневрирует в нём, пока сам он занимается там, у себя в голове, чёрт те знает чем – мыслится ему видите ли.

Правда Шиллинг в этой части настоящего, среди среднестатистической обыденности ещё новичок, и поэтому ему как новичку, нужно проявлять большую осмотрительность, нежели бывалому прохожему – ведь любая реальность сразу чувствует в себе инородное тело, и тут же пытается стереть между собой и им острые углы и границы, для чего к нему и посылаются характеризующую её, самые крайне радикальные элементы.

И только Шиллинг, так сказать, засмотрелся на броскую витрину какого-то супермодного магазина, – а там, в оправдание Шиллинга надо сказать, действительно было на что посмотреть

человеку подумывающему о холостой жизни, – там, в глубине, прохаживались манекенщицы и не давали глаз от них отвести зазевавшимся прохожим, – как ему в один толчок в плечо напомнили о том, что настоящее не любит застой в мыслях и в ногах. И если ты вернулся в реальность, то будь осмотрительным – и это касается не только манекенщиц, но и самого себя.

И Шиллинг как оказывает способный ученик, и только его так больно тронули за плечо, как он уже нашёлся, что этому гаду и сволочи ответить, если он ещё и в последний раз своей никчёмной жизни встанет на его пути. И судя по тому, что этот попутавший рамсы тип (откуда, что берётся у людей и у Шиллинга в данной частности), постарался поскорее ретироваться, а люди стоящие вокруг Шиллинга, сочли за нужное поскорее поспешить, то Шиллинг готов выжить в этих каменных джунглях. Что он подтвердил на отлично сдав выпускной экзамен, когда к нему подкатил на тележке, так он и знал, попрошайка, и, дыхнув на него перегаром, изожжённым солнцем и бездельем лицом попросил вспоможения.

– Прошу не Христа ради, а я как честный человек, прошу по велению своей грешной души, склонной грешить и так плевать в душу и на новый костюм тем, кто не прислушается к моим просьбам, что им всегда дороже выходит, чем пойти мне навстречу. – Сказав эту свою заготовленную скороговорку, попрошайка угрожающе набрал в рот всего чего он смог там внутри себя втянуть, и стал выжидаяще ждать ответа от Шиллинга, которому уж точно не уклониться от того напалма, который заготовил для него попрошайка, вздумай он сейчас броситься наутёк. И Шиллингу, если он хочет себя показать человеком принципиальным, не приемиющим языка ультиматумов, то есть обладающим всеми теми качествами свойственным всем президентам, а значит остаться при своих, нужно как следует постараться, чтобы остаться при своих, и не только деньгах, но и при чистом костюме.

И Шиллинг идёт на хитрость. Так он, решив отвлечь внимание попрошайки, лезет в карман дорогого костюма, как бы за портмоне. И пока попрошайка заморожено отвлекается на это его движение – он уже начинает считать прибыль – Шиллинг, косо смотрит в сторону не сильно спешащей охраны, которая всё-таки его замечает и вовремя реагирует, подставив свою грудь под обжигающий напалм так коварно обманутого Шиллингом попрошайки.

И так бы в точности случилось, окажись портмоне Шиллинга на месте. Ну а так как пальцы руки Шиллинга наткнулись на пустоту в кармане, а не как на новенький, полненький новыми банкнотами портмоне, то это всё изменило для помертвевшего от испуга Шиллинга, принявшегося тут же обыскивать свои карманы в поисках никак не отыскивающегося портмоне.

Но кого он хочет обмануть этой своей хитростью – только себя, но никак не матёрого попрошайку, на своём веку столько поведавшего жадных до скупости людей, готовых ради неё претерпеть любого рода репутационные потери, в том числе и дорогого костюма, который в один его впрыск выгорает на свету. Так что попрошайка был готов к любому повороту событий и только ждал момента, когда будет спущен пусковой крючок – в данном случае это будет удручающий ответ Шиллинга, с пожиманием плечами: Извини кабальеро, я кошелёк дома забыл.

Но попрошайка, как и Шиллинг насчёт себя заблуждался. И Шиллинг сумел-таки выкрутиться из этой, безусловно тупиковой ситуации. И вот когда он в безнадёжности опустил руки, – портмоне, если не потерял, то оставлен дома, а от этого он не так себя уверенно чувствует (а вернуться назад он не может, ведь возвращаться плохая примета – послать кого из охраны, да вы что вообще издеваетесь), – то первого кого он увидел перед собой, то это был всё тот же с наполненным всякой горечью попрошайка. И вот эта его неприкрытая уверенность в собственной правоте и бессилии перед ним любого, кто в дорогом костюме, так невероятно вывела из себя и взбесила Шиллинга, что он не удержался и, резко вывернувшись туловищем, хватает первого, кто там ему попался в руки. И не успевает тот что-либо понять, как он оказывается перед лицом огнедышащего дракона, который своим огнём окончательно топит в нём любого рода понимание происходящего.

Но все эти крики и зовы о помощи, пострадавшего из-за своей неосмотрительности человека-прохожего, остались за спиной так спешащего подальше отсюда Шиллинга. У которого и без этого проблем полная голова. И первое, что сейчас волнует его, так это где всё-таки сейчас находится его портмоне. А это вопрос не праздный, и ответа на него вот сразу не найдёшь, пока в голове не переберёшь все немыслимые варианты, включая самые фантастические – Мистер президент спёр до получки.

Так первое что сделал Шиллинг, так это вверх дном перевернул свою квартиру (конечно только мысленно), где как ему сейчас казалось, в любом, даже в самом неподходящем для этого месте – в бачке унитаза, мог бы лежать полёживать его портмоне. – Я же ходил туда перед дорожкой, вот и мог выложить. – Достаточно основательно обосновал последний предложенный своим воображением вариант, Шиллинг. Правда, лёгкость находки не содействует его убеждению в верности этой версии, и тогда Шиллинг, вдруг обнаружив, что в его руках ничего нет, – а я же брал зонт, – останавливается уж совсем на плохой версии. – Вот же память у меня дырявая. – Покачав головой, подумал Шиллинг, пошагово вспомнив свой выход из квартиры. Где он вначале взял зонт, а затем вновь его отставил на прежнее место, чтобы было удобнее открывать двери. А там уже и забыл и про зонт. – Я даже зонт забыл, несмотря на то, что он уже был в моих руках. А что уж говорить о портмоне. – Закипел в горечи Шиллинг, увидев свой портмоне, лежащим прямо на пороге квартиры, у двери. Ну а дальше Шиллинга начало накрывать по полной, одна хуже другой мыслями о своём портмоне.

– Вот же обрадуются воры, забравшись ко мне в квартиру. – Потёк мыслями и лицом Шиллинг, представив двух типов в масках, с отмычками в руках. Которые стоило только ему выйти за порог, как спустились с верхнего этажа и под усиленный снотворными сон его соседки, мисс Клер, принялись вскрывать его квартиру. – А может это был напускной сон, – в момент догадался Шиллинг о стоящем за этим сном коварстве мисс Клер, любовницы одного из типов в масках.

– Плёвое дело, когда есть отмычка от страждущего любви сердца, – без труда открыв дверь, сплюнул на порог первый тип в маске. И Шиллинг без труда догадался, что под этими словами имеет в виду этот тип в маске – любвеобильную мисс Клер, которая если что, то и его домогалась. Но она ничего не могла поделать против крепкой обороны Шиллинга, которая основательно держалась на трёх китах: страхолюдинам, толстым и напористым дамочкам не место в его сердце.

Но вот грабители в масках оказываются на пороге квартиры, и что же они видят? А видят они насколько гостеприимный хозяин здесь, в этой роскошной квартире проживает. И он не как какой-нибудь жадный до не гостеприимности жлоб, который прячет под матрас или в морозильник холодильника свои деньги, а он прекрасно зная, что всё это бесполезно, всё равно найдут эти его и деньги, и тогда зачем ему видеть весь этот переполох в квартире, который устроят ему грабители, рассерженные его не верой в их умственные способности, а он как человек рассудительный и понимающий, что все деньги с собой в карманах не унесёшь, и значит, их нужно делить с теми, кто испытывает потребность в подобном дележе, их здесь и оставляет. – В общем, молодчина этот господин Шиллинг, раз так не глупо о нас подумал, оставив на пороге портмоне, а в холодильнике полный графин виски, чтобы нам было чем отпраздновать этот наш удачный приход в его квартиру (то, что они заглянули в холодильник, то это не из-за недоверия к нему, а просто им захотелось выпить с дорожки). – Поднимая с пола портмоне, отдал должное предусмотрительности Шиллинга первый грабитель.

Но Шиллинг, что уж греха таить, совсем от этого нелегче, а как-то даже жалко себя и очень злобно на этих грабителей. А тут новая мысль, огорошив его своим откровением, прямо сбивает у него дыхание и останавливает на месте. – Так ведь там все удостоверяющие меня документы! – в потрясении ахнул про себя Шиллинг, схватившись за сердце. И при этом так

из себя страдальчески посмотрел, что вызвал участие у мимо проходящих прохожих, поинтересовавшихся у него: «У вас всё в порядке?».

– Да, спасибо. – Выдавив из себя улыбку, сказал Шиллинг, и вправду почувствовав себя чуть лучше. И всё благодаря простому равнодушному человеческому слову, которое, как оказывается, может чудеса творить. И Шиллингу если что, то было на что опереться. – Меня, как минимум, не оставят бездыханным валяться на тротуаре, а вызовут катафалк. – Подумал Шиллинг, а вслед сразу же решил, что ещё не время списывать себя со счетов, и если заручиться поддержкой знакомых конгрессменов, то они, удостоверив его личность перед охраной на пункте пропускного контроля в здание конгресса, тем самым поспособствуют его проходу внутрь. Но только было Шиллинг так за себя немного успокоился, и принялся в уме прикидывать, к кому же из влиятельных конгрессменов можно обратиться с этой просьбой, как тут же понял, что эта задача не столь легка, как ему поначалу показалось.

– Это они только на словах такие щедрые на обещания и дружескую поддержку, с готовностью за тебя пойти в огонь и в воду, а как дойдёт до дела, так первое, что они сделают в ответ на твою просьбу, удостоверить и подтвердить твою личность перед службой охраны: «Конгрессмен Ролекс, тут такое дело. Портмоне со всеми документами у себя дома забыл и так сказать, стал не удостоверяем. Не могли бы вы подтвердить, что я вице-президент Шиллинг?», – так начнут всячески увиливать от ответственности, которая налагает на них это твоя просьба. – Шиллинг в момент представил физиономию конгрессмена Ролекса, в раз переформатировавшись из добродушной и услужливой в ошетинившуюся непониманием.

– Я бы с великим удовольствием, – оглядываясь по сторонам, в поиске и не пойми чего, нейтрально говорит конгрессмен Ролекс, судорожно соображая в уме, что всё это может значить. А значить может очень многое. И первое, что подумал Ролекс, услышав эту просьбу от Шиллинга, то он не поверил в такую беспамятливую оплошность Шиллинга. – Чует моё сердце, он что-то такое задумал. – Стараясь не смотреть напрямую в глаза Шиллингу, – мало ли как потом этот его пристальный взгляд объяснит пресса, – а присматриваясь к нему, попытался разгадать его манёвры Ролекс. – Может, хочет таким образом, выяснить для себя, кому можно если что довериться. Ну, тогда можно подтвердить его личность. Ну а если он уже не вице-президент, а самозванец, – вчера мистер президент в привычной себе порывистой манере, снял его со всех должностей, и сказал, что б духу этого подлеца и крохобора здесь больше не было, а кто удостоверит его личность, то будет иметь дело лично со мной, – то это подло со стороны этого самозванца. Чёрт! Почему я никогда не читаю парламентских газет! – чертыхнулся про себя конгрессмен Ролекс, и довысказал свой ответ Шиллингу-самозванцу, – но я кажется, – Ролекс демонстративно похлопал себя по карманам, – тоже забыл дома свои документы. – И не давая возможность Шиллингу что-либо сказать, уносится куда-то назад, прочь.

– Я тебе, кухаркин сын, это при случае припомню. Теперь ходи и оглядывайся, как бы не споткнуться на ровном месте, упасть и навсегда забыть, как тебя звали. А тем, кто будет приводить тебя к новой памяти, буду я. И ты уж не обессудь, будущая мисс Ролен, что так за тебя всё поняли. – Переполненный гневом и мстительными мыслями, Шиллинг чуть не скатился по ступенькам, ведущим в здание конгресса, вслед за подлецом Ролексом.

А ведь это близкий по духу и по партийной принадлежности конгрессмен, а что уж говорить о господах конгрессменах, кто по идеологическим соображениям числится в противниках у Шиллинга. Да первое, что они сделают, так воспользуются этим поводом, чтобы нанести репутационный удар той партии, чьим представительным лицом был Шиллинг. Так что Шиллинг пока не спешит обращаться за помощью к противным конгрессменам, хотя они, проходя мимо него, здороваются и, выказывая видимое почтение, как бы провоцируя его на эту не совсем обычную просьбу. Но Шиллингу одного Ролекса хватило, чтобы понять, что его будет ожидать, вздумай он к ним обратиться с подобной просьбой. – Когда все варианты перепробую, только тогда к ним подойду. – Решил Шиллинг и, заметив поднимающееся по ступенькам зна-

комое конгрессменское лицо, добавив в свою улыбку добродушности, выдвинулся навстречу конгрессмену Эдмунду Тата, с которым он ранее, ещё до занятия своей должности, частенько приятельствовал в баре за кружкой пива.

– Конгрессмен Тата! – обратился к сему конгрессмену Шиллинг, стоило тому приблизиться к нему. Чем вызывает у этого достойного конгрессмена неприкрытое ничем удивление, с которым он смотрит по сторонам, где может быть, стоит ещё один конгрессмен с точно таким же как и у него именем. Но там вроде никого нет, да и в именных близнецах никто у конгрессмена Тата не значился, и он, с сомнениями в глазах смотрит на Шиллинга и спрашивает его. – Вы что, заболели, или с вами что-то особенное случилось, что у вас происходят такие прорывы в памяти? – При этом видно, что Тата не собирается ни одному слову Шиллинга верить. Так что Шиллингу пришлось в обтекаемой форме выразить ему свою просьбу. Что ещё больше вывело из себя конгрессмена Тата, который вмиг понял, в каком оказался затруднении Шиллинг.

– Вот значит как! – слишком громко и при этом брызгая слюнями, рассвирепел Тата, – значит, после занятия своей новой должности, в один момент забываешь о своих товарищах, а как приспичило, так требуешь вспомнить! – и не успевает Шиллинг уклониться, как Тата оставляет на его лице незабываемый плевок. Что только временно не терпимо, пока он находится на лице, и чего Шиллинг не потерпит, стерев с лица рукавом пиджака. Но это не единственное, чем попытался и расшатал позицию Шиллинга Тата. А дело в том, что после его словесного упоминания того естественного процесса, к которому время от времени склонен всякий живой человек, который много воды выпил, Шиллинг и в правду почувствовал внутреннее позывы сходить в туалет. Но здесь нигде не сходишь (кусты слишком малы, чтобы тебя в них не заметили), и теперь он в двойне мотивирован к тому, чтобы попасть внутрь здания конгресса – до дома он боится, не поспеет.

– А вот он мне точно поможет. – Обрадовался Шиллинг, увидев приближающего господина Брумберга, главу финансового сектора министерства. – Даже не будь я тем, кто я есть, вице-президентом, то он за хорошие отступные всегда готов будет признать меня за него. – И только Шиллинг обрадовался, как его накрыло смятение пришедшим озарением. – Так может этот Брумберг, за более хорошие отпускные, уже кого-то другого признал вице-президентом. Нет, не может он так быстро среагировать. Так быстро информация не распространяется. – Шиллинг попытался себя успокоить, но что-то в нём подсказывало, что при нынешних скоростях интернета, это вполне возможно.

Но вот Брумберг сравнялся с Шиллингом и, судя по его приветственной улыбке, то он ещё не в курсе всего того, что так волновало и заботило Шиллинга. – Тогда надо спешить, пока не нашлись самозванцы или он сам не сообразил, как можно выгодно продать эту информацию. – Быстро про себя сообразил Шиллинг, начав озвучивать свою просьбу Брумбергу.

– Вы не поверите. – Начал говорить Шиллинг, точно попав в точку – Брумберг не поверил, да и не собирался верить на слово, не подкреплённое знаковыми инвестициями. – И я бы не поверил, если бы это не случилось со мной. Лезу в карман, чтобы достать оттуда документы, удостоверяющие мою личность, а их раз, и нету. – С надеждой на понимание посмотрел на Брумберга Шиллинг. Но у Брумберга на всё своё понимание жизни. – Интересно, и за сколько он хочет продать мне эту историю? – не сводя своего взгляда с Шиллинга, задался вопросом Брумберг. – В пару сотен монет, примерно столько стоит такси до его дома. – Быстро посчитал стоимость просьбы Шиллинга Брумберг, приготовившись отказать ему, сославшись на кризис ликвидности или волатильность рынка. Что всегда выручает – никто кроме них, людей близких к финансовым инструментам, и то только отчасти, не знает значение этих замысловатых слов, специально ими, банкирами и придуманных, чтобы наводить тумана на свою сферу деятельности. – В мутной воде, всегда лучше рыбка ловится. – В таких случаях всегда говорил Брумберг.

Но когда Шиллинг, не дождавшись от него должного понимания его просьбы, озвучил совсем неожиданное Брумбергом: «Не могли бы вы удостоверить мою личность?», – то он

быстро пересмотрел свои взгляды на Шиллинга и с улыбкой на всё лицо, принялся окучивать фраера (так на их внутреннем корпоративном сленге, назывался переговорный процесс с клиентом). – Конечно, я готов. – Заявил Брумберг, расплывшись в улыбке, чем несказанно обрадовал Шиллинга, покоровшего себя тут же тем, что считал всех финансовых воротил бездушными нелюдями. – Но только правильно меня поймите, – а вот следующее заявление Брумберга, по мере его высказывания, всё больше охлаждало пыл Шиллинга, – при нынешних возможностях пластиковой хирургии, ничего не стоит, или верней будет сказать, доступно стоит любая ваша фантазия по изменению внешности. Да и весь ваш внешний вид не внушает уверенности в том, что вы есть блистательный вице-президент, а вот что вы широмыга и человек не наделённый умом, очень даже внушает. – Эти слова Брумберга заставляют Шиллинга окинуть себя взглядом. Где он видит, что Брумберг нисколько не преувеличил всю степень его не похожести на вице-президента – его новенькие туфли все в пыли, края брюк шикарного костюма замызганы и не пойми чьими плевками или каплями луж, а что уж говорить о собственном лице, которое Шиллинг хоть и не может видеть, но всем собой чувствует, как там всё неуверенно смотрится (о голливудской улыбке и речи быть не может, максимум злобный оскал империализма).

Между тем Брумберг, по потерянному лицу Шиллинга убедившись насколько он прав, продолжает подводить Шиллинга к своей мысли. – Так что, для того чтобы я, как человек берущий за вас ответственность, не подвёл себя, – а я человек слова, – вы должны мне предоставить несколько больше доказательств в вашей идентичности, нежели одна внешность.

– Но что? – спросил растерявшийся Шиллинг.

– Ну, – задумчиво посмотрел в себя и одновременно на Шиллинга Брумберг, – вы, к примеру, должны продемонстрировать свойственные только нашему дорогому («Цену гад набирает», – сразу сообразил Шиллинг) вице-президенту качества.

– И какие? – задался вопросом Шиллинг.

– А вот если вы настоящий вице-президент Шиллинг, то вы бы знали. – Сказал Брумберг, внимательно глядя на Шиллинга, который впал в растерянность, не зная как ему быть. Но Брумберг ведь тоже собой характерен и он всегда в таких затруднительных для чужих голов случаях, найдёт, что предложить им. И он предлагает Шиллингу. – Впрочем, я не столь строг к людям, и вы во мне вызываете симпатию, – проговорил с новой улыбкой на лице Брумберг, – и я дам вам небольшую подсказку. – Брумберг сделал небольшую паузу, чтобы Шиллинг как следует настроил своё понимание того, на какие жертвы он идёт ради него и само собой оценил всё это.

– Наш вице-президент, не сказать, что б был слишком щедр, но ради дела он никогда не отказывал в своём вспоможении тем людям, от которых зависело это дело. – Не слишком громко и не слишком тихо, а так, чтобы здравомыслие Шиллинга убедилось в том, что никто ему не поможет кроме него, сказал Брумберг. И здравомыслие Шиллинга убедилось в этом, но не до конца. А иначе зачем, он так поспешно говорит о том, что и портмоне вместе с документами забыт где-то дома. Чего Брумбергу хватило, чтобы понять, что стоящий перед ним человек не серьёзный, чего им никогда не замечалось за вице-президентом Шиллингом. А раз так, то ему не о чём говорить с этим самозванцем. И Брумберг, обдав холодным взглядом этого самозванца, со словами: «Прошу прощения, меня ждут по настоящему настоящие люди», – обходит стороной Шиллинга и с высокоподнятой головой уходит прочь. Правда в нём всё же поселилась одна неуверенность насчёт этого самозванца, которую он высказал себе под ноги, когда уходил. – Такой же скупердайд, что и Шиллинг. Снега у него зимой не выпросишь».

Между тем поникший Шиллинг, чья уверенность в себе, после всех этих встреч, устремилась вниз, совсем забыл о благоразумии и остановил на своём пути в здание конгресса самого главу одной из центральных спецслужб, генерала Гилмора. И не просто остановил, а своим туманным вопросом сбил его со всякого разумения и заставил в волнении напрячься.

– Вы, надеюсь, генерал... – На этом месте Шиллинг сбился с мысли и этим свои глубоким подразумеванием сомнения в генеральстве Гилмора, загнал его ум за разум. Что и так невероятное событие для таких глубокомыслящих генералов, живущих не просто в мире, а в некоей стратегии, которая живёт по неким только им известным и им установленным правилам и законам, а тут когда в неё происходит такого рода вмешательство, с этим заходом солнца – в таких областях стратегии, пространственная реальность зиждется на уме её составителя, а разум это фигуральное солнце, которое освещает эту виртуальную реальность этого мыслителя, – то тут с непривычки ослепнешь разумом.

– А кто ещё?! – возмутился в ответ генерал Гилмор. Правда не так уверенно, как можно было от него ожидать – и это понятно, он ещё не был в здании конгресса и не знал о последних новостях, где может быть, его и лишили генеральства. А этот Шиллинг, всегда его недолюбливал, вот и решил таким своеобразным способом насладиться его падением. – Дёрнул меня чёрт, собственноручно готовить разведчиц под прикрытием. – Гилмору в тот же момент памятно отозвалось его неприкрытое ничем, даже трусами, поведение с этими молоденькими сотрудницами, которые должны были претерпевать все испытания, которые на них обрушил Гилмор – по им же придуманной легенде, он представлял из себя бесцеремонного противника.

– Наш вероятный противник беспринципен, вечно пьян, допытливо придиричив и бесконечно загадочен. – Прохаживаясь в одних только подтяжках на голое тело, вводил в курс дела выстроившихся в ряд перед ним, своих молоденьких подчинённых, Гилмор. – Есть вопросы? – встав ногами на уровне плеч, задался вопросом Гилмор. И у стоящей строго напротив него, молодой сотрудницы с красным лицом, как оказывается, есть вопросы. А вернее один только вопрос.

– Задавай! – дал команду Гилмор в ответ на её поднятую руку.

– А за..зачем ва...вам нужны подтяжки? – путаясь и сбиваясь на словах, еле вымолвила свой вопрос молодая сотрудница.

– Вы провалили миссию. – Оглашает ей приговор Гилмор, своим ответом роняя её в обморок. Что не мешает ему продолжить свой наставнический урок. – А теперь для более разумных, ещё раз напомню. – Двинув вдоль расшатанного в мыслях и ногах ряда сотрудниц, заговорил Гилмор. – Наш вероятный противник беспринципен, вечно пьян, допытливо придиричив и бесконечно загадочен. И главное из всего этого то, что он для нас совершенно не понимаем. Что вынуждает нас задаваться вопросами, в желании разгадать эту представленную нам обозрение загадку души нашего противника, и тем самым раскрыть себя. – Гилмор остановился на месте и ещё раз обвёл взглядом эту молодую разведческую поросль и подвёл итог. – Никогда ничему не удивляйтесь и тем более не задавайтесь вопросами, даже когда вас к этому побуждает необъяснимое здравым умом поведение своего противника. Как и в этом моём случае, демонстрации поведения вероятного противника. – Сказал Гилмор, взяв руками подтяжки, о присутствии которых, он осознал только после заданного павшей в обморок курсанткой вопроса. – А что собственно они здесь делают? – Гилмор всё-таки не удержался и спросил себя про себя (и при этом во всех смыслах).

Между тем Шиллинг собрался с духом, и дал ответ Гилмору. – Конечно, вы генерал. – Что приводит в чувства Гилмора, было решившего, что о его нетрадиционных методах подготовки смены, стало известно не тому, кому следует об этом знать. А этим лицом может быть только один человек, его ревнивая супруга, миссис Гилмор, единственная на этом свете, не считая вероятного противника, кто не поощряет его работу с молодёжью, и готовая выступить против него на заседании комиссии по этике.

Шиллинг, видя, что генерал Гилмор как бы воспарил духом, и пока он у него не выветрился, или же так высоко воспарил, что он не сочтёт нужным замечать кого-либо то ни было, решает поймать его на слове.

– Вот также как я подтвердил вашу личность, – достаточно самоуверенно, чтобы у Гилмора не возникло сомнений в чём бы то ни было, заявляет Шиллинг, – я хочу, чтобы и вы, не заглядывая во внутренние протоколы, подтвердили мою личность. – Шиллинг замолкает и ждёт от Гилмора его решения. Но Гилмор не спешит так подставиться, он уже интуитивно почувствовал некий, пока он ещё не разобрал, что за подвох, который ему приготовил хитрый Шиллинг. Что заставляет его одними оболочками своих глаз начать осматриваться по сторонам, в поисках скрытых камер, которые, несомненно, где-то неподалеку спрятаны и ведут прямую трансляцию с этого его розыгрыша.

И тут если что, то нет ничего сверхъестественного или смешного, а это всего лишь издержки профессии Гилмора, связанной со всем секретным, где все окружающие его предметы, имеют основную характеристику – они скрытные. Так что он по-другому и помыслить себе не мог, как только так. А как только так подумал и обнаружил, что Шиллинг к делу подошёл более чем основательно, и так тщательно замаскировал камеры слежения, что даже он не смог обнаружить, то он принялся более тщательно анализировать эту просьбу Шиллинга.

– Чего он на самом деле хочет, обращаясь с этой просьбой ко мне? – спросил себя Гилмор и чуть ли не сразу нашёл подходящий ответ. – Он хочет заручиться моей поддержкой. Это, несомненно. Но для чего? – опять спросил себя Гилмор и вновь сразу же находит и на этот вопрос ответ. – Он что-то там про себя задумал и если всё пойдёт не так, то он всю ответственность за неудачный терра... свою выходку переложит на меня. – И для этого вывода Гилмора были все основания. Сегодня он получил записи с камер наблюдения президентской комнаты без названия, где произошло чудовищное преступление по отношению к именному торту президента – кто-то воспользовался тем, что повар зазевался и на пять минут оставил торт без присмотра и нарушил единство исполнения фигурок президента и первой леди на торте. И после просмотра этих записей с камер наблюдения, есть все основания подозревать в этом ведическом преступлении одного человека. И этот человек сейчас стоит перед ним.

– Так он, каким-то образом (конечно с помощью утечки) прознал, что я сегодня иду с отчётом к президенту, и сейчас пытается меня остановить. – Догадался Гилмор. – А этим своим двусмысленным заявлением о моём генеральстве, даёт мне понять, что у него тоже что-то есть на меня. «При вашем-то роде занятий и жизни полной приключений, разве не иметь грехов не выглядит более странно, чем погрязнуть в них», – так и слышит Гилмор слова Шиллинга, когда-то им в пылу разгорячённости спиртным сказанные. И что же делать? – уже нервно спросил себя Гилмор. – Пока не спешить делать выводы из записей с камер наблюдения, и пока я не узнаю, что у Шиллинга на меня есть, нужно затягивать это дело. – Приняв это решение, Гилмор многозначительно смотрит на Шиллинга, и со словами: «Я вас понял», – подмигивает ему и быстро его покидает.

Ну а Шиллинг, сбитый с толку этим подмигиванием Гилмора, даже не успевает броситься вслед за ним. И он, с долей безнадежности выдохнув из себя горечь накопившегося в груди не переработанного воздуха, преграждает путь направляющемуся в сторону конгресса, конгрессмену Сваровски, представляющего собой всё самое политически противное, безнадежно уставшее и безграмотное для Шиллинга.

– А что ваши, не признают за своего? – ехидно так, спросит его конгрессмен Сваровски. На что Шиллинг вынужден соврать, что только спешка не позволила ему дожидаться своих однопартийцев.

– Понимаю. – Многозначительно говорит конгрессмен Сваровски, только теперь поняв причину того за кустами сборища другого партийного большинства во главе с нервно покуривающим конгрессменом Ролексом, к которому принадлежал Шиллинг. – А я уже было хотел бить в набат: наш противник что-то задумал! – Улыбнулся про себя Сваровски.

– Я, конечно, могу вас удостоверить, и даже сопроводить до места, но как понимаете, то и вы в будущем должны будете проявить должное понимание некоторых насущных для меня

проблем. – Как и ожидалось Шиллингом, Сваровски начал торг. И только Шиллинг слегка искривился в лице, как Сваровски немедленно замечает это его проявление не конструктивности мышления, и начинает его шантажировать. – Что ж, я могу предложить и другой, более подходящий для вас, незнакомый для меня господин попрошайка, вариант ваших отношений с самим собой. – Обдав Шиллинга надменным взглядом, процедил Сваровски. – Я сейчас же вызову полицию, и тогда посмотрим, найдётся ли хоть один конгрессмен, кто решится удостоверить вашу никчёмную личность. И вы отлично понимаете, что этот вам будет в будущем грозить. Поставленные перед нравственным выбором конгрессмены, – чего они терпеть не могут, – признать вас или не признать, в независимости от того, как дальше будут развиваться события, – может в этот момент подоспеет передумавший вас снимать с должности президент и удостоверит вас как своего приятеля, – а быть приятелем президента, ничем не хуже, чем быть министром, – они все тебя возненавидят, и тогда ты можешь поставить на своей будущности крест.

Но Шиллинг не поддался на шантаж Сваровски – он ничего нового для него не сказал, и то, что его возненавидят все вокруг, то это и так уже данность, а по-другому здесь быть и не может. Ведь только агрессивная среда способствует работе мыслей и движению – а ненависть и недовольство данностью, есть самый лучший катализатор жизни, не дающий застояться вам на одном месте.

– Но всё же не стоит так рисковать. – Шиллинг решил, что к кому-кому, а к Сваровски он точно не будет обращаться за помощью. – А вот идея таким образом проверить на лояльность ко мне конгрессменов, довольна не плохая. И если что, то настоящее лицо политика, и должно узнаваться без паспорта или удостоверения личности. Он сам есть уже удостоверение своей личности. И вообще, политик с большой буквы, это тот человек, кого ничто земное не держит, и он априори (и понимающие люди поймут, что это значит) должен быть человеком без паспорта. А то, что я забыл свои документы, то это знак выше. Мне в скором времени, понадобятся уже другие документы! – Сделав окончательный вывод из всей этой своей заминки, Шиллинг, бросив взгляд назад, где притирались к потоку прохожих его охранники, немного успокоился и, повернувшись в сторону своего прежнего пути, выдвинулся туда.

Но сегодняшнее утро для Шиллинга явно не самое заурядное и простое, а всё потому, что он решил пересмотреть собственную значимость для этого утра и вслед за ним и всех остальных утренних времён суток. И как обязательное следствие всему этому, бесконечная череда вопросов, которая немедленно требует для себя ответов от Шиллинга – и это вполне понятно, ведь Шиллинга вместе с новым собой открывает по-новому и окружающий его мир, а значит, и у него есть к нему свои вопросы. И главный из них, это вопрос: а кто же всё-таки я есть на самом деле? И хотя Шиллинг, многое о себе зная, частично об этом догадывается, – неоспоримо одно, я человек мужского пола, – всё же никогда нельзя на сто процентов в чём-то быть уверенным. И тем более в наше, столь быстро изменчивое время, где не успеешь привыкнуть к одному убеждению, как политическая целесообразность всё переворачивает с ног на голову. Так что можно сказать, что Шиллинг несколько поспешно себя ведёт, утверждая себя в такой половой основательности. Кто знает, как на эту его веру в себя посмотрят завтрашние идеологи безотносительности.

Сейчас же его этот лежащий в перспективе вопрос, не сильно интересует, когда его опять захватило сомнение со своим Гамлетовским вопросом – принять всё как есть и течь по течению своей жизни, или же принять поступившее предложение и стать тем, кто сам прокладывает русло для всех этих течений. Ну а сомневающийся в себе человек, – да именно в себе, а не в выборе своего решения, ведь за этим выбором стоит вся существенность выбирающего человека, и получается, что он и делает выбор между двумя своими антиподами, которые и стоят за тем или иным выбором, – всегда лёгкая добыча для разного рода заблуждений, к которым относятся и всякие суеверия, к которым очень часто и обращает свой взор всё тот же сомне-

вающийся в себе человек – особенно в тех случаях, если он должен принять очень важное, требующее всей его рассудительности решение.

– Вот если первый встретившийся мне на перекрёстке пути светофор, когда я своим, как есть шагом, подойду к перекрёстку, будет светить зелёным светом, то я приму их предложение. А если не будет, то ... – Но Шиллинг не стал додумывать, что будет в этом случае, а он, подняв вверх голову, своим взглядом устремился вперёд, пытаясь рассмотреть там, что его ждёт. Но как всегда в таких, завязанных на судьбе случаях бывает, то Шиллингу не удалось вот так сразу разглядеть, что его там впереди ожидало – сплочённость людских спин и повышенная оживлённость прохожих у перекрёстка дорог, обычное явление. А это всё подводило Шиллинга к тому, что он никак не мог подкорректировать свой ход под определённый устраивающий его подсознание шаг, и получалось, что он объективно никак не мог влиять на итоговый результат того, что насчёт него решит судьба.

– Что-то мне подсказывает, что судьба решит сыграть со мной дурную шутку и подмигнёт мне жёлтым сигналом светофора. Мол, сам решай, оставаться стоять не успевшим человеком, или рискнуть и стать успевающим человеком. Знает же сволочь, что каждый человек стремится стать успешным человеком, оттого, наверное, столько всегда аварий на этих перекрёстках жизни. – И только Шиллинг так для себя судьбоносно решил, как ему из-за чьей-то спины открылся свет его судьбы. – Зелёный. – Прямоком через глаза всё внутри Шиллинга осветилось этим светом возможности, и его ноги сами себя, без подсказки центра принятия решений Шиллинга, понесли. При этом Шиллинг почувствовал, как его сердце крепко забилося в груди, а сам он начал нервно переживать – успеет он или не успеет перейти через дорогу до красного сигнала светофора, и не придётся ли ему завершать свой переход на бегу. А от этого между прочим, многое зависит, или точнее сказать, им будет видеться отношение судьбы к его путевому выбору – если она позволит ему пройти перекрёсток без спешных проблем, то она благословляет этот его путь, ну а если на полпути светофор замигает и ему придётся ускоряться, то судьба всю ответственность за этот его выбор возлагает на него и ещё не совсем уверена в том, что он справится.

Но вот он вступил на проезжую часть одной из пересекающихся дорог, так сказать, всей подошвой ботинка прочувствовал всю её твёрдость, и без дальнейшего промедления на рассуждения и осмотр тех людей, кто движется навстречу и будет собой мешать его ходу вперёд, выдвинулся вперёд. При этом как он чувствовал всем собой и буквально крепко своими плечами и затылком, то он в своих устремлениях вовремя добраться до той стороны дороги, не один здесь такой. И, пожалуй, случись с ним какое-нибудь столкновение на его пути к своей цели с теми, перед кем стоит одновременно такая же и другая задача – так же вовремя добраться, но уже к противоположной стороне перекрёстка – то он не будет одинок в своих ненавистных взглядах на это хамло, которое задрав голову или залив свои зенки, и не видит куда идёт.

Но видимо судьба действительно благосклонно относится к выбору Шиллинга и он без всяких происшествий на своём пути, достигает противоположной стороны перекрёстка – хотя встретившаяся на его пути блондинка (а они почему-то всегда встречаются на нашем перекрёстке пути), своим сногшибательным видом и откровенно заинтересованным взглядом на него, чуть не сбила его с мысли (может за ней повернуть?) и ходу.

А как только Шиллинг вступил на другую сторону перекрёстка, а по его глубоко-философскому размышлению, на другой берег жизни, то он сразу почувствовал в себе наполнение себя новым чувством какой-то самозабвенной одухотворённости, с её уверенностью в своих силах. Но только Шиллинг по новому, глубокому вздохнул новой атмосферы жизни, отчего у него даже немного закружилась голова, как в дополнение ко всему этому, сзади раздаётся столь оглушающее звучащий визг колёс автомобиля с последующим очень звучным и таким красноречивым ударом, что ни у кого из рефлекторно пригнувших головы и зажмуривших

на мгновение глаза людей, оказавшихся на этой стороне дороге, не остается сомнений в трагичности случившегося там, за их спиной. Куда они все, за исключением только Шиллинга, в следующий момент и повернули свои головы. И судя по ужасу стоящему на их лицах, то там действительно что-то случилось ужасное.

Но Шиллинг, не смотря на нестерпимое, подталкивающее его к этому любопытство, не оборачивается назад, – там нет ничего для меня нового, красный свет сигнала светофора и ещё один не успевший стать успешным человек, – а, расталкивая столпившихся перед ним людей, идёт дальше, по намеченному собой пути. Правда, когда он преодолел этот заслон, состоящий из людей-зевак, он, вспомнив о своей охране: «А может это кто-то из них? Ведь они шли с запозданием», – хотел было повернуться и убедиться хотя бы в том, что в аварию попал кто-то другой, но побоявшись спугнуть удачу (вот из-за этой своей кровавой сущности, вся эта суеверная приметливость и осуждается людьми верующим в милосердие, а не в авторитаризм судьбы), не стал оборачиваться и двинул дальше.

Но Шиллинг разве не знал, что госпожа удача, как и любая, крайне радикальная сущность, требует от своих последователей не меньшей фанатичной последовательности, которых она будет с незавидным для них постоянством, подвергать испытаниям, насылая на них сомнения и неверие в себя. И хотя Шиллинг своим проявленным равнодушием к чужой судьбе подтвердил свою заявку на звание баловня судьбы, ей этого будет недостаточно и она тут же подвергнет своего адепта новому испытанию.

– А может это всего лишь случайность? – пройдя немного, не смог не засомневаться Шиллинг, ведь он вверил себя в руки судьбы, а она как все знают, любит во всём научный подход. А это значит, что для того чтобы убедить себя в том, что всё что с ним случилось, было не случайность, то как минимум ещё в двух, друг за другом следующих случаях, его должен встретить зелёный сигнал света светофора на перекрёстках. И только тогда Шиллинг сможет с полным правом заявить, что всё это не случайность и его выбор основывался на точных расчётах.

И как вскоре Шиллингом, с нещадно бьющимся в груди сердцем выяснилось, то он не зря вверил свою судьбу в руки судьбы (глобальной), которая даже не подгоняя его шаг, без всяких остановок на красный свет сигнала светофора, провела его по всем этим встречным перекрёсткам.

– А это, несомненно, что-то значит. – Было расслабился обрадованный Шиллинг, как его тут же на этом расслаблении подловила судьба-злодейка. – А может за этим всем стоят недружественные тебе хакеры? – в один вопрос потряс все основы своего стояния сам Шиллинг – чёрт его дёрнул увидеть рекламу нового шпионского фильма на автобусе и через это вспомнить о вездесущих хакерах, которым ничего не стоит внедриться в пункты транспортного контроля и переформатировать всё в городе движение. – Но зачем им всё это? – задался вопросом к себе Шиллинг.

– Чтобы привести тебя к президентству. – Следует ответ его внутреннего голоса.

– И зачем? – всё не поймёт всю степень коварности врагов Шиллинг, продолжая задаваться вопросами.

– Чтобы иметь на тебя в будущем рычагии давления. Скажут, если ты друг любезный, не будешь выполнять все наши рекомендации в своём президентстве, то мы обнародуем распечатку твоих перемещений по городу, и твой избиратель до шага узнает, кто способствовал этому твоему беспрепятственному движению по городу – анонимные только для невежд хакеры, тогда как умеющие понимать и видеть, отлично понимают, что это за хакеры, мать твою были. – Чуть не уронил лицом в асфальт Шиллинга своим откровением его внутренний голос, за ниточки которого дёргал кукловод всех внутренних голосов, всё та же госпожа удача, уж больно любящая все эти игры разума.

– Всё это чушь, притянутая за уши. Никто в неё не поверит! – чуть было в истерике не разрыдался Шиллинг, сам себе не веря. И внутренний голос даже не собирается его в этом разубеждать, намекая на некоторые его действия в этой сфере, – ты сам знаешь, что и за меньшую связь, самые успешные карьеры самых высших сановников растаптывались. Шиллингу хоть и тяжело это слышать, и хочется упасть, всё же он крепится и твёрдо стоит на ногах, придерживаясь рукой о стенку какого-то кафе. Из окон которого, на него смотрит любопытная пара женских глаз, живущих пока ещё одним любопытством. Что помогает Шиллингу собраться с силами и, выдавив этим глазам в ответ натяжную улыбку, выпрямиться во весь рост, затем более внимательно посмотреть на эти всё любопытствующие глаза и, прислонив руку к шляпе, отдать им дань своего внимания и выдвинуться дальше в путь.

– Интересно, что они подумали, глядя на меня? – задался было вопросом Шиллинг, вспоминая эти радующиеся жизни глаза, но кто-то ему внутри напомнил о несвоевременности таких вопросов и вообще не время сейчас на что-то вокруг отвлекаться, когда его ждёт столь важное дело. – Вот решишь все дела, тогда и глазей по сторонам. – И так уже понятно, кто так осадил изнутри Шиллинга.

И он вынужден этого деспота слушать, а иначе он поставит его в такие рамочные ограничения, что Шиллинг кроме него никого не сможет слышать и слушать. – Не выводи меня из себя, а иначе знаешь, чем это тебе грозит. Отдельной, оббитой подушками палатой, в одном специализированном, с самими с собой разговаривающими людьми заведении. А я собеседник, сам знаешь какой, не сговорчивый. И меня ты точно не переговоришь. – В любой момент может поставить точку в здравом смысле существования Шиллинга этот его страшный оппонент, которому плёвое дело ограничить собой всю реальность Шиллинга.

Так что Шиллингу всегда приходится прислушиваться к пожеланиям этого своего первого я, и так сказать, корректировать свои решения с ним. Чем он тут же и занялся. – Мне кажется, что в своём выборе полагаться на одну случайность, будет не слишком благоразумно. – Рассудил Шиллинг. И не услышав никакого в себе противоречия, принялся развивать эту свою мысль. – И было бы неплохо получить некий знак свыше. – А вот в этом заявлении Шиллинга, явно прослеживалась его заносчивость. На что сразу отреагировал тот, кто всё в нём слышит. – С такими мыслями не долго накликаешь на себя беду, если будешь вслух потом всем говорить, что, – это был знак свыше, – подвинуло тебя к этому шагу. – Быстро поставил на место этого вообразившего себя пророком Шиллинга, отвечающий за его здравомыслие, внутренний голос.

Но Шиллинг умеет уговаривать, особенно если тем, кого нужно уговорить, является он сам. – А я никому не скажу. – Заявляет Шиллинг и, ему в очередной раз верят. – Тем более было бы интересно знать, как ко всему мною задуманному относятся небеса.

– И как же ты собрался об этом узнать? – так, для проформы спросил внутренний голос Шиллинга, когда он уже всё знал, и сам, в общем-то, и предложил ему этот способ проверки мнения небес.

– Тот, кто первый встретится мне в дверях конгресса, тот и будет определять мою судьбу. – Как-то уж высокопарно это сказал Шиллинг, что его внутренний голос не удержался от того, чтобы подловить его на этом слове и на одной невероятно паскудной возможности. – А если это будет дурак? Что не такое уж невероятное и немислимое дело. – Чуть было не срезал всю уверенность в Шиллинге он сам. Но Шиллинг умеет вести диспуты и споры, и у него всегда есть запасной вариант для ответа. – Моё решение не будет зависеть от мнения встреченного мною человека. А всё гораздо проще. Если первый мною встреченный конгрессмен, будет принадлежать к оппозиции, то я приму поступившее ко мне предложение. А если он будет принадлежать к партии власти, то уж ничего не поделаешь, придётся остаться при власти. – Не совсем искренне поддался воле судьбы Шиллинг. И это не остаётся без внимания того, кто всё в нём знает, и он своим новым, до чего же язвительным заявлением, ставит в тупик Шиллинга.

– А если это будет не конгрессмен, а какая-нибудь суфражистка? – вопрошает внутренний голос Шиллинга, ставя Шиллинга в полное непонимание того, откуда он таких заумных, и не поймёшь что значит слов, набрался. – Не сбивай с мысли. – Огрызнулся Шиллинг, минуя поворот и, оказываясь на финишной прямой, где вот оно, ждёт, не дожждётся его прихода, здание конгресса.

– Всё решено, чей партийный представитель мне встретится, то так тому и быть. – Решительно сжав кулаки, Шиллинг было собрался сделать первый шаг по направлению к конгрессу, – до подъёмной лестницы ведущей ко входу в конгресс, ему оставалось лишь преодолеть лужайку, – как к полной для себя неожиданности обнаруживает и не пойми откуда здесь взявшегося чёрного кота. Который не просто смотрит на него, а как бы всем своим видом показывает Шиллингу, что собирается перебежать ему дорогу. Что и в самых обычных случаях заставляет три раза через плечо плевать даже самых неверующих в суеверия, самоуверенных людей, тогда как сейчас, когда Шиллинг так настроен видеть во всём знаки и знамения, это появление чёрного кота, да ещё и с намерением перечеркнуть все его планы на сегодняшний день, не может не потрясти все основы Шиллинга, в результате чего он замирает на полпути к своему шагу, впад в нервный ступор.

И хотя Шиллинг оказался в крайне неловком для себя положении – одна его нога занесена для шага, голова повёрнута в сторону кота, а одна рука отталкивается от воздушной стены, чтобы сделать этот шаг – он стоит как влитой и не сводит своего взгляда с кота, пытаясь переубедить его идти наперекор ему. Но тот не бежит перебежать дорогу Шиллингу не оттого, что он прислушался к его виду, а он скорей всего, решил поиздеваться над этой ещё одной жертвой мистицизма, чьим верным проводником является чёрный кот. И при этом кот смотрит на Шиллинга не с тем опасливым трепетом, прижав голову и уши к земле, которые демонстрируют все коты, чувствуя опасность, а он с каким-то прямо вызовом смотрит на него и, ошетилившись в злости, ждёт, когда Шиллинг даст старт его забегу.

Что, видимо, понимает и Шиллинг, и оттого он не может шелохнуться, ни рукой, ни ногой, а вот посмотреть по сторонам в поиске помощи, то это он может, и смотрит. Где к своему новому удивлению натывается обращённый на него, очень внимательный взгляд конгрессмена Альцгеймера. И как видится Шиллингу, то Альцгеймер не просто в любопытстве уставился на него, а он как будто заморожен всем с ним происходящим, что даже не замечает того, что происходит вокруг него. А там, у одного из дорожных ответвлений, ведущих в глубину парка, между тем было не безлюдно, и один неприметливый господин отделился от группы прохожих и направился к Альцгеймеру. После чего он, подойдя к Альцгеймеру, с чем-то к нему обратился.

И хотя отсюда, где находился Шиллинг, было не разобрать и не слышно, с чем этот неприметный господин обратился к Альцгеймеру, всё же Шиллинг по ответным действиям, как будто очнувшегося от забытия Альцгеймера, понял, что спрашивает этот подошедший к нему господин – он попросил у него огоньку, чтобы прикурить. На что Альцгеймер в ответ начинает ощупывать свои карманы на предмет присутствия в них чего-то подходящего под это дело. Но видимо там сегодня ничего такого нет, и он, разведя в сторону руки, вынужден не обрадовать этого неприметного господина.

Тот же со своей стороны ведёт чрезвычайно странно. Так он вместо того, чтобы ответно пожать плечами и откланяться с заверениями о том, что не хотел беспокоить по пустякам столь отзывчивого господина, лезет в карман своей куртки и достаёт оттуда некий предмет. Которым как совсем сейчас выясняется, оказывается зажигалка, с помощью которой он прикуривает сигарету и, пустив дым в лицо Альцгеймеру, оставляет того в полном непонимании происходящего. Что можно сказать и о Шиллинге, за всем этим наблюдением совсем забывшим о своей проблеме. К которой он бы сейчас и вернулся, если бы на этом закончились все эти странности с Альцгеймером.

И не успевает Альцгеймер собраться с мыслями и понять, что всё это сейчас было, – это всё так видит и понимает Шиллинг, тогда как с его стороны всё быть может было по-другому, – как ему начинает чувствоваться, – хотя на один момент создалось такое ощущение, что Альцгеймер как будто спохватился и что-то для себя очень понял, – а Шиллингу это всё видится, что сзади, со стороны здания конгресса, по направлению к нему решительно идут несколько крепких людей во всём чёрном. Что заставляет Альцгеймера одной головой обернуться и убедиться, что предчувствия его не обманули – по его душу уже идут. Идущие же к нему люди, со своей стороны обнаруживают не только свою замеченность Альцгеймером, но и то, с каким он понятливым взглядом смотрит на них, что вынуждает одного из них, скорей всего самого главного, громко обратиться к Альцгеймеру: «Конгрессмен Альцгеймер! У нас к вам пару вопросов!». Чего, как оказывается, вполне достаточно Альцгеймеру, для того чтобы не дожидаться подхода этих людей в штатском, а сорвавшись с места, резко броситься бежать прочь от них, в сторону лесного массива.

В свою очередь люди в штатском, явно были готовы к такому развитию ситуации, и они, в одно мгновение вынув из внутренних карманов костюмов пистолеты, со всех ног бросились в погоню за Альцгеймером.

Шиллинг же, ничего не понимая, смотрел им вслед до тех пор, пока они не скрылись в зарослях кустарников, а когда он пришёл в себя, то он уже стоял перед лестницей, ведущей в здание конгресса. Где он оглянулся по сторонам, затем посмотрел назад, и так и не вспомнив, куда же девался кот, опять было собрался сделать шаг по направлению входа в здание, как появление в поле его зрения, на выходе или входе в здание конгресса, человека неуловимо похожего на тех людей в штатском, которые бросились за Альцгеймером, заставляет его напрячься и остановиться в полном внимании к этому человеку. Который, как это видно Шиллингу, заметил его и, без лишних трат времени на раздумье, выдвинулся по направлению к нему.

И теперь Шиллинг при виде спускающегося по ступенькам, идущего по направлению к нему человека, не просто в штатском, а однозначно с наличием лицензии на арест и убийства, в виде удостоверения и пистолета в кармане, с дрожью в сердце не знает, что ему сейчас делать – последовать примеру Альцгеймера и подставить свой затылок пуле, которая явно быстрее летит, чем он бежит, или же сдаться на милость тех, кто послал этот инструмент закона по его душу.

И Шиллинг, чьи ноги, одеревев, прямо росли в землю, выбрал второй вариант.

– Господин, вице-президент Шиллинг? – приблизившись насколько можно было близко, при этом не нарушая зону комфорта Шиллинга и, оставляя для себя возможность на манёвры, обратился к Шиллингу человек в штатском. – А я ещё переживал за документы. – С горечью усмехнулся про себя Шиллинг, сказав вслух, что это он.

– У меня для вас не самые хорошие новости. – Со скорбным выражением лица проговорил человек в штатском.

Глава 4

Утренние прозрения

Нынешнее, – а это есть всего лишь временной фактор, – как и любое другое утро, есть всего лишь природная данность, о чьей значимости для природы можно только догадываться, тогда как для каждого в отдельности человека, любое и в том числе то утро, о котором сейчас зайдёт речь, имеет то самое значение, которое он ему придаёт. Или всё же вначале утро собой обозначит подъём для человека, а уж затем он окинет себя и окружающее себя пространство взглядом исследователя, и уж затем сделает для себя вывод, что для него это утро значит. – Это ещё ничего не значит, что я тут, не у себя дома, а не пойми с кем заночевал. – Как правило, вот значаще, во всё горло про себя заявляют странствующие пилигримы.

Но так значаще встречает утро людей не обременённых ответственностью перед другими людьми, а вот кто не побоялся и взвалил на свои плечи все тяготы ответственности, как минимум перед своей второй половинкой, с кем его связывает глубокая привязанность к одному месту ночлега и клятвенная договорённость спать всегда в одном и том же месте, и при этом в одно и то же время (а то бывают такие хитрецы, которые придерживаясь первого пункта соглашения, никогда не следуют второму – а это всегда приводит в инцидентам на ревнивой почве), то для него каждое новое утро по своему, по особому значаще выглядит.

И первое, что встречает каждое утро этого ответственного человека, а в нашем случае это Мистер президент, чья ответственность перед людьми не замыкается на одной только первой леди и она простирается много дальше, на большую часть просвещённого человечества, так это исходящее из-за его спины мерное дыхание его супруги, Первой леди. Ну а Мистер президент, как человек глубоко уважающий свою супругу и её всегда такой чуткий сон, – он прекрасно знает, как ей тяжело приходится на своём посту первой леди и заодно на посту супруги такого непростого человека, каким является он, – не спешит показывать что он проснулся – стоит ему потянуться или широко зевнуть, как Первая леди сразу проснётся. А Мистер президент, по себе знающий, как иногда хочется подольше и беззаботно поспать, готов пойти на некоторые хитрости, чтобы дать Первой леди подольше насладится своим мирным сном.

Так Мистер президент, ничем себя не выдавая, начинает прислушиваться к исходящему со стороны Первой леди дыханию. После чего убедившись в том, что она дышит ровно, без патологий на свисты лёгких, взяв себя и одеяло наизготовку, начинает выжидать того переходного момента в её дыхании, когда будет можно беспрепятственно покинуть кровать, а затем свою опочивальню. И вот этот переходный момент, под названием порог бездыханности, настаёт, – Первая леди выдохнула из себя переработанную порцию кислорода и сейчас для того, чтобы наполнить себя новой порцией живительного кислорода, приготовилась вдохнуть, – и Мистер президент, чутко уловив этот момент возможности – Первая леди даже если среагирует на этот его подъём, то всё равно, пока не вздохнёт ничего сказать ему не сможет – резко скидывает с себя одеяло и без оглядки несётся вначале в ванную комнату.

Где он быстро приводит себя в косметический порядок – он обрызгал собой унитаз, обрызгал водой из под крана себя, пальцем руки с намазанной на него пастой почистил зубы и, смочив слюной руки, взъерошил волосы – после чего прямоком идёт в имиджевую комнату, где его уже ждут два специалиста по более глубинным косметологическим технологиям, которые уже окончательно наведут на него лоск и слепят из его помятого лица то самое лицо президента, которое с обложек журналов и экранов телевизора озаряет надеждой своих избирателей и ослепляет злобой его недругов.

Так что этот процесс очень ответственный, вот почему Мистер президент позволяет этим мастерам стилистики, имиджа и макияжа, вести себя непосредственно и даже раскованно, где они позволяют себе отпускать в адрес друг друга скабрзные шуточки, а если Мистер президент не будет против, то его окружению тоже достанется на орехи. В общем, Мистер президент здесь не просто отдыхал, а заряжался на весь день энергией. Правда сегодня Мистер президент не учёл фактора озлобленности Первой леди, которую он вывел из себя вчерашним своим поведением. И это не то, о чём все, а особенно тот мужик с серьёзным лицом на портрете, сразу же могли подумать – Мистер президент как обычно остался верен себе, наобещал в три короба Первой леди, а как дошло дело до исполнения, то он и забыл о своих обещаниях в своём храпе – а всё было гораздо хуже.

Так Мистер президент, явившись как обычно, отбито плечами о косяки дверей, запыхавшись в мыслях и спотыкаясь об ковёр, то есть в приподнятом состоянии своего духа, что могло сдвинуть с мёртвой точки некоторые давно уже не исполняемые им обещания, вдруг при виде Первой леди повёл неожиданно для себя неприкрыто. И Мистер президент вместо того, как он обычно делал в такого рода случаях, – выразив удивление при виде Первой леди,

посмотрел сквозь неё, – взял и неприкрыто переменялся в лице. Так он в одно мгновение, из добродушного и по-своему счастливого человека, переформатировался в искривлённого гримасами недовольства человека – мол, как не приду домой уставший, но всё же с чувством выполненного долга и оттого немного счастливый, а там ты с претензиями на меня смотришь, то меня и воротит домой не идти.

И Первая леди догадывается, откуда у Мистера президента все эти мысли – с недавних пор Мистер президент пристрастился слушать чуждую ей музыку, в акустическом исполнении некоего хриплого голоса, который ещё и поёт непонятно. Но для разъяснений слов этого, судя по голосу, матёрого исполнителя, у Мистера президента есть переводчик с иносказательных слов, господин Срочняк, к которому у Первой леди тоже есть вопросы.

Но Первой леди в очередной раз не удалось стребовать с Мистера президента ответов на свои вопросы, и не потому, что она онемела в возмущении при виде этой метаморфозы в лице Мистера президента, а затем ещё пять минут не находила подходящих, но при этом цензурных слов, чтобы высказать этому подлецу и негодю, что она о нём думает, а потому, что Мистер президент быстро сообразил, что его сейчас ждёт и быстро вспомнил о требующих его немедленного вмешательства неотложных делах. – Совсем забыл собрать совет по национальной безопасности. Есть у меня для них пару головоломок. – Заявил Мистер президент, уносясь из спальни комнаты. А вот куда он сумел добежать, то тут без особых вариантов – до столовой, где его ждал сэр Рейнджер, у которого уже всё было приготовлено, наливо по бокалам и нарезано по тарелкам.

Правда пока Мистер президент находится в неведении всего того, что там, в нервном волнении, испытывает Первая леди, решившая, что сегодня она, несмотря ни на что, а добьётся ответов на все свои вопросы от своего беглого супруга. А чтобы ему было стыдно, то она не собирается приводить себя в порядок, красясь и напомаживаясь в туалетной комнате, – пусть все видят, до чего он меня довёл своим беспутным поведением и безразличием к моей судьбе, – и как есть, в одном драном халате (для чего она отрывает от него пару пуговиц и рвёт одно из гнезд для пуговиц) покажусь на глаза перед его стилистами. Пусть они его осудят.

Правда стоило только ей припомнить этих мастеров стилистики, чья специфика работы объяснялась очень многим, то она тут же засомневалась в этом своём решении. – Они в один взгляд на меня, меня осудят и, переглянувшись между собой, так и скажут: теперь ты видишь, как я был прав насчёт всех этих леди. От них ничего путного не дождёшься. – Первую леди аж передёрнуло от этих откровений стилистов. Но это было только начало, и только один стилистов, вроде как Андре, перевёл свой взгляд с её драного халата на ничего не подозревающего Мистера президента, и взялся за массажную расчёску с феном, то тут Первая леди уже не сдержалась и бросилась спасать Мистера президента из хищных лап стилистов, которым дай только доступ к своей голове с феном наперевес, так они уж так расстараяются переформатировать взгляды на себя своего клиента, что он своего утра уже не будет представлять без стилистического столика этих шарлатанов от макияжа.

Пока же Первая леди ещё не выскочила из дверей спасать Мистера президента, ничего не подозревающий Мистер президент, расслабившись сидел перед зеркалом в очень удобном и оттого успокаивающем кресле, а весь из себя напомаженный стилист Андре, запустив ему в волосы свои цепкие пальцы рук, своими движениями пальцев рук, не просто сгущал какие-то там масла, укрепляющие волосы, а он сгущал мысли Мистера президента в правильную сторону – другими, очень верными словами сказать, он замыслил (кто за этим Андре стоял, даже гадать не нужно, всех радужных мастей глобалисты).

Ну а когда тебя не просто глядят по голове, что по себе очень приятно, а так точно способствуют расслаблению и немного снимают боль после твоего вчерашнего нервного исступления, то для полного оздоровительного эффекта рекомендуется поговорить об этом и о тех, кто этого разговора заслуживает.

– Ну что нового, Андре? – спрашивает Андре Мистер президент.

– У кого? – Андре уже наловчился на разговоры с Мистером президентом и знает, что ему ответить.

– У кого? – задумался на мгновение Мистер президент. – А кто этого заслуживает. – Быстро нашёлся Мистер президент.

– Как правило, внимание заслуживают не те, кто его заслуживает, – они его всяческим способами добиваются, – а вот те, кто заслуживает внимание, то они всегда остаются в тени. – Философски ответил Андре. Но Мистер президент ничего не имеет против того, чтобы люди, не хватающие звёзд с неба, немного понабивали себе цену. И довольно усмехнувшись, спрашивает Андре, кто на этот раз его вывел из себя (Мистер президент так же отлично понимает, к чему говорят все эти обговорки). Ну а Андре хоть и дали добро резать правду матку, он, тем не менее, не спешит обрушивать её на того, выведшего его из себя и заслужившего от него гневного, а может и всего оскорбительного слова человека, а он тщательно подбирает для этого ходячего вызова их красивой природе, человека Квазимодо, самые невыносимо слышать слова.

– Ничего нового, а всё как обычно, – закатив свои глаза в своё поднебесье, несколько манерно начал своё изложение накопившего Андре, – надоедливая плешь, со своими вечными придирками. – И хотя Андре в своём высказывании использовал всё больше физические характеристики, не указав никаких имён, Мистер президент отлично понял, о ком шла речь – о конгрессмене Тата, чьей головной отличимостью, не считая его бесконечную упёртость в чём-то обязательно безумно провокационном, была расположившаяся на всю голову плешь.

Почему Мистер президент позволял своим стилистам, а особенно Андре, так оскорбительно прохаживаться по головам ему близко знакомым людям, то если не считать уже выше озвученной причины, то Мистер президент по дипломатическим и отчасти стратегическим соображениям, не имея возможности называть вещи своими именами, – а так иногда этого хочется сделать, – с помощью Андре и называл всё как есть.

Ну а так как Андре смотрел на президентское окружение со своей точки профессионального нахождения – ему приходилось отвечать за внешнее состояние голов этих чиновников (за внутреннюю наполненность отвечали другие лица – в свою очередь за их наполненность отвечали... а вот этого, так пока и не удалось выяснить) – то есть со стороны их затылков (Андре простыми словами был парикмахером, но так как это профессиональное слово имело в себе не толерантный подтекст, дискриминирующий лица, не имеющих этого упомянутого недостатка, то оно и перестало употребляется), то и идентификация им лиц президентского окружения была такая односторонняя.

Ну а так как люди в высших эшелонах власти, по большей части были людьми многоопытными и значит, пошарканными жизнью, то это не могло не наложить на их головы свою печать времени, в виде пролысин, загустения в бровях и седины в бороду в лёгком случае, потери последних остатков волос до лысины в трагичных для носителя этой головы случаях (в предусмотрительных случаях эти потерянные люди брались за бритвенный станок и таким образом молодились) и в мрачных случаях, когда весь состав многоопытности был на потёртое и измождённое морщинами лицо, как в случае с господином Тата. Отчего все эти господа и были слишком к окружающим людям придирчивы, особенно в тех случаях, если ты отвечал за их поплёкшую красоту. Так что вполне понятно, отчего Андре был так враждебно настроен к этой категории людей, которые с одной стороны ему давали работу, а с другой стороны, он ведь не маг и волшебник, чтобы так с него требовать.

– Хочу мол, чтобы от меня были без ума восемнадцатилетние! – с порога ставит невыполнимую задачу перед Андре, уже перезрелый до маразма господин Тата. И Андре в своей растерянности перед такими невыносимыми задачами, – а этот Тата исповедует принцип, вначале результат на лицо, а затем оплата, а это значит, что Андре не заплатят, – проявляет не сдержанность на язык и сбалтывает то, чего не следовало говорить. – Так вы ей покажите своё

удостоверение конгрессмена и в придачу полный купюр портмоне, то она в один момент будет от вас без ума. – И понятно, что эти слова Андре покорили и оскорбили всю душевную конституцию конгрессмена Тата, дожившего до того возраста, когда хочется бескорыстной любви, а ему значит такое тут предлагают.

– Да я тебя, бл*ть! – в один момент взрывается этот нервный конгрессмен Тата. Да так это делает хитро, что ожидающий от него досказанности Андре, – а это значит, что у него ещё есть время, чтобы увернуться от чего бы то ни было, – даже не успевает сообразить (а всё потому, что Тата ничего не досказывает), что ему сейчас делать, когда брошенный ему конгрессменом Тата бейсбольный мяч, вот прямо сейчас сделает страйк об его голову.

Так вот, за такие частности Андре совсем не жаловал всех этих молодящихся конгрессменов, которые понятно, что живут перспективами и заботами о человечестве, но всё же Андре одно не понятно, как они могут всё это проделывать, если не видят в зеркало то, что у них под носом творится. Впрочем, и этой недалёковидности Андре есть свои объяснения. А всё дело в том, что люди дальновидные и обладающие дальновзоркостью, тем и отличаются от простых людей, что они отлично видят, что делается вдалеке, но при этом мало что видят, что творится рядом или под боком.

Между тем конгрессмен Тата не единственный конгрессмен, чья голова требовала для себя порядка и участия со стороны Андре (что поделать, когда всем хочется быть поближе к президенту, хотя бы посредством рук Андре), и у Андре была обширная клиентура из числа конгрессменского корпуса, где каждый из них в соответствии с проблемами в своей голове, получил от Андре своё прозвище. Так что если Андре в разговоре с Мистером президентом упоминал о неких Лопухах, Глобусах или Лишаях, то тут не нужно было пугаться, что у Мистера президента дочесалось в одном месте, а это Андре в своём разговоре упомянул некоторые особенно знаковые головы из числа окружения Мистера президента. – А вот Лишая, я на всякий случай, – говорят, что мысли часто материализуются, – на время отстраню от должности главы генералитета. – Мистер президент бывает задумается над словами Андре, и без каких-либо объяснений поменяет главу своего генералитета. А эти его объяснения: «Меня он своей головой не устраивает, и мне нужен более покладистый и ворсистый», – разве это объяснения, да это насмешка над здравым смыслом.

– И что на этот раз? – расплывшись в своём добродушии, задался вопросом Мистер президент, ожидая от Андре во всех смыслах приятнейший рассказ о приключениях конгрессмена Тата, как никто другой из конгрессменов умеющий себя выставлять в дураках. За что собственно его и любит избиратель, всегда с огромным перевесом выбирающий его своим представителем. Что уж поделать, когда избирателю хочется не только слышать, что с тобой разговаривают на понятливом тебе языке, – в чём как раз был большой мастер, конгрессмен Тата, первый матершинник палаты представительств, – но и видеть, что в этом мире ты не лишний, раз даже там, среди людей избранных, есть полное подобие тебе, – да посмотрите на него, да он точь-в-точь, плюётся и бьётся в истерике, как наш Скотт.

Но не успевает Андре и рта раскрыть, как дверь в гримёрную президента раскрывается, да так резко, что их всех обдаёт сквозняком, и внутрь чуть ли не врывается со своей претензией, вот так сразу и не разобрать, что за фурия такая в рваном халате. – Ах, вот значит как! – в истеричном крике оглушив всех здесь находящихся людей, с туалетным ёршиком наперевес, останавливается напротив Андре эта, с перекошенным лицом фурия. К которой стоило только всем этим перепуганным лицам приглядеться, как в ней все узнали Первую леди.

При этом каждый из находящихся здесь, в гримёрке, людей, по разному узнал в Первой леди первую леди (наверное, потому, что они находились все в разных положениях по отношению к Первой леди – кто-то один сидел, тогда как другие двое, стояли на своих двоих). Так Мистер президент, признав в фурии Первую леди, сразу понял, что от неё ему ничего хоро-

шего сейчас не стоит ждать, а вот плохого сколько угодно. Что заставило его крепче схватиться руками за подлокотники, в ожидании как минимум, кресло верчения.

Что же касается мастеров пудры и макияжа, Андре и его, любо дорого на него посмотреть, напарника Жоржа, то они, как это и ожидалось Первой леди, со всем своим пристрастием посмотрели на неё оценивающе. И хотя ёршик в её руках удерживал их от красноречивого выражения своих взглядов на неё, всё же Первая леди не дура, и она без труда смогла прочесть, что они в ней оценили, недооценили и переоценили свои взгляды на неё.

– А что ещё можно ожидать от китайского ширпотреба. – В момент оценил знак качества и место производства халата Андре.

– А я вот такого падения стиля никак не ожидал от Первой леди. – Заметил хмурой взгляд Жоржа.

– А я тебе что говорил обо всех этих леди. Нет у меня к ним и к их стилю одеваться доверия, а что уж говорить о том, чтобы раздеваться. – Андре своим недовольным взглядом прямо режет понимание Первой леди, которая такого нецеломудренного взгляда на себя точно не потерпит, и она, выставив вперёд туалетный ёршик, с которого ещё каплями стекало что-то уж больно впечатляющее воображение людей, знающих о неприхотливости использования этого инструмента для прочистки одних общедоступных мест, его видом в опасной от себя близости, выстёгивает все пуговицы штанов Андре из своих застёгнутых пазлов и развязывает шейный платок у его ненаглядного друга Жоржа.

Ну а стоило только Первой леди в их сторону слегка ткнуть этот ёршик, как эти господа стилисты тут же споткнулись об ноги друг дружки и, свалившись вначале в свою неразбериху, не дожидаясь момента, когда хоть одна капля с этого ёршика упадёт им за ворот рубашек, ползком убрались из гримёрки прочь.

Первая леди воодушевлённая этой победой, отбрасывает в сторону ёршик и, повернувшись к президенту, сидящему на кресле к ней спиной, смотрит на него в отражении зеркала. Ну а у Мистера президента другого выхода нет, как сжать что есть силы зубы и не выказывать на своём лице того, как ему сейчас страшно. И теперь ему с каждым приближающимся шагом Первой леди к креслу, становится всё страшней. А когда она, заняв крайне удобную для себя позицию, сразу за его спиной и, занесла над ним свои руки, то Мистеру президенту от переполнившего его страха стало так страшно, что он не удержался и зажмурил свои глаза, в ожидании... А вот чего, то он сам пока не знает, но прекрасно чувствует своей шикарной шевелюрой, что Первая леди запустила в неё свои руки, и сейчас, наверное, будет нещадно рвать на его голове волосы. И если она и сжалится над ним, то только в плане выбора для себя казни. – Выбирай, негодяй, дёргать тебя безумно долго по одному волоску, или же сразу охапками разрывать твою волосаную связь с действительностью?

И Первая леди вполне была готова разорвать все связи президента со своей головой, но когда она с намерением воздать за всё неотзывчивое своему супругу, запустила свои пальцы рук в его волосы, то тут вдруг она, через пальцы своих рук, сердцем почувствовала, как не всё потеряно, и как исходящей от его головы энергией, обтекающе пальцы рук, ей воздаётся за своё ожидание хоть какой-то близости. И Первая леди вместе с пониманием того, как ей всего этого близкого не хватало, поняла также, что этот Андре совсем не зря такое внимание уделял причёске президента – он гад и энергетический вампир, питался президентской энергией.

– Нет уж, этому больше не бывать. Отныне доступ к энергетическим волосам своего супруга, буду иметь только я. – Категорически для всех решила Первая леди, теперь-то понявшая, почему её супруг был так холоден к ней в последнее время. – Его жизненный и любовный потенциал обворовывали эти вампиры. А за ними, ни кто иной, как сэр Рейнджер стоит. – Первая леди вмиг сообразила, кто посоветовал президенту этих стилистов.

– Но ничего, отныне я стану его личным парикма...стилистом, – быстро поправила себя Первая леди, интуитивно почувствовав, что с этим словом что-то не так. – И тем самым решу

сразу две проблемы. Обеспечу энергетическую безопасность нашей семьи и решу вопрос со своим трудоустройством. И за это кое-кому придётся дорого заплатить. – Вдавлив президента своим пронзительным взглядом, Первая леди заодно в горсть крепко ухватила за волосы президента. Который тут же подумал: Вот оно, началось.

Но Мистер президент, будучи не в курсе всех этих переосмысливаний Первой леди, ошибся, и Первая леди уже не собиралась ему трепать нервы, вырывая из его головы волосы, а она, успокоившись немного, сейчас задумалась над совсем другим – о своём разговоре с Ханной Шиллинг. И у неё вследствие этой памятьливости возникли вопросы к своему супругу, которого она привела в чувства, слегка только дёрнув за шевелюру, – а он уже состроил такое страдальческое лицо, как будто он лишился последнего волоска на голове. И только ответный, достаточно красноречивый взгляд Первой леди, чтобы понять, что если он только пикнет, то ему очень горько придётся, не позволил ему голосить.

Ну а чтобы Мистер президент не слишком там расслаблялся, Первая леди начинает заводить свой разговор из такого далека, что Мистер президент в предчувствии самого плохого, начинает покрываться нервной мокротой в спине. – Знаешь, что мне тут по секрету сказала одна наша общая знакомая? – не сводя своего взгляда с отображённого в зеркале лица Мистера президента, с нескрываемым намёком на такое непорядочное поведение Мистера президента, за которое его за волосы подвесить к фонарному столбу мало, процеживая слова сквозь зубы, проговорила Первая леди. И не дай бог Мистер президент отведёт свой взгляд от неё – он тем самым во всех страшных насчёт себя подозрениях признается.

И Первая леди, отлично зная мужскую психологию, специально держит его под таким своим прицельным вниманием, представляя себе, как там он внутри весь напрягся и судорожно соображает, кто бы это мог быть. И это было чистой правдой. И Мистер президент, озадаченный не самим секретом, а именем той, кто обладал этим касающимся его секретом (а узнай имя, ты узнаешь насколько стояц этот секрет – если этим секретом по секрету поделилась с Первой леди их уборщица, тётя Люба, то Мистеру президенту стоит как следует задуматься над тем, что он смог такое компрометирующее, пропустить мимо пальцев своих рук и выбросить в ведро, ну а если этим обладателем секрета является госсекретарь госпожа Брань, то тут особенно волноваться не стоит, максимум, что она расскажет, так это о намеченных тайных переговорах с лидерами оппозиции, некоторых не таких успешных, как они стран), – принялся припоминать всех тех, с кем он за последнюю неделю (далее заглядывать нет смысла, он не вспомнит) имел зрительный контакт или перемолвился словом.

И Мистер президент на этот раз быстро догадался, кто это может быть. – Это майорша Касси! – ахнул про себя Мистер президент, тут же принявшись себя упрекать за свою легкомысленность. – А на что ты рассчитывал? На то, что ты самый заметный на земле человек, останешься незамеченным в глазах не просто рядового человека, а в глазах привлекательной и знающей из фейковых новостей девушки, какой ты на самом деле принципиально бесстыдный и руки распускающий человек. И она сразу заметила, и как ей было не заметить, когда вот оно, прямо перед её глазами, всё это президентское бесстыдство, которое ты завуалировал под свою неопрятность. «Этот сексист и лапатель, пошёл дальше в своих взглядах на нас, женщин, и в частности на меня. И он, не испрашивая моего мнения, совершенно не церемонясь, сразу же ...», – но дальше Мистер президент и в своём воображении не хочет слушать, в чём там его ещё обвинят. При этом Мистеру президенту приходится сдерживать все эмоции в себе и не позволять им выразиться на своём лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.